

Александр Шепель

МАСТЕР ПРОКУРОРСКОГО СЫСКА

Роман

Книга III

ВОЗМЕЗДИЕ

литера
M
2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6.44
Ш 48

Ш 48

Шепель А.Д. Мастер прокурорского сыска: роман. Книга третья (Возмездие). – Рязань: «Литера М», 2016. – 336 с.

С кипучей жизнью следователя прокуратуры Каневского связаны многие расследованные им уголовные дела о самых тяжких и запутанных преступлениях, и всегда для совершившего злодеяние наступало неминуемое возмездие.

ISBN

© Шепель А., 2016

Лесная встреча

В ночь на 8 марта разведгруппа отряда особого назначения была поднята по тревоге и из Ханкалы на «вертушке» переброшена за сорок километров в горный лесной массив.

Высадившись, командир группы, капитан «Ольха», получивший приказ уничтожить отряд боевиков, направлявшихся, по мнению местного осведомителя, в район села Мехкеты, ускоренным шагом повёл двенадцать бойцов наперерез.

Снег в это время года в горах днём рыхлый и мокрый, а ночью подмерзает и скрипит под ногами. За счёт белизны снега горная тропа была хорошо видна. По ней «Ольха» мог пройти с закрытыми глазами, ещё бойцом и в качестве старшего группы ходил по ней много раз. Лесной массив и расположение сёл Мехкеты, Тевзана, Агишты, Элистанжи, Хатуни Веденского района он тоже хорошо знал и мог ориентироваться не хуже, чем любой местный житель.

После полуторачасовой ускоренной ходьбы он сделал пятиминутный привал. Никто из бойцов не жаловался на усталость, выносливость была отличительной чертой их характеров. Накрывшись маскпалаткой и заглянув, на всякий случай, в карту местности, «Ольха» выключил фонарик, собрал палатку, глянул на часы и тихо промолвил:

– Пора, ребята. Ещё такой же переход, и мы на месте.

Все молча поднялись и гуськом пошли за командиром. Тропа то спускалась вниз, то вновь поднималась вверх по склону, петляя между деревьев. Спустя час командир вновь остановился.

– «Сова», ко мне! – слышался его приглушённый приказ.

Широкоплечий, дюжий боец подошёл к нему.

– Пойдёшь со мной. А ты, «Калуга», – он обратился к бойцу, шедшему всё это время следом за ним, – остаёшься за старшего. Веди группу по моему следу. Сбоку, с правой стороны через каждые пятьдесят метров я буду ставить на снегу чёрточку. Ориентируйся по ним: увидишь крест на снегу... плюс имеется ввиду... остановись и жди. Всё понял?

– Так точно, – тихо ответил тот.

«Ольха» и «Сова» ушли вперёд, а через пять минут продолжила путь и основная группа.

«Калуга» продвигался, внимательно замечая на снегу чёрточки. Так прошли около часа, и тут, увидев плюс, он поднял руку, и группа остановилась. Все присели, ошестинившись автоматами на обе стороны. Так просидели минут двадцать. Вдалеке слышался треск, похожий на тот, когда на ветру трётся дерево об дерево. Бойцы замерли, казалось, они как манекены, лишь восемнадцать глаз напряжённо сверлили темноту, пристально вглядываясь и прислушиваясь к каждому шороху. Внезапно впереди слышался шелест кустов и глухой топот. Бойцы на этот звук направили автоматы, но сразу же успокоились, – кем-то испуганный зверь пробежал в десяти метрах. Спустя минуту появился

«Сова», известив о своём приближении условным сигналом.

– За мной, – шёпотом сообщил он, повернулся и направился обратно, остальная группа последовала за ним.

На небольшой высотке, поросшей молодым, в рост человека, сосняком, их ожидал «Ольха». Он уже успел оборудовать себе укрытие, используя камни и еловый лапник для настила. Когда группа прибыла, «Ольха» поднялся и сразу же распорядился:

– Ты, ты и ты... – указав пальцем на бойцов, – занимайте позицию справа... вон на том склоне. Старший «Зима»... Вы втроём, – он указал на других, – расположитесь слева на той небольшой высотке. Старший «Клён»... быстро, не создавая шума приготовить укрытия подобные моему. Тропа проходит между вами в моём направлении. Открывать огонь по моему приказу. Бой начну я, а вам дам знать, когда подключиться... Теперь тебе, «Карась»... возьми двух бойцов и продвись дальше «Зимы» метров на сто-двести. Ты первым увидишь боевиков... пропускай, и как только они пройдут, дай мне знать, а сам с бойцами скрытно продвигайтесь за ними. Ваша задача не дать им уйти обратно, когда мы начнём их утюжить. С остальными тремя бойцами я останусь здесь. Вопросы есть?

– Никак нет, – ответили «Зима», «Клён» и «Карась».

– Тогда по местам. На месте должна господствовать тишина. Всякие запахи исключаются. Кто побрился с одеколоном... трите лицо снегом. На тропу не выходить. К указанным местам выходить в обход... стороной. Всё! С Богом!

Каждая группа ушла в своём направлении.

Все бойцы были профессионалы. Некоторые из них участвовали в боях во время вторжения чеченских боевиков в Дагестан, а затем в первую и вторую чеченскую войну. Поэтому, как только они отошли на несколько метров, сразу растаяли, слившись со снежным покровом, им в этом помогали маскировочные комбинезоны.

Оставшиеся с «Ольхой» не ожидали команды командира, и каждый, заняв позицию, начал её оборудовать.

«Сова» залёг справа в пяти метрах от «Ольхи». Дальше за ним на этом же расстоянии лежал «Крот», а слева от командира «Студент». «Сова» установил свой ручной пулемёт и на уровне конца ствола воткнул в снег сосновые ветки. Несмотря на то, что бойцы были одеты тепло, – морозная сырость всё ж давала о себе знать. У «Совы» стали замерзать ноги, он то и дело шевелил пальцами.

– Что... ноги замёрзли? – спросил шёпотом его «Ольха».

«Интересно. Как он узнал?» – удивился «Сова» и, помолчав, тихо ответил:

– Немного.

– Значит, плохо подготовился, Вадим.

– Как все, так и я.

– Не так. Надо было хорошо просушить носки, а то и одеть свеженькие. Я прав?

– В какой-то степени.

– Тогда повернись на спину и чуть приподними ноги, а потом покрути педали велосипеда. Через пять минут кровь согреет свои ступни.

Послушав совет, он так и сделал... Спустя пять минут уже лежал спокойно, глянув на командира с благодарностью.

– Вадим, я слышал, ты на юрфак поступил? Правда? – спросил «Ольха», вглядываясь в редевшую темноту.

– Собираюсь поступать. На заочное обучение.

– Молодец. Следаком будешь? Или прокурором?

– Жизнь покажет. Но не до пенсии же по чеченским лесам будем бегать за этими духами? Надо думать и о будущем.

– Кажется, ты у нас один не женат?

– Почему один? «Крот», «Ветер» и «Лиса»... уже четверо. Это только те, о которых мне известно. А почему вы спросили?

– Да подумал... Нас, женатых, дома ждут жёны и дети, а вам ещё надо искать свою половинку.

– А нас всех папы и мамы ждут. Женитьба это неживное. Только я лично не могу представить, кто будет моя жена. Мне никто не нравится... То голос грубый, то нос большой, то улыбка не нравится, то запах изо рта, то ноги тонкие... ну и так далее. Девушек много встречал, а ни одна из них не понравилась, как будущая жена. Брат мой женился в сорок лет... зато отец в семнадцать... и сразу на матери... с первого взгляда.

– Живы родители?

– Отец умер. Раненый он вернулся с фронта. Болел часто. Раны всё донимали. Он чуть раньше ушёл от нас, а мама два года назад. Когда их не стало, сразу почувствовал полное сиротство. Любил я их сильно... И сейчас люблю. Они для меня будут живы, пока я жив буду. Для меня родители и Родина – самое святое в жизни, а после всё остальное... народ, дети, старики, женщины, дружба. Ненавижу Богом и людьми проклятую войну и тех, кто её развязал, поддерживает и подпитывает материально. Надеюсь, товарищ капитан, и у вас такое же мнение?!

– Безусловно. Только для меня то, что ты перечислил, всё святое.

– Согласен. Но есть святое и есть святее святого. Они близки по духу и пониманию, но родители каждого и Родина – святее, товарищ капитан.

«Ольхе» на привалах и в часы более спокойного, свободного времени приходилось с нескрываемым удовольствием слышать от бойцов подобное. Неуёмное понимание такой преданности, свойственной не только бойцам, но и офицерам, которые в период выполнения задания командования становились рядовыми бойцами, было неотъемлемой частью их военной жизни. Это несомненно вызывало симпатию и гордость. Оглушённые несмолкаемым гулом боя и, задыхаясь в спёртом воздухе, насыщенном отвратительным запахом сгоревшего пороха, тола, тротила, крови и прочего, они презирали трусость и безразличие, а целеустремлённо, по-братски оберегая друг друга, шли к цели и достигали её, проявляя профессиональное упорство.

Вот и сегодня, постоянное напряжение физических сил, лишения при горных переходах, которые они испытывали, и нахождение в засаде, лёжа в снегу глухой морозной ночи воинственной Чечни, подтверждали осознание, что эти парни и мужчины разных национальностей и возрастов не за деньги взяли оружие в руки, а во имя защиты своего Отечества, его целостности, установления мира и спокойствия.

– Твои доводы, Вадим, убеждают, – сказал командир, и в этот момент в его наушнике послышался щелчок, свидетельствующий о предстоящем радиоразговоре.

– «Ольха», «Карась» возле твоего уха. Мимо прошли трое. Это передовой дозор. Идут осторожно, ню-

хая и вглядываясь. Встречай. При появлении основных сообщу.

– Понял. Отбой, – ответил «Ольха», и его мозг работал как счётная машина.

«Если их пропустить, то будем воевать на два фронта. Как только откроем огонь по основному отряду, те ударят нам с тылу, что не желательно», – размышлял он, а потом сообщил «Зиме» и «Клёну», приказав не вступать в боестолкновение с дозором. Поднявшись, скоординировал своей группе:

– Все за мной!

Спустившись по склону к тропе, «Ольха» остановился возле кустов.

– «Сова» и «Крот», занимайте позицию вон за тем кустом, а я со «Студентом» напротив. По тропе идёт дозор в количестве трёх боевиков. Их надо взять без шума. От этого зависит успех нашей сегодняшней работы. Следом идёт основной отряд. Пропустим этих... наживём головную боль с тыла. Всё понятно?

Бойцы закивали головами, пристально глядя на его лицо, скрытое предутренними сумерками.

– Тогда по местам.

Засада замерла, слившись с естественным покровом земли. Кругом царил тишина, лишь поскрипывали ветки деревьев, играющие с ветром. Вскоре слух каждого уловил поскрипывание снега под обувью приближающихся людей. Бойцы в засаде вмиг стали единой пружиной, готовой разжаться в нужный момент. Мучительное ожидание не тяготило их, привычные в подобных засадах ждать, они усвоили, что выдержка – это успех.

Шаги слышались всё отчётливее. Уже стали видны силуэты трёх боевиков, приближающихся с каждой

минутой всё ближе и ближе. Как только они ступили в зону, как говорится, дыхания бойцов засады, пружина выбросила тех на опешивших боевиков. «Сова» ударом приклада по голове одного из них сразу же уложил на снег, «Крот» испробовал свой излюбленный метод, набросив ремень на шею боевика и взвалив его на свою спину, подержал, пока тот перестанет дрыгать ногами, и медленно опустил его на снег. «Ольха», тем временем, вонзил штык-нож в область сердца боевика, и тот, издав глухой стон, упал на снег. Всё было кончено.

– Забрать их оружие, боеприпасы и документы, если они есть, и оттащить в сторону, – приказал командир. Всё было исполнено.

Среди дозора находились один чеченец, чернокожий и прибалт. О принадлежности последнего говорили записи в его записной книжке. Чеченец имел при себе кроме оружия переговорное самодельное устройство.

Группа «Ольхи» замела ветками сосны следы и быстро вернулась на свои прежние позиции. Каждому бойцу из трофеев досталось по автомату, кинжалу, по две гранаты и боеприпасы к автоматам.

Как только они залегли, тут же «Сова» вскочил и пулей кинулся вниз.

– «Сова»... – тихо окрикнул его командир, – ты куда?

Но ответа не последовало. Спустя несколько минут тот вернулся и, запыхавшись, промолвил:

– Виноват, товарищ капитан.

– Поясни, – потребовал тот.

– Засомневался в живучести моего араба. Я ведь его по калгану оприходовал. Прибегаю, а он сидит за го-

лову держится. Пришлось помочь, – ответил с шуткой «Сова».

– За это знаешь, что полагается? Мог бы всю операцию сорвать. Я не буду докладывать, но чтобы это не повторилось. В данной ситуации для плена нет условий... Предстоит горячий бой...

«Ольха» не закончил, в наушнике появился голос «Карася»:

– «Ольха»! Мимо меня прошли сорок два боевика. Идут гуськом. Вооружение: два пулемёта, автоматы, гранатомёты, – это то, что увидел. Двигутся в спокойном режиме.

– Понял. Действуй по плану. Отбой! – ответил тот и сразу обратился к бойцам: – Приготовиться к бою, – после чего известил «Клёна» и «Зиму».

Серело. Темнота постепенно рассеивалась. Были видны очертания гор, лесного массива. Где-то вдалеке послышался грохот взрыва снаряда, затем второго и третьего... Сам выстрел пушки слышался слабее взрывов.

«Ольха» поднял бинокль и посмотрел, направив его на тропу.

– Идут, сволочи... в развалку, – сказал он тихо, опустив бинокль... потом, посмотрев на «Сову», добавил: – Вот сейчас или чуть раньше твой араб бежал бы им навстречу, чтобы предупредить.

Тот опустил глаза и ничего не ответил.

Отряд боевиков приближался. «Ольха» ожидал, когда головной достигнет намеченного ориентира – высокой сосны сухостоя.

Каждый боец уже видел их и спокойно гладил пальцем спусковой крючок автомата.

«Ещё немного... ещё чуть-чуть», – мысленно выдерживал «Ольха», пока идущий первым боевик не поравнялся с сухостоем.

– Огонь, ребята! – скомандовал командир, и его команда пошла по рации «Зиме» и «Клёну».

С трёх сторон затрещали автоматнo-пулемётные выстрелы. В одно мгновение, благодаря внезапности, половина отряда боевиков упала, орошая кровью снег, а остальные залегли и открыли ответный огонь. Начался жестокий бой.

Слабоморозное утро победило ночь, и стреляющие противники могли хорошо обозреть происходящее. Остатки отряда боевиков, видя, что стрельба по ним ведётся с трёх сторон, попятились туда, откуда пришли, но и оттуда стал вестись плотный огонь. Поняв, что находятся в кольце, они сосредоточили весь огонь именно в этом направлении, отчего «Карасю» с двумя бойцами пришлось не сладко. Однако он, будучи в звании старшего лейтенанта, всегда проявлял щепетильность к исполнению требований Устава о ближнем бое с противником, и на этот раз не забыл о них. Определив зону обороны в тридцать метров двумя возвышенностями, склоны которых не были поросшими кустарником и деревьями, он расставил бойцов на расстоянии десяти метров друг от друга, а пока шло сражение, и боевики ещё не помышляли к отступлению, «Карась» с бойцами в ускоренном темпе оборудовали свои укрытия да ещё успели устроить запасные. Теперь же, когда почти весь огонь с применением автоматов, пулемётов и гранатомётов перекинулся в его сторону, все трое, постреляв из укрытия, сразу же перебирались в запасное и после возвращались обратно,

а там, где они были только что, рвались мины, не причиняя им вреда.

Боевики остервенело и настойчиво пытались вырваться из окружения, применяя все имеющиеся у них средства.

Тем временем, бойцы групп «Ольхи», «Зимы» и «Клёна», чтобы разогнать застоявшуюся кровь благодаря снижения плотности огня, оставили свои укрытия и со всех сторон бросились на противника, стреляя на ходу, перебежали, укрываясь то за каменными валунами, то за стволами деревьев.

Трагическому финалу боевиков, оказавшихся в огненном смертельном котле, поспособствовали полетевшие со всех четырёх сторон гранаты, поразившие своими осколками сопротивляющихся. Бой затихал. Для бойцов «Ольхи» уже не составляло большого труда ликвидировать яростно сопротивляющихся. Из сорока пяти человек осталось в живых только три боевика, – они своевременно бросили оружие и подняли руки вверх. Среди сдавшихся в плен оказались араб, житель Западной Украины и третий, жестаи рук показывающий, что не может говорить.

– Ладно. К тебе ещё вернусь. Посиди вон под сосенкой, – сказал «Ольха» после беглого опроса всех.

Выслав дозор за триста метров и распорядившись собрать оружие, боеприпасы и документы, удостоверяющие личности убитых, если таковы будут при них, он выслушал доклад старших групп о потерях среди бойцов, обнаружил, что при перебежке от сосны к сосне был ранен в ногу боец его группы «Студент», который сам себе уже оказал медпомощь и стоял, опираясь на подобранную палку. Удовлетворение об отсут-

ствии безвозвратных потерь среди личного состава группы можно было прочесть на довольном лице «Ольхи». Усевшись на старом трухлявом пенёчке, он приступил к детальному опросу пленных, начав с араба:

– Ты, что делаешь у нас в России?

– Воюю, – коверкая русские слова, ответил тот. –

Жизнь меня заставила.

– На стороне террористов?

– А мне какая разница. Кто платит, тому и служу. На моей земле работы нет... Денег нет. Умирать с голоду не хочется. Вот и поехал.

– Лучше от пули, чем от голода?

– Лучше... Так умру, как мужчина, а не как поносник от продуктов, бывших в употреблении, извлечённых из мусорного контейнера.

Увидев на его шее старое ранение, «Ольха» продолжил:

– Где раньше воевал?

– Это первый раз...

– Только врать не надо, – оборвал его капитан, – меня не проведёшь. Будешь врать... тебе же хуже.

– Ну-у, в Афганистане и в Турции... на стороне курдов.

– Значит, человек войны?! Вкусивший крови? Теперь тебя так и тянет. Для тебя не было разницы кого убивать, лишь бы почувствовать приятный шелест баксов в кармане. Отныне тебе придётся надолго забыть о своей профессии.

«Ольха» перевёл взгляд на бородатого, светловолосого с бегающими от страха глазами. Тот сжался и опустил глаза.

– Родом откуда будешь? – спросил командир.

– И-и-из Ровно, – заикаясь, ответил тот.

– Здесь тоже по причине голода?

– Н-нет... По в...вербовке. Человек от Яроша прибыл, и мы по-поехали. Ну-у тоже... работы нет, а заработок х-хороший обещали.

– А может другое? Ненависть к москалям?

– И это т-тоже.

– Что они вам сделали? Освободили от польского гнёта, дали свободу. Вы же во сто раз лучше жили, чем основная часть Украины... и России тоже. Дома-то у вас всех какие?! Ответь!

– Я не видел дома россиян, – уклончиво ответил пленный и несмело добавил: – Мужчины Западной Украины воинственные... и всегда сражались за правое дело...

– Воинственные? – перебил его «Ольха», лицо его стало бардовым. – Вы же спокон веков были предателями... то в отношении Австро-Венгрии, то Польши, то Украины и Советского Союза в целом. Бендеровцы тысячами воевали на стороне фашистов... А ваша дивизия в составе германских войск?! А убийства украинцев, поляков, белорусов? Не открывай больше рта, не то я тебя прямо здесь прикончу.

Пленный замолк, опустив голову, руки его затряслись. Было видно, что он перебрал в ответах и сожалел об этом.

«Ольха» обратился к третьему:

– Ты тоже с бендеровщины?

Тот молча смотрел на него, трогая левой рукой русую бороду.

«Крот», стоявший рядом с ним, толкнул его прикладом и кивком головы дал понять, что надо командиру

ответить. Пленный молча покрутил головой. «Ольха», смерив его глазами с ног до головы, перевёл взгляд на «Крота».

– Отведи его в сторону и расстреляй. Зачем он нам нужен... молчун, – а сам незаметно подмигнул, что означало этого делать не надо.

Пленный встрепенулся, глаза стали большими, лицо бледным, и он зататорил:

– Не надо. Прошу вас. Я свой. Я всё расскажу, что знаю. Я пригожусь вам. Товарищ командир, пощадите...

– Товарищ? Ты что... военный? – спросил тот.

– Был военным до определённого времени.

– Как попал в эту банду?

– С командиром поругался, а тот заявил, что направит материалы на меня в военную прокуратуру... я и сбежал.

– Фамилия?

– Фотиев Эдуард Селивёрстович.

– Ага. Значит ты коллаборационист... своего рода?

– Ну да... А это кто?

– Предатель, сотрудничающий с врагом своей Родины. Как ты мог? Небось, и стрелял в своих соотечественников?

– Они стреляли в меня, и я стрелял... Но никого не убил... В воздух стрелял. Пощадите, товарищ командир... Я знаю, где основная база боевиков. Правда, там сейчас только охрана из десяти человек...

– Врёт он, что не убивал, – вклинился вдруг в разговор араб. – Сам видел.

– И я тоже, – поддержал его украинец.

Фотиев свирепо посмотрел на обоих и выпалил:

– Это война. Кто быстрее надавит спусковой крючок, то и жив останется. А что мне оставалось делать, если в меня стреляют?

– А почему притворился потерявшим дар речи? – спросил капитан. – Чтобы не дознались, кто ты есть?

– Страшно и стыдно было.

– Понятно, – промолвил капитан. – Ладно... Доставим вас всех к работникам соответствующих органов, которые поговорят с вами более детально.

Окинув всех бойцов взглядом, он тут же дал команду подготовить пленных к безопасному конвоированию, отозвал дозор, и бойцы, нагруженные трофеями, отправились в обратный путь к месту высадки из «вертушки». Раненому «Студенту» помогали попеременно идти «Сова», «Зима», «Калуга» и «Крот». Тяжело пришлось «Студенту», – боли в распухшей и перевязанной выше ранения ноге с каждым шагом усиливались. Приспособили палку, которую удерживали двое, а он садился на неё посередине и держался руками за обоих. В связи с этим привалы делали значительно чаще.

«Ольха», как обычно, шёл первым, то и дело оглядываясь назад, проявляя беспокойство за состояние «Студента». Несмотря на то, что несколько часов назад его группа проходила по этой же тропе, не забывал посмотреть и себе под ноги, чтобы не наткнуться на растяжку.

Вторым за ним шёл «Клён», зорко вглядываясь влево.

«Карась», шедший третьим, совершал обзор правой стороны. Замыкал цепь «Крот», обеспечивая безопасность тыла.

Когда оказались на тропе, пролегающей по крутому склону, шириной в триста метров, за которым начиналась более ровная местность, покрытая голым кустарником и еловой растительностью, по цепи передали просьбу о необходимости привала. Группа расположилась на склоне. В обе стороны в дозор ушли по одному бойцу.

– Боли у «Студента» усиливаются. Он терпит, но кусал себе губы. Я сделаю ему укол и двинемся дальше, – попросил разрешения «Сова».

– Давай, делай, – ответил командир, садясь на снег.

Тот достал санитарный пакет и готовился к инъекции. Сидящий рядом «Крот» поддерживал «Студента» разговором:

– Мы бежали почти рядом, как тебя зацепило?

– Когда я перебежал от дерева к дереву. Слышу удар в ногу, и я упал на колени, но сразил духа, который стрелял в меня, – губы его сжались от боли в ноге... потом добавил: – Такая же участь ожидала и вторую ногу. Пуля прошила комбинезон рядом с коленом.

В этот момент к нему повернулся «Сова» со шприцем в руке. После укола «Студенту» стало легче. «Ольха» отозвал тыловой дозор и двинулись дальше.

При входе в лесной массив к группе присоединился второй дозорный. Шли в спокойном режиме, как вдруг командир резко остановился и поднял правую руку. Группа замерла, присев с изготовкой оружия к бою. Присел и «Ольха». Его взгляд скользил по натянутой тонкой проволоке. «Растяжка», – пронеслось в его голове. Посмотрев влево и увидев, что конец проволоки прикреплен к самому толстому стволу куста, он шагнул вправо и подошёл к другому кусту. Там висела граната,

и за её чеку был прикреплен второй конец проволоки. Обезвредив её и положив себе в карман, он вернулся к группе. Вызвав к себе «Сову», «Карася», «Клёна» и «Калугу», он понизил голос до шёпота:

– Здесь засада. Пойдёте по двое. Одни влево, другие вправо. Удаление по сторонам пять-десять метров. Двигаетесь осторожно параллельно тропы. Держите со мной связь. В случае чего действуете по обстановке. Всё понятно?

– Так точно, – тихо ответили оба, и по двое разошлись в разные стороны.

Командир подозвал «Зиму».

– Коля, тебе особое поручение. Двигаешься впереди в ста метрах от группы. Рация в постоянном рабочем состоянии. Ты знаешь, что надо сделать, если вдруг засада...

– Будет сделано, товарищ капитан, – ответил тот.

– Тогда с Богом.

Спустя десять минут после того, как ушёл «Зима», двинулась остальная группа. Не успели они сделать пару десятков шагов, как послышался окрик:

– Стоять на месте! Кто такие?

– А вы кто? – выкрикнул «Ольха».

– Мы федералы!

– И мы тоже!

– Высылайте одного для переговоров и мы одного! Нето открываем огонь! Вы окружены!

«Ольха» поднялся и пошёл вперёд. Ему навстречу вышел среднего роста, коренастый, одетый в белый масккомбинезон с автоматом на груди и еле заметно прихрамывающий на одну ногу. «На чеченца не похож. Похож больше на своего», – рассудил «Ольха».

– Майор Лебедь, разведгруппа 45-го разведывательного полка, – представился он.

– Капитан «Ольха», разведгруппа отряда особого назначения ФСБ, – отреагировал для знакомства.

– Игрушку нашу сняли? Молодцы. Откуда путь держите? Если не секрет.

– После выполнения задания возвращаемся на базу. А вы?

– А мы собрались выполнять задание. Вижу, у вас пленные. Откуда? Не из тех ли, кого мы ждём?

– И кого же ждёте?

– Получили информацию, что здесь должен пройти отряд боевиков, но увидев вас, мы поняли, что свои. Что значит несогласованность. Могли бы перестрелять друг друга.

– Мы уничтожили сорок два боевика и троих взяли в плен. А о несогласованности согласен. Однако каждую информацию обнародовать нельзя, майор.

– И то, правда. Ну, что... зовём ребят... пусть общаются?

– Зовём.

Тот и другой по рации сообщили своим группам, и со всех сторон бойцы кинулись друг к другу. Они начали обниматься, тискать друг друга, кругом стоял сплошной гомон.

– Зовут-то как, капитан... если фамилию назвать нельзя... Меня Анатолий, – сказал, садясь на снег, Лебедь.

– Дмитрием папа с мамой назвали, – ответил командир разведгруппы ФСБ.

– Сам-то откуда родом будешь? Я из Эстонии, а потом военное училище, Забайкалье, Афган, Югославская война, Дагестан и теперь Чечня.

– Из Ульяновска я... тоже училище, граница Таджикистана, бои с афганскими моджахедами, а потом Москва и тоже Чечня.

– Рад был познакомиться. Удачи тебе, капитан.

– И тебе, майор.

– Ну что... по домам?

– Хорошее слово. По домам.

– А вообще-то я со своими ещё поищу норы боевиков... Попортим им настроение предпраздничное.

Обменялись Герой России Лебедь с будущим Героем, которому будет присвоено это высокое звание 6 марта 2004 года посмертно за освобождение заложников школы Северо-Осетинского Беслана, и двинулись со своими разведгруппами в разные стороны. Их лесная встреча была не случайна. Так было угодно судьбе обоих. Только высокой степени военный профессионализм майора и капитана позволил избежать жертв с обеих сторон. Ещё не раз им придётся встретиться на чеченских тропах.

Возвратившись на базу, «Ольха» доложил командованию о выполнении боевого задания, сдал трофеи и передал пленных в надёжные руки военных следователей. Бойцы, тем временем, приводили и себя, и оружие в надлежащий порядок.

Спустя неделю отряд вывезли самолётом из Моздока в Москву на отдых, который длился двадцать дней, а потом снова Моздок, Ханкала и лесные тропы...

«Сова» не успел подготовить необходимые документы в приёмную комиссию вуза, да и время для их подачи не подоспело, и он оставил своё благое намерение на потом.

В коротких боевых стычках с боевиками «Сова», как и другие бойцы, закалял свой военный характер.

Они растили и умножали нерушимую дружбу, преодолеваемую рамки братства.

Шло время. В лесах Чечни всё ещё оставались мелкие группы неуёмных боевиков, которыми занялись местные правоохранительные органы под руководством премьер-министра Чечни Рамзана Кадырова.

В мае 2006 года отряд был выведен из Чечни, и бойцы продолжили службу в столице, часто посещая тренировочные объекты.

«Сова» подал документы в приёмную комиссию Московской государственной юридической академии, превратившись в орденосного старшего лейтенанта Коваленко Вадима Павловича. Несмотря на то, что он шёл вне конкурса, нанял репетиторов и активно готовился к вступительным экзаменам.

Встреча с мечтой

У здания академии толпились разнополые абитуриенты, готовящиеся к написанию сочинения – первого вступительного экзамена. Кто-то ходил туда-сюда, ломая пальцы от переживания, кто-то хвастался подготовленной и качественно проверенной шпаргалкой, кто-то весело и беззаботно обсуждал предстоящий экзамен, а кто-то и вовсе распивал лимонад возле установленного рядом киоска.

Вадим Коваленко тоже поймал себя на том, что по его телу пробегает нервная дрожь. Сослуживцы за день до этой абитуриентской экзекуции ему советовали явиться на экзамен в форме старшего лейтенанта при всех наградах, – мол, в этом блеске любой экзаменатор дрогнет. Однако он не стал выделяться и надел гражданскую одежду. Прислонившись к толстому стволу липы, он наблюдал за этим человеческим муравейником, где находились не только абитуриенты, но и их родственники, а также так называемые группы поддержки. Блуждая взглядом по их лицам, Вадим обратил внимание на высокого, модно и даже богато одетого парня с привлекательным лицом, который о чём-то шептался с двумя другими, а потом достал из кармана пачку денег, дал тысячу рублей одному из них, и тот стрелой помчался в направлении продовольственного магазина.

В это время раздался неприятный скрип тормозов, послышался приторный запах колодок, Вадим повернул на эти звуки и запахи голову. Из такси вышла девушка среднего роста, лицо которой, как принято говорить среди мужчин, обладало божественной красотой. Русые, чуть волнистые то ли от рождения, то ли от умелых рук стилиста волосы прикрывали плечи, тёмные узкие брови полумесяцем украшали ровный лоб и большие чайного цвета глаза с длинными ресницами, небольшой чуть вздёрнутый нос над сочными без помады розовыми губами, уголки которых немного приподняты, продолговатое лицо мило обрамлял небольшой подбородок с заманчиво расположившейся на боку круглой маленькой родинкой. Выточенная, на мужскую да и женскую зависть, талия и притягивающие внимание ноги завершали её привлекательность.

При виде девушки Вадим вздрогнул. Его сердце затрепетало, словно окатило волной радости: «Вот она, та, которую я ищу, которую ждал и о какой мечтал». Вадиму показалось, что она была чем-то расстроена, глаза блуждали по толпе, разыскивая кого-то. Но вдруг на её лице засветилась улыбка, она крикнула:

– Олег! – и замахала рукой, подзывая к себе.

К ней тут же направился тот модно одетый парень. Он с распахнутыми объятиями и с улыбкой на лице шёл к ней. Приблизившись, нежно обнял и поцеловал её в щёку, сказав с улыбкой:

– Опаздываешь, солнышко.

– Задержалась. У меня в автобусе кошелек украли... Пока приехала милиция, да разборки... – объясняла она причину опоздания и попросила: – Ты можешь мне занять пятьсот рублей? С таксистом рассчитаться надо.

Парень скривил лицо, развёл руки в стороны и безучастно ответил:

– Валечка, рыбочка... рад бы, но я только что отдал всю свою наличность другу. Ему зачем-то срочно понадобилось.

«Какой подлец. Пачка купюр в кармане, а он отказал в помощи», – про себя возмутился Вадим, а потом, сунув руку в карман, достал из своего кошелька пятьсот рублей и стал ожидать, чем кончится их разговор.

– Что же делать? И никого из знакомых... А у тебя здесь есть кто-либо? – спросила Валя, неторопливо поглядывая на такси.

– Никого не знаю, к сожалению, – ответил, не задумываясь, Олег. – Поспрашивай у девушек, с которыми поступать будешь.

– Я же их не знаю...

– Олечка! – вдруг оборвал её мужской голос. – Ну, чего ты там застрял? Колян принёс. Давай побыстрее.

Тот махнул ему рукой, а потом его лицо скривила неловкость, и он, глядя на девушку, промолвил:

– У них таких денег нет. Я точно знаю.

– Но ты же сказал, что никого знакомых нет! Ладно. Я поняла. Извини...

– Ну чего ты... Валюха? Ну, так выскочило изо рта. Не обижайся... Я пошёл? Ребята ждут.

Вадим, возмущённый поведением и жадностью Олега, быстро подошёл к ним:

– Простите. Я невольно слышал ваш разговор. Вот возьмите, – он протянул девушке деньги.

Та поначалу растерялась, но, окинув взглядом дюжего красавца, спокойно спросила:

– А вы тоже поступаете? Или в качестве болельщика здесь?

– Поступаю, – ответил Вадим.

– Спасибо. Я обязательно верну при следующей встрече...

– Прошу вас не беспокоиться. Идите к таксисту... Он уже начал нервничать. Посмотрите, как он смотрит сюда.

Взяв деньги, она побежала к таксисту, а Вадим, гневно посмотрев на Олега, покачал головой и произнёс:

– Ну ты и скряга. Денег полный карман, а пожалел девушке. Она кто тебе?

– А тебе какое дело? – сердитым тоном ответил Олег. – Были бы деньги... дал.

– Они у тебя есть... и много. Ты вытаскивал из кармана пачку. Я же видел, как ты давал парню, а остальные сунул в карман.

– Твоё какое дело? Не суй свой поганый нос, куда не следует... Нето без него останешься.

Подойдя сбоку, Валя слышала их разговор и, взяв за локоть Олега, спросила:

– Это правда?

Тот вздрогнул, глянул на неё бегающими глазами, и словно не понимая, о чём речь, спросил:

– Что именно?

– Ну, что деньги у тебя есть.

– Ты его слушаешь? Врёт он.

Валя молниеносно сунула руку в его карман и вытаскила пачку денег.

– А это что?

– Это н-не мои... П-понимаешь э-это...

– Понимаю, – перебила она его, сунула ему в руки деньги и повернулась к Вадиму: – Спасибо вам. Как вас зовут?

– Вадим.

– Я Валентина... Деньги верну при первом удобном случае. Ещё раз... спасибо вам. Вы настоящий мужчина... не как некоторые, – при этих словах бросила осуждающий взгляд на Олега, потом ушла в гущу толпы. А тот хотел было кинуться за ней, сделал шаг, но остановился. Когда она исчезла из виду, он резко повернулся к Вадиму и сквозь зубы процедил:

– Ты, падла, пожалеешь... Идём выйдем... поговорим. Я с удовольствием расквашу твою харю.

– Согласен и выйду, если ты так хочешь, но после экзамена. Дождёшься?

– Дождусь. Будь уверен... Знай, кровью харкать...

– Знаешь, что... Олег? – оборвал его Вадим. – Человек не должен забывать требования правил этикета, а кто наплевательски относится к этому, то теряет уважение родных, близких, окружающих людей и любимых тоже. Уважение и признательность очень тяжело заслужить... намного легче потерять.

– Лекцию по философии кому-нибудь другому считаешь, а мне не надо. Я тебе сказал то, что хотел... и после экзамена смотри не убеги. Здесь встречаемся...

– Я тебе не советую этого делать... Пожалеешь.

– Неизвестно, кто из нас пожалеет, – бросил на ходу Олег и пошёл к ожидавшим его приятелям.

Вадим даже не посмотрел ему вслед. Он был безмерно благодарен судьбе, которая бросила ему в объятия этот, по его мнению, счастливый случай. Его карие глаза уже разыскивали в толпе Валю, но в этот момент

вышедшая из боковых дверей женщина объявила для абитуриентов номер аудитории и пригласила занять в ней места. Толпа в один миг поредела.

Вадим, войдя в помещение, увидел, где села за стол Валя, и уже хотел было пойти и сесть рядом, но передумал, решив не бежать впереди судьбы. Сел на два ряда впереди. Он чувствовал на себе взгляд Вали, а она действительно частенько поглядывала на него. Ещё там во дворе академии не трудно было догадаться, что он ей понравился. Его статная фигура, буйные русые волосы, приятные черты лица, степенный разговор и уважительный поступок – привлекли её внимание. С первых секунд встречи она почувствовала с его стороны какое-то притягательное тепло и добрую заботу, такие приятные девичьему сердцу, что заставляло его волнительно биться.

С Олегом она встречалась около двух лет. На одном из свиданий он заявил, что после второго курса, если она поступит, предложит ей руку и сердце. Валю по своему задевало, что он постоянно куда-то торопился, демонстрировал свою занятость, она не ощущала теплоты с его стороны. Подруги ей завидовали, зная, что Олег имеет вполне обеспеченных родителей, что их бизнес приносит колоссальные доходы, и что он сам числится у отца в помощниках, а также студентом-заочником финансовой академии, куда являлся только в период сдачи зачётов и экзаменов. Но как он их сдавал, не заходя со всеми вместе в аудиторию, было известно только ему. Вертлявость его характера порою раздражала Валентину, но она это относил к временному явлению и пыталась не замечать отрицательные черты.

Вадим писал сочинение на свободную тему, о Чечне, об отношении местного населения к выходкам боевиков, о единстве чеченского и русского народа, о помощи федеральным войскам. Закончил написание сочинения он четвёртым, после чего проверил, исправил ошибки, сдал экзаменатору и вышел из аудитории.

Коридор был пуст. Во дворе стояли те, кто переживал за судьбу своих близких, находящихся в аудитории. Олега и его приятелей нигде не было видно. Вадим сел на скамейку и подумал, не подождать ли Валю и попытаться проводить её, но, поразмыслив, пришёл к выводу, что этого делать не следует, она может неправильно истолковать его попытку.

Поднявшись и направившись на Садово-Кудринскую, сразу же на тротуаре за углом он увидел Олега и с ним ещё двоих парней.

– О-о! А вот и наш добродетель. Может, и нам по пятисотенной отвалишь? – со злобной насмешкой пропел Олег.

– А что... я лично не откажусь, – сказал один из них и стал обходить Вадима справа.

– И я тоже, – произнёс второй, заходя слева.

– Обойдётся, – ответил Вадим и, видя их агрессивное настроение, добавил: – Ребята, не надо. Будет больно, а вы другого мне не оставляете.

– Смотря кому... будет больно, – процедил Олег, приближаясь.

И вот он совсем рядом. Намереваясь взять верх и хитростью осилить Вадима, поднял левую руку якобы для нанесения удара, а правую, сжав в кулак, резко выбросил вперед в направлении подбородка противника, но Вадим уклонился и в одно мгновение перехватил его

кулак, резко вывернул руку, отчего Олег издал крик от боли в плечевом суставе. Вадим оттолкнул его и ударил под зад ногой. Тот, споткнувшись, упал на асфальт.

– Вы чего, идиоты, на одного втроём? – кричали и стыдили нападающих прохожие, но те не реагировали.

Зашедшие слева и справа, как сговорились, одновременно кинулись на Вадима, но тот в мгновение ока отбил атаку, а нападавшие в считанные секунды лежали на асфальте, корчась от боли.

– Я же говорил, ребята, будет больно, – Вадим, говоря это, не замечал, что сзади стоит Валя, видевшая всю эту картину.

В это время раздался скрип тормозов милицейского автомобиля. Из него выскочили два милиционера. Подойдя к Вадиму, молодой высокий лейтенант спросил, глядя на лежавших:

– Что здесь происходит?

– Он не виноват. На него напала эта тройка басурманов, – сказала тут же подошедшая старушка с пакетом в руках.

Лейтенант посмотрел на неё и перевёл взгляд на Вадима, а тот, не долго думая, поднял одного из лежащих, отряхнул его, а потом проделал это же и со вторым. Олег в это время поднялся сам. Вадим повернулся к лейтенанту и совершенно спокойно произнёс:

– Ничего страшного. Всё в порядке, лейтенант. Я занимаюсь в секции, а мои друзья пристали, покажи да покажи приёмы... Я и показал, – а потом, глянув на Олега и его приятелей, спросил: – Ну чего? Теперь согласны ходить в секцию вместе со мной?

Те переглянулись и, понимая, что если ответят по другому, то возникнет вопрос об их ответственности, и почти хором ответили:

– Конечно, согласны... Здорово.

– Ну, вы даёте! – возмутился лейтенант. – На тротуаре устроить показуху. Штрафануть бы вас всех... в суде... за это дело.

– Извините, лейтенант. Больше этого не повторится, – сказал Вадим.

Тот покачал головой, погрозил пальцем, потом милиционеры сели в свой автомобиль, и он скрылся в потоке автотранспорта.

Валя подошла к Олегу, посмотрела строго и с негодованием в голосе сказала:

– Ты был идиотом, им и остался. Больше я тебя знать не хочу. Мало того, что ты так поступил со мной, так ещё и на моего спасителя налетел с дружками.

– Валь... прости. Чёрт меня дёрнул. Я извинюсь и перед ним... Прости, Валь, – умолял он.

Девушка, махнув на него рукой, отчеканила:

– Противен ты мне после всего этого. Не приближайся больше ко мне, не приходи и не звони, – а после этого повернулась к Вадиму: – А вам спасибо за всё и извините... за этого подонка.

– Не стоит извиняться. Среди мужчин подобное... я имею ввиду то, что произошло здесь... иногда случается, а после они становятся ещё и друзьями... Я это серьёзно говорю, – ответил тот Вале и обратился к противнику: – Не так ли, Олег?

Тот молча кивнул в знак подтверждения сказанному и потёр рукой плечо. Вадим протянул ему руку, и Олег нехотя пожал её, насколько хватило желания и сил.

Подал он первым руку и тем двоим, после чего подошёл к Вале, спросил:

– А как вы доберётесь домой без денег? – при этих словах достал из кармана и протянул тысячу рублей.

– Не надо, Вадим. Я дам, – тут же подоспел Олег и тоже протянул девушке деньги.

Она посмотрела на него осуждающе и взяла деньги у Вадима, а Олегу ответила:

– Своё слово я тебе уже сказала. Ты меня знаешь... если я сказала, то это уже навсегда... И изменению не подлежит.

– Зря ты, Валька, так. Жалеть же будешь! – сузив глаза, произнёс Олег, но не с угрозой, а с предостережением.

– Не буду, – гордо ответила та.

Тот долгим взглядом посмотрел на неё, а потом кивнул своим приятелям, и они медленно пошли по тротуару в сторону площади Маяковского. Вадим и Валя стояли на том же месте, их взгляды встретились, и в этом было что-то притягательное. Девушке он пришёлся по душе не только как доброжелательный человек, она ощутила какую-то родственную душу, увидела в нём надёжного защитника.

– Вы не торопитесь, Вадим? – ласково спросила она и тепло посмотрела на него.

Глаза в глаза... Оба безвозвратно утонули в их бездне, сердца бешено заколотились и потянулись друг к другу. Им уже не хотелось расставаться. Вадим проглотил сухой комок и с дрожью в голосе ответил:

– Нет, не тороплюсь.

– Может, вы проводите меня? – предложила Валя, и лицо её покрылось маковым цветом.

Вадим, видя, что давно вынашиваемая им несбыточная надежда отыскать девушку сердца сбывается, задохнулся от счастья и промолвил:

– С великим удовольствием, Валя.

И они пошли рядом. Бодрящий ветерок дул им на встречу и играл их волосами. Минут пять, не зная с чего начать разговор, шли молча, вдыхая приятные запахи их одежды, изредка, как бы ненароком, касаясь друг друга локтями, отчего приятное ощущение пробежало по телу обоих. Валя первой приоткрыла дверцу к словестному общению.

– Вадим, а вы не абориген Москвы?

– Нет, конечно. С Белой Церкви я... что под Киевом. Но в Москве живу давно, – обрадовался он началу непринуждённого разговора.

– А живёте далеко от академии?

– Не близко... В районе станции метро «Преображенская площадь»...

– О-о, как! – воскликнула Валя. – Рядом со мной. Я возле метро «Сокольники». А работаете?

– Служу, Валя. Я военный.

– Я так и поняла, когда за минуту вы успокоили троих. Трудно? Опасно?

– Всяко бывает, – скупно ответил Вадим, и чтобы отвлечь от себя внимание, спросил: – А вы... работаете где?

– В районном суде секретарём.

– Судьёй хотите стать?

– Как придётся. Надо сначала поступить и окончить учёбу, а потом уж думать о работе.

– И то правда. Семья большая? – не отставал Вадим, защищаясь этим от вопросов.

– Мама, я и сестрёнка младшая... В восьмой перешла... Аллой зовут. А папочка наш... оставил нас и уже на третьей женился... Фигаро. А у вас, кто в семье? – спросила Валя, завладев инициативой.

Вадим поведал ей о своей семье, о той трагедии, которую ему пришлось пережить, а после он вынужден был ещё отвечать на ряд вопросов, касающихся его собственного семейного положения, характера службы, о которой высказался совершенно скупой, и она, поняв его сдержанность в ответах, не стала углубляться, перейдя на другую тему.

Так беседа, они дошли до станции метро «Пушкинская» и спустились в метро. Там пришлось помолчать, потому как грохот заставлял повышать голос, что было как-то неудобно рядом с пассажирами.

– На следующей я выхожу, – сообщила она на остановке и посмотрела на Вадима.

Ему крайне не хотелось расставаться с Валею и поэтому решил выйти с ней, проводить её до дома, а уж потом поехать к себе в общежитие.

– Тогда я провожу вас, а потом поеду домой. Не возражаете, Валя?

– Не возражаю... Если честно, мне тоже не хочется расставаться с вами, Вадим... Не знаю почему... Наверное, из-за того, что вы хороший человек и замечательный собеседник.

Выйдя из метро, возобновили беседу, идя по тротуару туда, куда вела Валентина. Внимательно слушая, она демонстрировала постоянный интерес, как признак, знаменующий проявляемую любезность и уважение. Вадиму была приятна эта заинтересованность девушки, чувство взволнованности и притягательного

магнетизма, эмоциональное возбуждение овладело им. Валя то и дело бросала на него обворожительные взгляды. У обоих не было заранее подготовленных фраз, диалог возник сам собой. Когда же прошли метров триста, Валя, грациозно держа голову и глядя на промелькнувший автобус, произнесла:

– Примерно где-то здесь мой кошелёк оказался в руках вора, а от метро я уже ехала в такси.

– Ну, вы не заметили того, кто рядом с вами стоял? – спросил Вадим.

– Конечно, нет. Оказавшись во власти людской давки, мы все, и я в том числе, жаждем как можно скорее вырваться за её пределы... я не замечала чего-то и кого-то подозрительного, а когда ступила на тротуар, то сразу и обнаружила пропажу.

– Карманные воры не дремлют. Скопление людей – это их стихия, – сказал Вадим, и тут его взгляд упал на траву рядом с тротуаром, внимание привлёк блеск какого-то предмета, присмотревшись, понял, что это кошелёк. – О-о! Это не ваш? – он поднял и протянул его девушке.

Валя взяла, осмотрела и однозначно заявила:

– Мой. Но он пуст.

– Ещё бы... Разве вор выбросит его вместе с содержимым? Он всегда старается как можно побыстрее избавиться от кошелька. А вообще-то что было в нём?

– Деньги... четыре тысячи двести рублей... с мелочью... и квитанция на сдачу белья в стирку... вот она, – и она вынула её из кошелька.

Когда она говорила, Вадим украдкой смотрел на её рот с пухлыми розовыми губами и ловил себя на возникшем желании прикоснуться к ним, ощущая прилив нежности. Но это было только в мечтах.

Пройдя ещё какое-то расстояние, Валя вдруг объявила:

– Вот я и дома. Спасибо вам, Вадим, и возьмите те деньги, которые дали мне. Они благодаря вам не понадобились.

– Ну что вы! У вас ведь нет денег...

– Дома есть... и я сейчас вам вынесу, – перебила она.

– Подождёте? А то поднимайтесь вместе со мной.

– Нет, что вы! Потом как-нибудь... при следующей встрече.

Ему, конечно, хотелось подняться к ней в квартиру и посмотреть, как она живёт, да и продлить время общения, но тут сыграла свою роль скромность, которая победила навязчивость.

Они простились возле подъезда, обменявшись номерами телефонов. Ей тоже не хотелось расставаться с ним, её уже неудержимо влекло к нему. Простота, доброжелательность, учтивость, щедрость в совокупности с его привлекательностью, умением постоять не только за себя, но и за других, окончательно покорили её девичье сердце. Олег же, добивающийся её руки, встречающийся с ней немало времени и зарекомендовавший себя как скряга, обманщик, проявляющий агрессивность и несдержанность, сразу и безболезненно исчез из её сердца. За всё время общения с ним она так и не поняла серьёзность его намерений по отношению к ней.

Не успела она закрыть за собой входную дверь квартиры, как тут же зазвонил домашний телефон. Она услышала шаги матери и сразу предупредила:

– Мама! Я возьму трубку.

Подняв её, она услышала частое дыхание и слова:

– Валечка... Прости меня. Дай мне один шанс... доказать тебе свою искреннюю любовь... и что я далеко не такой человек, как ты подумала.

Она молча слушала его и нервно мяла оконную ажурную тюль, вспомнив то, что произошло возле академии, а он продолжал:

– Валь, так получилось... Понимаешь, нужны были деньги... короче, я пообещал Стасу и не оценил правильно твоё положение...

– Олег, – резко оборвала она его, в её глазах сверкнула искра гнева, – я тебе сказала довольно понятным языком... Забудь этот номер телефона и никогда не звони. Если хочешь, чтобы я более откровеннее сказала, то я скажу... Ты мне противен... и твои выходки тоже.

– Ты обиделась, что я тебе не дал денег?

– Не только. Ты соврал мне... Не захотел помочь девушке... твоей же... на то время... попавшей в беду. Кроме того, ты со своими собутыльниками вместо благодарности хотел расправиться с парнем, который протянул мне руку помощи. Видеть тебя не хочу. Никогда не старайся подойти ко мне. Если это когда-либо случится, то я всем окружающим во весь голос объявлю, кто ты есть на самом деле. Понял? – и она с грохотом положила трубку на рычаг аппарата.

Опустившись в кресло, она глубоко вздохнула и уставилась в одну точку на плинтусе комнаты. Валя не заметила, что в проёме двери с самого начала её разговора стоит мама.

– Доченька, что у тебя случилось?

Валя подняла голову и посмотрела на неё. В глазах той светилась сметливость, но она ожидала ответа.

– Ничего особенного. Просто мы с Олегом расстались... и навсегда. Если он позвонит... меня для него нет дома.

– Если хочешь знать моё мнение о нём, то я могу тебе сказать, – промолвила мать, глядя на дочь и видя, что та кивнула головой, продолжила: – Он мне сразу не понравился. Видны были нескрываемая елейность, вертлявость, фривольность... да и в душе не так чист, как нам показалось с первого знакомства. Я слышала твой разговор с ним и на твоём месте поступила бы точно так же, – помолчав, она убеждающим тоном добавила: – И в подобных обстоятельствах церемониться не стала бы. А что там у тебя с деньгами?

– Кошелёк украли в автобусе, – по лицу Вали пробежала заметная тень досады. – Я взяла такси, надеясь на выручку Олега, а он при наличии пачки денег в кармане отказал... да ещё солгал, что нет денег... Слава Богу... добрый человек нашёлся. Дал мне денег.

– Так это он с друзьями хотел его и отдубасить? А за что? Он же тебе помог!

– В том то и дело. Идиот конченный.

– И что, побили они этого парня?

– Ага! Не тут-то было. Этот парень в один миг уложил всех троих. Он оказался военным... Поступает вместе со мной... Спортсмен... Обстоятельства заставили его применить приёмы, которыми владел отменно. И представляешь, мам, он потом поднял всех троих, поставил на ноги, отряхнул от пыли, пожал каждому руку и ещё прочитал им нотацию.

– Видела его через окно. Хорош... Проводил тебя. Ну-у, а...

– Мама! – прервала её дочь, не дав спросить то, о чём хотела знать она.

– Ладно, ладно... не буду.

Вадим тем временем дождался автобуса и поехал к станции метро. Пассажиров в салоне было много. Взявшись за поручень, он бесцельно смотрел на группу женщин, стоявших в проходе и ведущих между собой непринуждённый разговор, а возле них вплотную стоял высокий мужчина, который в разговоре участия не принимал. Мысли Вадима витали далеко... он думал о Валентине, и радостное чувство грело его сердце. Водитель автобуса в это время резко затормозил, мужчина как бы невзначай толкнул одну из женщин, тут глаза Вадима уловили, как он извлёк из сумки стоявшей рядом женщины кошелёк и сунул себе в карман. Волна крови хлынула в мозг Вадима. Три шага... и он схватил за руку вора. Тот дернулся, но, почувствовав силу, умоляюще посмотрел на него.

– Выйдем... поделимся, – тихо сказал вор, продолжая всё так же смотреть на него.

– Женщина, – трогая её за плечо, обратился Вадим, и та резко повернулась. – Этот человек у вас кошелёк вытащил из сумки, и сейчас он в его кармане.

Она открыла сумку, посмотрела, вскрикнула, а потом ногтями прошлась по лицу вора. Лицо его стало в крови, а она всё кричала и обзывала его разными оскорбительными словами. Он же правой рукой, в которой держал складную бритву, попытался нанести Вадиму удар, но тот перехватил его руку, заломил за спину, а потом сделал ему подножку и уложил на пол салона автобуса. Связав его же ремнём руки за спиной, он поднял и бросил на освободившееся сиденье. Возле

станции метро пассажиры вышли, а за ними Вадим вывел и вора. Пострадавшая, награждая его ударами сумкой, всё выкрикивала слова, которые тот заслужил.

Возле входа в подземку Вадим остановился. Работников милиции нигде не было видно.

– Сколько в твоих карманах денег? – спросил он вора.

– Не считал, – злобно ответил тот.

Вадим залез рукой в его карманы, в которых находился кошелек стоявшей рядом пострадавшей, и кроме того вытащил много разных купюр.

– Ты хочешь, чтобы одного эпизода в твоём будущем обвинении не было?

Тот подумал и ответил вопросом:

– И что тогда?

Вадим отсчитал четыре тысячи двести рублей, а остальные засунул в его карман.

– Ты сегодня на этом же маршруте украл кошелек у девушки, и в нём была именно такая сумма. Если я верну её, то она с заявлением не будет обращаться. Так как?

Вор вновь подумал и ответил:

– Бери, – а потом спросил: – А ты мент?

В это время к выходу из метро подъехала милицейская автомашина, и вышедший из неё старший лейтенант сразу обратил внимание на Вадима и человека со связанными за спиной руками. Подойдя, он спросил:

– В чём дело?

Вадим объяснил ему про всё происшедшее в автобусе, после чего их троих посадили в автомобиль и увезли в дежурную часть отдела милиции, где и женщина, и Вадим дали свои показания. После, получив от

начальника за содействие благодарность, он с деньгами, взятыми у вора, вернулся к дому Валентины. Узнав через встретившихся в подъезде соседей Вали номер её квартиры, нажал на кнопку звонка. Ему открыла седоволосая женщина средних лет.

– Простите... Валю на одну минутку можно? – попросил Вадим после того, как поздоровался.

– Валя! – позвала она громким голосом.

Из комнаты в прихожую вышла одетая в домашний цветастый халат Валентина. Увидев Вадима, она с удивлением пропела:

– Ва-ди-м?! Что-то случилось?

– Ничего, выходящего за пределы безопасности, не случилось. Просто я нашёл вора, который украл ваш кошелек, забрал деньги, а его самого передал милиции. Вот возьмите, Валя, – и он протянул ей всю украденную сумму.

Она продолжала стоять и смотреть на него с удивлением, а потом произнесла:

– Да так только в сказке бывает... Как же вы нашли его?

Он коротко поведал ей, а она удовлетворённо рассмеялась, взяла деньги и высказала многократную благодарность.

– Вот теперь я с вами, Вадим, и рассчитаюсь, – сказала она, отсчитывая долг.

– Не сейчас, Валя. Вечером отдавать деньги, говорят, примета плохая. Потом.

– Ну, вы тогда проходите...

– Да, проходите, – перебила её мама. – У нас вкусный чай есть, пирожки с яблоками и капустой. Вадим, проходите.

– Спасибо, большое, но мне пора. У меня ещё сегодняшние дела не завершены. Извините за беспокойство... и до свидания, – и приложив правую руку на левую сторону груди, чуть склонив голову, побежал по лестничному маршу вниз.

Валя и её мама стояли и с открытыми ртами смотрели через открытую дверь ему вслед.

– Вот это парень, – произнесла мать, закивав головой, а потом добавила: – Нечета этому буржуйскому сынку. Вот, доченька... держись его. Не потеряй Вадима. По его глазам видела, что ты ему очень понравилась. Геркулес... с божественным лицом... доброта через край льётся... Хорош, Вадим. Ты поняла, что я сказала?

– Мама... Я только сегодня с ним познакомилась... и то при неприятных для меня обстоятельствах... А что будет завтра... неизвестно, – ответила та и пошла закрывать дверь, а в голове звучала мольба: «Господи! Пошли его мне. Я всю жизнь буду тебе благодарна».

Взятка за «неуд»

Несмотря на то, что произошло между Олегом и Валей, он всё ещё не терял надежды на примирение и надоедливо позванивал ей. Но София Захаровна, её мать, всякий раз сообщала, что дочери нет дома, хотя та на самом деле сидела перед ней с довольным лицом. Он не ведал, что его надежды с каждым днём становились иллюзорными, а между ним и Валей росла непреодолимая пропасть, что поглощала, стирая, не только имя Олег, но и его самого, как отталкивающую личность. Её сердце с каждым днём всё сильнее тянулось к Вадиму.

Её сосед, Арон Самуилович, человек, имеющий за плечами возраст в половину столетия, которого знали, как непревзойдённого имиджмейкера, неоднократно советовал Валентине изменить причёску, укоротив малость волосы, перейти от любимого платья к брючному костюму светлых тонов и подобрать обувь, отказавшись от шпилек в пользу каблучка средней высоты. Это, по его утверждениям, намного повысит привлекательность и импозантность, хотя она, в силу своей притягивающей внешности, и так не нуждалась в использовании его советов. Однако сейчас, когда в её цветущей жизни появился Вадим, она вспомнила о них, и в один день посетила и стилиста, и промышленные магазины.

Придя на очередной вступительный экзамен с короткой стрижкой в брючном светлом костюме и в ту-

фельках со средней высоты каблукком, Валентина ожидала всплеск эмоций девушек-абитуриенток, с которыми уже была знакома с первого экзамена. Но на удивление те отреагировали так, как будто в её внешнем облике ничего не изменилось, и такой они уже её видели. Немного расстроенная, Валя отошла к окну, открыла учебник, уткнувшись в него, но всё, что было на его листах, почему-то не волновало. С замиранием она ждала, как её изменение воспримет Вадим.

Она и подумать не могла, что девушки схитрили, – её, идущую по длинному коридору им навстречу, они сразу же заметили и просто обалдели, но одна из них, Светлана, предложила:

– Девчонки, не ахать и не охать... сделаем вид, как будто мы Вальку видели в таком виде постоянно. Ну, а после попросим адрес стилиста и всего того, что её так изменило.

Валя продолжала стоять на прежнем месте в состоянии «гляжу в книгу – вижу фигу», а в это время Вадим совершал третий круг, отыскивая её, и мимо проходил уже дважды. Подходя к этому месту в третий раз, его взгляд остановился на девушке, стоявшей у окна. И в это время она повернулась к нему.

– Валя?! – удивлённо спросил он и остолбенел.

От её вида он задохнулся. Сердце ещё сильнее потянулось к ней, а он стоял, широко открыв глаза, и не мог отвести взгляда от неё, улыбающейся.

– Не узнал? – и она гордо подняла голову.

– Да-а... тебя не узнать, – ответил он, осматривая её с ног до головы. – Обалдеть. Здорово. Я дважды прошёл мимо и не узнал тебя.

Так они, сами не замечая, по-простому и не согласовывая, перешли на «ты». Она как юла покрутилась перед ним и всё так же мило улыбаясь поинтересовалась:

– Нравится тебе?

– Просто бесподобно. Я в шоке. Ты стала ещё красивее. Девушкам хорошо. Вы можете изменять свою внешность, как сами захотите, а вот нам, мужчинам, трудно...

– Ничего подобного, – перебила его Валя, а потом, прищуриив глаза, поглядела на него с ног до головы и продолжила: – Надеть на тебя белый костюм с тёмной или красной рубашкой и белым галстуком, белую с недлинными полями шляпу, белые туфли... короткие усики под нос... Красавец будешь... Не узнать.

В это время мимо прошёл Олег, бросив недобрый взгляд на Вадима, не узнав Валентину. В конце коридора он повернул назад. Вадим видел его и не спускал с него глаз. Тот медленно приближался к ним. Валя стояла к нему спиной, тут вдруг она повернулась на каблуках, и глаза их встретились.

– Валюха?! – простонал Олег и подошёл. – Тебя не узнать. Какая ты красивая. Ты сегодня сдаешь? – спросил он, не здороваясь ни с ней, ни с Вадимом.

– А тебе это зачем? – грубым тоном ответила она.

– Я подожду тебя?

– Ты английский язык знаешь?

– Нет.

– А каким владеешь?

– Русским и матерщинным, – ответил тот, улыбаясь.

– Разве я тебе не понятно сказала? Я тебя не знаю и знать не хочу. Всё, что ты скажешь, меня только раздражает. Всё... иди своей дорогой.

– А вы всё вдвоём, – с ехидной улыбкой произнёс Олег, медленно отходя. – Ну-ну, удачи тебе, Вадим, а ты чтобы провалилась, – сказал он и быстро направился по коридору.

– Негодник. Язык свой прикуси, – бросила она ему вслед.

Он, не оглядываясь, помахал рукой.

Для неё эти слова были оскорбительны и неприятны. Покраснев от негодования, она опустила голову.

– Валя, не обращай внимание. Это не он сказал, а его бессилие и невоспитанность. А я тебе желаю хорошей оценки... и бесконечно буду рад этому, – утешал её Вадим.

– Спасибо тебе, Вадим. Ты настоящий мужчина. Я тоже хочу, чтобы ты сдал экзамен с хорошей оценкой.

– Мне любая... только бы не «неуд».

Ровно в десять часов утра начался экзамен. Вызывали по списку, составленному на скорую руку старостой. В третьей группе вызвали Вадима. Прошло минут тридцать, и он с улыбкой на лице вышел из аудитории.

– Вижу, что сдал... Какая оценка? – кинулась к нему Валя.

– Как ты сказала... «хорошо». Если честно, то меня сильно не гоняли. После ответа по билету... всего два вопроса. В одном из них я поплавал, – ответил он.

– Сколько теперь у тебя баллов?

– Семь... три и четыре. Ещё, даст Бог, на «тройку» следующий ответить, и я студент.

– Как? Проходной ведь двенадцать баллов!

– Да, но это для вас, а я ведь иду вне конкурса... как участник боевых действий.

– Ты воевал? В Чечне?

– Да, Валя.

– И убивал?

– Приходилось. На войне существует неписанный закон... Кто первым выстрелит, тот и жив будет. По мне тоже стреляли...

– И ты был ранен? – перебила его Валя.

– Был, Валя.

Она смотрела на него и качала головой, а в голове пронеслось: «Значит, Бог его хранил для меня». В это время прозвучала её фамилия, и она с испугом посмотрела на Вадима.

– С Богом, Валя. Не торопись. Будь спокойна и основательно подготовься. Удачи тебе, – напутствовал он.

– Спасибо. Ну... я пошла.

Когда дверь за ней закрылась, Вадим, постояв некоторое время, стал нервной поступью ходить туда-сюда. В конце коридора из открытой двери звучала тихая трогательная музыка. Вадим медленно прошёл на звук и заглянул. В кабинете сидела девушка и пилочкой занималась ногтями. Увидев его, она встала, завлекаясь улыбнулась и медленно прикрыла дверь. На ней висела табличка «Лаборантская». Вадим вернулся туда, где расстался с Валей.

Из аудитории через 10-15 минут выходили парни и девушки кто с радостным, кто с отрешенным лицом, а кто и в слезах. Вадим подошёл к окну и стал смотреть на развесистую липу, на ветке которой суетились, играли воробьи. «Вот кому не надо ни о чём беспокоиться», – подумал он, глядя на них, и его взгляд скользнул вниз по стволу. Возле дерева остановилась Валя, промокая глаза платочком. Догадка возникла

сама собой, и он быстро побежал вниз по лестнице. Она в это время направилась на автобусную остановку. Догнав, Вадим взял её за локоть и тихо с тревогой в голосе спросил:

– Валя, что случилось?

– Накаркал этот негодяй, – сквозь слёзы ответила она и ещё сильнее заплакала. – Всё, не провожай меня. Я хочу побыть одна.

– Я не могу тебя оставить одну в таком состоянии. Успокойся, Валечка. Это поправимо. На следующий год...

– Вадим! – нервно прервала его она. – Я прошу тебя, оставь меня в покое. Я... хочу... побыть одна. Разве это не понятно?!

Тот замолчал, смотря на неё в недоумении, а Валя, не сказав больше ни единого слова, повернулась и пошла на Садово-Кудринскую. Он видел, как она взмахнула рукой проезжающему такси, машина тут же вынырнула из общего потока и остановилось возле неё. Открыв заднюю дверцу, она вероятно назвала таксисту нужный адрес и затем села в салон. Несколько секунд... и автомобиль растаял среди движущегося транспорта.

Вадим отошёл в сторону и встал возле стены академии, застыв в раздумии. Возле него остановилась группа девушек, закрыв его от людского глаза. Они звонко и эмоционально обсуждали сдачу экзамена, каждая из них пыталась рассказать свою историю. Среди их голосов он вдруг услышал и мужские.

– Так ей и надо, – со злостью сказал довольно знакомый голос. – Пусть знает... сучка... кого обидела.

– А как ты всё это провернул? – спросил другой голос и тоже показался Вадиму знакомым.

– Как, как... Перед началом экзамена зашёл в кабинет к этому толстяку и спросил, он ли принимает экзамен. Тот сразу в пузырь и потребовал покинуть кабинет... а я ему тысячу баксов под нос и сразу же пояснил, что плачу не за хорошую оценку, а за плохую.

Вадим насторожился и выглянул из-за группы девушек. За ними стоял Олег и его два дружка.

– Ну, а он что? – спросил один из них.

– А он сразу успокоился... Глаза заблестели... Впились в мой кусок и тихо спросил: «Фамилия?» Я и назвал Валькину, а он: «Черкните». Я и черкнул на чистом листе, лежавшем на столе: «Залегина»... Вот молодец... чётко выполнил поручение и получил взятку за «неуд». В его практике, наверное, такого не бывало.

Дрожь злости прошла по телу Вадима, кровь ударила в виски, и он хотел было тут же набить Олегу физиономию, но, глянув на часы, понял, что экзамен заканчивается. Тогда он, обогнув группу девушек и Олега с дружками, бегом побежал в аудиторию. Женщина-экзаменатор, которой он сдавал экзамен, собрала со стола свои бумаги и направилась к выходу, а мужчина, страдающий полнотой, приём экзамена заканчивал с последним абитуриентом.

Выждав, когда абитуриент поднимется и пойдёт к выходу, Вадим вошёл в аудиторию и сел перед экзаменатором.

– Вы что-то хотели? – спросил преподаватель, складывая бумаги в папку.

Вадим достал из кармана своё служебное удостоверение, на лицевой стороне которого было золотыми буквами выбито «Федеральная служба безопасности» и, не открывая его, показал тому. Мужчина побледнел,

руки затряслись, он что-то хотел было сказать, но Вадим его опередил:

– Ведомость экзаменуемых достаньте из папки. Быстрее!

– А...а зачем? – попытался возмутиться экзаменатор, но представитель ФСБ быстро поставил его на место.

– Вы хотите быть арестованным прямо сейчас и давать показания в другом месте по поводу получения взятки в размере тысячи долларов?

У того сильнее затряслись руки и, почувствовав перемену, подобной волчьей, когда тот загнан на охотника и учуял запах пороха, молча достал ведомость, положив её перед Вадимом. Вадим пробежал по списку и, найдя фамилию Вали, ткнул в неё пальцем и потребовал:

– Здесь должна стоять оценка минимум хорошо, а то и отлично. Вам понятно?

– Но там уже стоит запись...

– Это ваши проблемы, – перебил его Вадим. – Хотите переписывать всю ведомость... или исправляйте... если, конечно, не хотите видеть небо в клетку. Ну-у! Думайте... и побыстрее.

Тот мутными глазами уткнулся в ведомость. Под фамилией «Залегина» стояла фамилия «Затулина» с неудовлетворительной оценкой и лицо экзаменатора искривилось в искусственной улыбке.

– Я м-мог ош-шибочно проставить оценку «неуд» Залегиной вместо Затулиной, – заикаясь, сказал он, хитро глядя на Вадима, а потом, вынув из кармана авторучку, взял в скобки оценку Залегиной, провёл по ней черту и рядом написал «отлично», а внизу ведомости учинил приписку, что исправленному верить, и по-

ставил свою подпись, а рядом указал фамилию женщины-экзаменатора.

После этого Вадим потребовал:

– Тысячу долларов, – и протянул руку.

Экзаменатор с неловкостью в лице посмотрел на него, а потом, достав из внутреннего кармана пиджака американскую зелень, положил ему в руку, произнеся:

– Вы заодно с тем молодым человеком?

– Если бы за одно, то та оценка, которую вы поставили по его требованию, так и осталась бы. Я же хочу бросить эту валюту ему в лицо, а вас предупреждаю о недопущении подобного... Не то ваша семья вас не увидит долго. Я понятно сказал?

– Простите. Б-бес попутал.

В это время скрипнула входная дверь, и в аудиторию зашла женщина-экзаменатор, интересуясь, почему задержался её коллега. Тот открыл рот и хотел было уже ответить, но Вадим его опередил:

– Это я виноват.

Женщина, глянув на него, удивлённо спросила:

– А вы что здесь делаете? Вы же мне сдали экзамен.

– Вам. Мы с вашим коллегой друзья. Поэтому, чтобы не было лишних разговоров, ответить по билету я сел к вам, а не к нему, а сейчас мы вели разговор о наших семейных делах. Не так ли? – и он глянул на экзаменатора.

– О, да! Именно так, – воскликнул тот и сразу же перешёл в атаку. – Зоя Васильевна... Я допустил обидную ошибку... «Неуд» поставил не в ту строчку и наказал безвинно девочку. Вот смотрите...

Та глянула в его лицо отсутствующим взглядом и в один миг стала подозрительной, но он, тут же предъ-

явив ей ведомость, озвучил убедительный аргумент. Зоя Васильевна, поразмыслив логически, глядя на фамилии «Залегина» и «Затулина» и видя, что её коллега находится в возбуждённом состоянии, отнесла это на счёт ошибки, а потому подписала ведомость.

Вадим поднялся и трогательным голосом сказал:

– Не буду вас задерживать. Привет супруге и всего доброго... До свидания, – после чего направился к выходу.

Экзаменатора не оставляло горькое чувство поражения, он посмотрел вслед уходящему и протяжно произнёс:

– До сви-дания.

Вадим, поражённый коварством Олега, выбежал во двор академии и, увидев его на том же месте и в обществе всё тех же дружков, подошёл к нему и бесцеремонно уставился в его лицо. Тот на удивление был хладнокровен и, выдержав длинный взгляд соперника, спросил:

– Тебе что надо?

Он, конечно, не учёл да и не мог догадаться, что события давно вышли за пределы рамок обычного, и теперь зловещие чёрные тучи неба должны ответить ливнем. Вадим, сузив глаза, произнёс:

– Насколько же подлая твоя душонка... Ты зачем это сделал?

– Что именно? – спокойно поинтересовался тот, не догадываясь об осведомлённости Вадима.

– Ты знаешь, о чём я говорю... или мне обнародовать свою подлость?

– А сделай милость... обнародуй, – потребовал со злостью Олег, не понимая последствий.

– Как скажешь... Бог свидетель, я этого не хотел, – и Вадим, глянув по сторонам на кишачий двор абитуриентами, их родственниками и приятелями, крикнул: – Прошу внимание всех!

Гомон стал затихать, и все повернули головы на голос, считая, что последует очередное объявление приёмной комиссии.

А Вадим продолжал:

– Передо мной стоит человек... Вот он, – и указал пальцем на Олега, – который заплатил тысячу долларов экзаменатору, чтобы тот девушке-абитуриентке поставил «неуд» при сдаче экзамена.

– Сволочь... Скотина... – послышалось кругом. Толпа загудела.

Подбегавшая девушка стала сумкой бить Олега. Тот, закрыв голову руками, стал кричать:

– Он врёт! Это не правда!

Вадим достал из кармана сотенные зелёные купюры и поднял их над головой:

– Вот эти деньги он отдал за судьбу девушки, – сказал он, умышленно не называя имя и фамилию Валентины, а каждая получившая «неуд» сейчас посчитала, что речь идёт о ней, поэтому несколько девушек кинулись к нему.

Вадим бросил в лицо Олега доллары, и они рассыпались возле него. Тот, опешивший от разоблачения, конвульсивно кинулся собирать их, а возмущённые девушки стали бить его кто сумкой, а кто пинками. Олег, содрогаясь от ударов, собрал доллары и кинулся наутёк со двора академии. За ним поспешили и его друзья. После этого девушки обступили Вадима:

– Скажите... кто из нас? – спросила одна из них.

– Милые девушки, соболезную вам, но это не вы. Это другая девушка, которой здесь нет. Её зовут Валя. Поэтому вы расправились с этим негодяем за неё, – ответил тот.

– Зря вы его отпустили. Надо было вызвать милицию, и пусть сел бы тот, кто давал взятку и тот, кто брал её, – сказал подошедший пожилой мужчина. – Я вот за внучку свою переживал, но она, слава Богу, сдала... и неплохо.

– Согласен с вами, но это такой вид преступления, что его надо доказывать как карманному вору... а лучше субъекта преступления брать с поличным, – сказал Вадим и ушёл на автобусную остановку, а за своей спиной слышал, как перебивали кости не только Олегу, но и экзаменатору.

Вадим решил вновь навестить Валю. По пути он купил два букета цветов и коробку конфет.

И вот он уже стоит у её двери... Открыла София Захаровна. Увидев Вадима, в её глазах сверкнуло удовлетворение и нескрываемая радость.

– Можно войти? – спросил он, предварительно поздоровавшись и широко улыбаясь.

– Заходите, Вадим. Рады вас видеть, – приветливо пригласила она и, повернув голову в сторону комнаты, дверь которой была закрыта, повысив голос, позвала: – Валюша! Встречай гостя!

Дверь медленно открылась, и в проёме появилась Валя с опухшим и заплаканным лицом. Увидев Вадима, не изменив выражения лица ни в лучшую, ни в худшую сторону, кивнула головой, вышла в коридор и остановилась. Вадим вручил один из букетов Софии Захаровне, за что получил множество благодарностей, и сразу же обратился к Вале:

– Валентина Ивановна! От имени руководства юридической академии, – с шуткой начал он, – примите кучу извинений за досадное недоразумение и ошибку экзаменатора... Одновременно поздравить вас с успешной сдачей государственного очередного вступительного экзамена с оценкой «отлично», а также выразить надежду на подобную сдачу следующего, – при этих словах протянул ей букет цветов с коробкой конфет.

На лице девушки не дрогнул ни единый мускул. Принимая цветы и сладость, она спросила:

– И тебе приятно издеваться надо мною?

– Мне, Валя, приятно сообщить тебе об этом.

– Как? – растерянно спросила она. – Откуда? Каким образом? Не верю.

– Вот номер телефона приёмной комиссии... Звони и спрашивай об оценке, – он протянул ей клочок бумаги.

Та дрожащей от неожиданности рукой взяла, подошла к телефону и набрала нужные цифры. После четвёртого гудка ответили.

– Простите... Это Залегина Валентина Ивановна. Могу я узнать об оценке за сдачу экзамена, который состоялся сегодня? – спросила она.

– А вам что... экзаменатор разве не сообщил? – прозвучал вопрос на другом конце провода.

– Вы знаете, я так разволновалась, а тут подошёл другой сдающий... и не услышала, а переспрашивать было как-то неудобно.

– Кому вы сдавали?

– Мужчине полного телосложения.

– Минуточку... – в трубке послышался шелест бумажных листов, а через несколько секунд прозвучало: – У вас оценка «отлично», с чем вас и поздравляю.

Из рук Вали трубка выскользнула и глухо ударилась об тумбочку. Она стояла с разинутым ртом и глядела на Вадима, а по щекам произвольно побежали слёзы.

– Вадим... ты, наверное, волшебник. Можешь мне пояснить, что произошло?

Он рассказал ей обо всём, начиная с того момента, как она ушла, а под конец добавил:

– Ругать ты меня будешь или благодарить, я не знаю, но это уже твоё дело.

От радости Валя, забыв, что рядом стоит мать, расцвела в улыбке, вытирая ладонями мокрые щёки, бросилась к Вадиму и поцеловала его в губы, а потом бойко, как будто ожила, громко заявила:

– Как ругать?! Вадим, дорогой... спасибо тебе огромное. С каждым днём я всё сильнее убеждаюсь в том, что тебя мне Бог послал. Мне кажется, – ты ангел мой.

Тот от порывов расчувствовавшейся Валентины, её тёплых слов покраснел и стоял молча, переминаясь с ноги на ногу. Тут подключилась София Захаровна:

– Вот сегодня я вас не отпущу. Проходите, Вадим... и сразу на кухню. Будем чай пить. Я угощу вас своим вареньем из чёрной смородины, а хотите, сливовое. У нас всё это на даче растёт, – увидев, что тот пытается разуться, запротестовала: – Не-не-не, прошу вас... не надо разуваться.

Валя взяла его под руку, завела в кухню и усадила на стул, стоявший в ряду других за продолговатым столом, покрытым клеёнкой, разрисованной яблоками, грушами, сливами. Сама помогла матери накрыть на стол, и они обе сели напротив. За чаепитием звучал непринуждённый разговор, темы которого сводились к

жизни обеих семей. Вадим рассказывал о своей, а София Захаровна о своей. Валентина изредка вклинивалась, но всё же больше слушала, для себя отметила ответственное превосходство Вадима. По годам он был старше её на восемь лет.

– Вадим, простите за нескромный вопрос... Вы были женаты? – спросила его София Захаровна.

Сомнения в том, что был или не был, судя по его возрасту, возникли у неё с первого дня знакомства, а сейчас они, получив своё развитие, побудили задать этот вопрос.

– Прежде всего, София Захаровна, я хочу вам сказать, что довольно неловко слышать, когда обращаетесь ко мне на «вы». Я вам в сыновья гожусь... Лучше слышать «ты», а что касается вашего вопроса, то я отвечу честно – не был женат, хотя мои сослуживцы и одноклассники давно имеют своих детей.

– А вы... ой, простите... так уж и быть... А ты почему отстал от них? – не отставала хозяйка.

– Не находил свою половинку... это раз, а два... и некогда было. Горы Кавказа не отпускали.

– Ох, эта война... Всем она надоела. Ведь нет таких причин, чтобы убивать друг друга. Можно же сесть за стол да толком поговорить и найти решение, которое устраивало бы и тех и других. Я думаю, что небольшая кучка людей разжигает огонь войны, притом те, которым это выгодно.

– Согласен с вами, София Захаровна, но лучше об этом не говорить.... Сразу становится больно... Вспоминаются погибшие товарищи.

– И то правда. Дернуло меня за язык, – сказала та и принялась убирать посуду со стола.

Поговорив ещё немного с Валентиной, Вадим по устоявшейся привычке, которая сопровождает его несколько лет, заставлявших жить по времени, вкрадчиво посмотрел на свои наручные часы. Это заметила Валентина и сразу же спросила:

– Ты торопишься?

– Да нет. Может, пойдём, побродим по городу? – предложил он.

– А что... Давай. Я мигом.

Валя кинулась одеваться, а Вадим перебрасывался словами с Софией Захаровной, воркующей возле посуды. Ей он ещё сильнее понравился, и это инстинктивно почувствовал Вадим, взаимному расположению способствовали отношение, стиль разговора и общее поведение. Теперь уже она не видела для дочери другой партии, чем Вадим, и полностью готова была способствовать их сближению. Приятно было материнскому сердцу видеть его не скрываемое стремление к дочери, и то, что та уже тянулась и душой, и сердцем к Вадиму, было заметно, что он ей очень нравится.

Закончив прихорашиваться, Валя, переполненная чувством удовлетворения, выпрыгнула в коридор из своей комнаты, звонко огласив:

– А вот и я! Ну-у, пошли?

Вадим встал со стула, сделав удивлённые и одновременно восхищённые глаза, простонал:

– Вот это да! Какая же ты красивая, Валя.

Несколько минут он рассыпался в похвалах, а та гордо ходила по коридору, поворачиваясь в разные стороны, а когда демонстрация одежды закончилась, он, взяв её под руку, поблагодарил Софию Захаровну за гостеприимство, и они направились к выходу. Та,

глядя им вслед, незаметно для них перекрестила с довольной улыбкой, и те скрылись за дверью.

Юность и красота Валентины пленили Вадима. Он шёл рядом с ней, часто бросая косые взгляды на её внешность, чувствуя в душе гордость и песню сбывающегося счастья. Она же шла с присущей девичьей непосредственностью и очарованием, с открытой улыбкой на лице. Глядя на них, прохожие, не зависимо от пола и возраста, поворачивались, кто с завистью, а кто с любопытством. Они оба подходили друг другу, даже в их лицах можно было заметить некоторые черты схожести, что привлекало глаз постороннего. Идя медленно в развалку и непринуждённо беседуя, они время от времени поглядывали друг на друга. Вадиму непреодолимо хотелось поцеловать её розовые нежные губы, расцеловать всё лицо, прижать это выточенное Богом тело к себе, да так, чтобы кости захрустели. Однако обстановка и непродолжительное время знакомства не позволяли пойти на этот решительный шаг, от чего он еле себя сдерживал.

Гул машин и грохот трамваев не мешал им. Они не замечали, даже не слышали его. Были только он, она, запах цветов, растущих на клумбах... свежее дыхание друг друга пьянило как вино. После долгого ожидания у Вадима появилась надежда, что это та самая, его любимая, вторая половинка, он наконец соприкоснулся с долгожданной и уже существующей действительностью. От счастья распирало грудь. Он мысленно пытался заглянуть в будущее, увидеть там себя в качестве мужа Валентины, а так же представить их детей. Аналогичное происходило и с Валею. Об Олеге она вспомнила лишь под самый конец их вечерней прогулки, пе-

ребросившись с Вадимом короткими словами о его провале при совершении подкупа экзаменатора и последнего столкновения Вадима с ним.

– Теперь он носа не покажет в академию... от такого стыда сгореть можно.

Вадим согласился с ней, но продолжать этот разговор не захотел и перевёл его на более серьёзную тему, которая волновала обоих. Он предложил к завершающему вступительный этап экзамену готовиться вместе. Это обрадовало Валентину, и она с великим удовольствием согласилась. На этой ноте их вечернее общение заканчивалось. Они стояли, глядя друг на друга возле двери её квартиры, понимая, что настал момент расставания. Вадима мучило всё то же не покидающее его желание прильнуть к милым губам, и он с жадностью бросал на них взгляд. Валя догадалась и чуть-чуть помогла оттолкнуть в сторону его нерешительность, заложив руки за спину, склонила голову набок, закрыла глаза, подставив чуть улыбающиеся свои губы. Сердце Вадима неистово заколотилось как никогда раньше. Он обхватил её могучими руками, прижал к своей груди и теперь уже реально, как он мечтал, прильнул, впился в её губы сладким, таким желанным поцелуем. Она подняла руки, обхватила его за шею и в этой нежности оба замерли. В их сердцах слышалась чудная, зовущая к счастью мелодия.

Они, конечно, не знали, что с первой минуты, как появились у двери, за ними через глазок пристально наблюдала София Захаровна, которая, видя сегодняшнюю развязку между дочерью и Вадимом, благословенно шептала:

– Слава тебе, Господи! Спасибо тебе, Всевышний!

Сама когда-то брошенная мужем, она страстно желала дочери настоящего счастья. Прикрыв глазок крышкой и соблюдая осторожность, чтобы не обнаружить своё присутствие, взяла в руки тапочки и босиком, на цыпочках пошла в зал к иконе Божией Матери и Иисуса Христа. Губы её зашевелились, осеняя крестным знамением себя, и делала она это до тех пор, пока в замочной скважине не защёлкал ключ.

Заговор троих

Если Олег не был материально беден, то всё-таки пребывал духовно нищим. Его неотвязно ежедневно не покидало желание мести за тот позор, который вскрыл публично Вадим. Но понимая, что открыто притворить в жизнь ответные меры он не может, решил своё коварство направить тайком и начать с Валентины.

Размышляя над предстоящими действиями, он ощутил силу своих подлых способностей и обрёл уверенность в исполнении задуманного. Погрязший в распущенности и похоти, Олег втайне от Валентины соблазнил многих девушек и даже её подруг, в том числе самую близкую ей, Аду, та скрыла свою близость от Вали, надеясь на серьёзность отношений с Олегом и вела скрытно двойную игру. На ней он и решил сделать основную ставку. Позвонив и назначив ей встречу в съёмной квартире, используемую им для интимных целей, адрес которой она знала и не раз бывала там, поглядывал от нетерпения на часы. Нет, не она торопила его к встрече, а то, что он задумал. Для него она была совершенно безразлична, а с ней он утопал в плотских страстях лишь тогда, когда до одури напивался.

Готовясь к встрече, Олег через девушек, вернувшихся из мест заключений, раздобыл флакон клофелина, который передаст Аде, чтобы та незаметно при застолье «угостила» Валентину. В этом и заключался

основной агрессивный план, а дальше будет его последующее решение.

Прибыв за пятнадцать минут раньше назначенного времени, он приготовил лёгкую закуску из того, что было в холодильнике, поставил на стол половину недопитой бутылки и одну полную водки, и с рекламным буклетом какого-то магазина в руках опустился в кресло. Бесцельно полистав его и бросив взгляд на настенные ходики, обнаружил, что Ада опаздывает. Спустя десять минут в дверь позвонили. Это была она.

– Заставляешь ждать себя! – недовольно буркнул Олег, закрывая за ней дверь.

– В метро какое-то задымление обнаружили, и наш поезд в этой чёрной норе держали минут двадцать. Извини, но я, как и ты, возмущалась, – ответила Ада и, сделав завлекающие глазки, добавила: – А где здрасте? И поцелуйчик?

– Садись за стол... Разговор есть, – предложил Олег, не отвечая на вопрос.

– Ох, ох... какие мы деловые! – произнесла она, присаживаясь на стул. – И в чём он заключается?

– Выпьем сначала по чарке для снятия стресса, а потом к делу.

– А какой у нас стресс-то?

– Как это какой? Ты в норе в страхе просидела, а я здесь зубы стискивал, – пояснил он, наливая водку в рюмки.

Ада глянула на бутылку и возмутилась:

– Олег, ты же знаешь, что я этот вид спиртного не люблю.

– Будем пить то, что есть, а твоё любимое белое вино в следующий раз.

Выпили по одной... потом по второй, закусывая малосольным огурцом... Олег откинулся на спинку стула и, пронзительно глядя на Аду, достал из кармана стопку американских долларов, тех же, что использовались для подкупа экзаменатора, положил на стол перед собой.

Ада, не понимая жеста, поинтересовалась с мелькнувшим огоньком в глазах:

– Неужто мне?

– Заработаешь, будет тебе.

– А что надо для этого?

– Организуй за мой счёт встречу с Валюхой, только она не должна знать, что я буду... ну и что был тоже.

– И всё?

– Я должен с ней переспать... Поняла?

– А разве ты до сих пор не...

– Нет, конечно, – перебил он её ответом. – Она в этом плане какая-то дикая. Наверное, не тронутая.

– А как же сделать так, чтобы она тебя не видела... Поясни толком? Оглушить чем-то? Ты это имеешь ввиду?

– Глушить никого не надо, а вот... вот этой жидкости незаметно ей в стаканчик подлить можно. Она и уснёт крепким сном.

– А после?

– А после мы наградим её своим присутствием... Проснувшись, она спокойненько уйдёт домой, а ты получишь свой заработок в размере тысячи баксов и купишь себе норковую шубку. Как? Договорились?

Она задумалась. Её тревожило, а не случится ли что-либо с Валентиной после выпитого? Однако слишком уж манящей завлекательностью несло от лежавших напротив долларов. Закивав головой, она ответила:

– Согласна, но как это быстро надо?

– Вообще-то вчера. У тебя, кстати, когда день рождения?

– Двадцатого сентября... А что?

– Поздновато... – и Олег задумался, а потом махнув рукой, произнёс: – Как раз. Будет причина, от которой она не откажется. На этот день планируй. За это время я сниму временку на недельку-другую, всё необходимое туда затарю, а дальше ты не заботишься. Адресок я тебе скажу и ключ передам.

– Она же встречается, как я слышала, с другим... и вдруг придёт с ним... Тогда как?

– Не придёт. Это уже не твоя забота. Будет с вами один парень. Его представишь, как своего хахала. Вы познакомитесь за час раньше Валькиного прихода. Всё поняла?

– Кажись, да.

– Тогда, Аделина, раздевайся. Покувыркаемся и по домам. У меня сегодня ещё одна деловая встреча.

Та встала из-за стола, пошла в ванную, а после разобрала постель и легла...

Спустя полчаса они ещё раз обсудили исполнение предстоящего заговора. В конце разговора Ада поинтересовалась, почему Олег назвал её Аделиной, на что тот ответил, что подобное имя встречал в какой-то книге. А после они разошлись каждый по своим делам. С этого момента Аду больше всего волновала не судьба Валентины и её престиж, а та американская зелень, которая осталась в кармане Олега. Она постоянно стала представлять её нахождение в своём кошельке. Как-то размышляя над своим соучастием, она пришла к выводу, что её любимая подруга отныне стала объектом

особого внимания и источником её обогащения, так как, действуя против Валентины, она получит тысячу долларов за что-то, а это что-то обязывало её предать подругу, встать на сторону злоумышленника, заманить её в западню и сломать жизнь. Однако последствия тут же вытеснялись лишь одним воспоминанием о долларах. В результате этого по отношению к Валентине у Ады возникло необратимое чувство антипатии, которое воспринималось ею с холодом и бессознательно. Были, конечно, кратковременные моменты, когда её сознание возвращалось к здравомыслию, но сразу исчезали так же быстро, как и появлялись, а она успокаивала себя тем, что в заговоре она будет играть пусть существенную, но второстепенную роль, а основную и главную отводила Олегу. Своего дня рождения ждала с нетерпением.

Шёл сентябрь месяц. С каждым днём приближалось двадцатое число. Олег в районе станции метро «Беговая» подыскал двухкомнатную с мебелью квартиру и снял за пятьсот долларов на неделю, после чего занялся тщательной подготовкой.

Вадим и Валентина к тому времени сдали последний вступительный экзамен и были зачислены студентами заочного отделения. Всё это время они встречались и вечера проводили вместе, хотя ежедневно виделись и даже готовились вместе к экзамену, а также сидели рядом на установочных лекциях, которые закончились пятнадцатого сентября. После службы он торопился к ней, а она после работы к нему. Их отношения всё теплели и наступил момент, когда друг без друга жить не могли, встречаясь, радовались друг другу, как дети конфетке, а расставались до завтрашней встречи чуть ли не со слезами. Вадим, как и Валентина, приятную сер-

дечную боль страстной любви переносил с воодушевлением, грели мысли о их совместном счастливом будущем. Несмотря на непродолжительность отношений, Вадим вынашивал желание попросить руки Валентины, стать её законным мужем и как-то даже размышлял долго над этим, представляя себя в качестве жениха, обратившегося с этой просьбой к Софии Захаровне, будучи уверенным, что такое согласие непременно получит.

Наступило 19 сентября. После службы Вадим с Валей сходили в кинотеатр, после погуляли по улицам города и как всегда он проводил её домой. На прощание долго и крепко они слились в поцелуе, а после, условившись на завтра о встрече, разошлись.

Возвратившись домой ближе к 24-м часам, он обнаружил лист бумаги в дверной щели его комнаты. Развернув, увидел, что это телеграмма. Прочитал... в ней сообщалось о состоянии брата присмерти и предлагалось приехать как можно быстрее. В расстроенных чувствах он никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Наконец, войдя в комнату, Вадим, не раздеваясь и не раздеваясь, опустился на стул, удерживая в дрожащей от волнения руке телеграмму. Его мозг работал над тем, что делать и с чего начать.

«Так, надо успокоиться. Это пока главное, не то наделаю ошибок, могу что-то упустить», – рассуждал он, и тут же написал рапорт руководству о предоставлении кратковременного отпуска, а потом поднялся и направился на второй этаж общежития, где комнату занимал Коля (позывной «Зима») со своей семьёй.

Осторожно постучав в дверь и дождавшись, когда откроют, он увидел заспанного своего боевого това-

рища. Извинившись за столь поздний визит, Вадим дал прочесть телеграмму, а потом попросил передать рапорт руководству.

– На чём ты? – коротко спросил Коля.

– Самолётом до Киева, а там либо на такси, либо автобусом, – ответил Вадим.

– Помощь требуется?

– Спасибо. Всё в порядке. Единственное... хочу попросить тебя... Завтра позвони вот по этому телефону... Ответит Валя, скажи ей, что я срочно уехал. Сможешь?

– Без проблем.

– Ну, тогда пока.

– Удачи тебе, Вадим.

Тот кивнул, пожал руку Коли и побежал в свою комнату. Там быстро переоделся, сложил всё необходимое в небольшой чемодан, закрыл на ключ комнату, спустился на первый этаж к дежурному общежития и вызвал такси. Во втором часу ночи он уже был в аэропорту «Внуково». На три рейса подряд свободных мест не было, и ему пришлось взять билет только на двенадцать тридцать. За время ожидания он успел позвонить Вале, сообщив о срочном вылете и его причине. Та выразила соболезнование по поводу состояния здоровья брата и высказала надежду на его улучшение. Говорят, что неудача одна не ходит, а всегда рядом с ней её сестра. Так получилось и у Вадима. Вылет самолёта был задержан на целый час, а пока посадка да выгруживание на взлётную полосу, самолёт вылетел в четырнадцать часов.

Тем временем, Валя, переживая за Вадима, не находила себе места. В этот день она участвовала в судебном заседании. Судья Сомова рассматривала уголовное дело в отношении троих налётчиков на кассу автоза-

правки. Валя, ведя протокол, поймала себя на том, что не слушает показания подсудимых, а думает о Вадиме. Благо те, отрицая свою вину, отказывались от дачи показаний, не то всё это вылилось бы как самое малое в строгое замечание судьи. В перерыве Валя зашла в свой кабинет и успела включить чайник, как внезапно открылась дверь и вошла улыбающаяся до ушей Ада:

– Привет, подруга! Ну до тебя не дозвониться. Пришлось приехать, хотя всё же это было попутно.

– Что-то случилось? – поинтересовалась та, удивлённо глядя.

– Ничего не случилось, кроме того, что сегодня мой праздник... День рождения.

– Ой! Адусик... Поздравляю! Счастья тебе огромного!

Валя обняла подругу, поцеловала её в щёку, а та с улыбкой на лице произнесла:

– Поздравлять потом будешь.

– Почему потом?

– Я приглашаю тебя и твоего парня... – на этом слове Ада остановилась, будучи осведомлена Олегом о вылете Вадима в Киев, а потом продолжила, – вечером ко мне. Я буду со своим другом. Вчетвером посидим часик-другой, а потом побродим по городу. Принимается?

– К сожалению, Вадим улетел сегодня в Киев. У него проблемы в семье брата...

– Тогда мы втроём посидим! – с восторгом заявила Ада и радостно развела руки в стороны, как будто пытаясь обнять.

Её восторг Валентине показался несколько искусственным и даже обидным, но она это отнесла к эмо-

циональным чувствам подруги и не придавала особого значения.

– Ну так как? – настаивала Ада.

– Когда и где?

– Сразу после работы. Мои дома ремонт затеяли, так вот мы соберёмся у моих приятелей. Они в отпуске, а мне оставили для присмотра квартиру. Одним словом... я за тобой заеду, чтобы ты не путалась в поиске...

– Ой! А подарок? Надо же...

– Валя! Ничего не надо. Для меня ты подарок.

– Нет. Так не делается...

– Всё! Всё! Решено. Возражения не принимаются. После работы спускаешься, и мы поехали. Я тебя жду внизу. Часик посидим, а потом решим, куда пойти. Ну, до встречи!

Ада чмокнула подругу в щёку и убежала.

«Надо же, а я забыла о дне рождения! Как я могла? Нехорошо», – подумала Валя. Выпив кружку чая с печеньем, она закрыла кабинет и заняла своё место в зале судебного заседания.

Олег тем временем, дождавшись выхода Ады из районного суда, выслушивал об итогах её визита. Оставшись довольным, он ещё раз проинструктировал её о конкретных действиях во время трапезы, дал ей три тысячи рублей на случай приобретения чего-либо необходимого, хотя всё им уже было завезено, также деньги пойдут для расчёта с таксистом, потом дал ей флакон с клофелином и после уехал.

Ада остановила такси и поехала на съёмную квартиру, там накрыла стол, поставив еду, спиртное, лимонад и прочее, сделала для Валентины «коктейль», который должен полностью вывести её из строя. Неожиданно почувствовав душевное волнение, села у телевизора, бесцельно глядя на экран, где пела София Ротару, и замерла.

Время шло неудержимо... с каждой минутой приближая к кульминационному моменту. Ада понимала, что ожидает Валя, поэтому в её душе нарастало некое беспокойство, и, ощущая дрожь в теле, ловила себя на мысли, а сможет ли она при встрече с ней и, сидя здесь за столом, а потом и после всего, что произойдёт, артистично сыграть свою роль, не выдать себя своим поведением? Но как только в её метущемся сознании возникал довод – получить доллары – это успокаивало её, придавало силы и звало к участию в затеянной подлости.

Резкий звуковой сигнал автомобиля вывел Аду из состояния раздумий, она в недоумении оторвала голову от телевизора, вспоминая, что должна сделать. «О, да. Это же за мной», – пронеслось в её голове, она вспомнила о договоре с таксистом, доставившим её от суда к этой злополучной квартире. Выключив телевизор, Ада быстро обулась, покрутилась возле зеркала, похлопала по щекам, а потом, резко выдохнув из лёгких воздух, как бы успокаиваясь, побежала к такси, закрыв за собой дверь ключом.

Валентина тем временем, ничего не подозревая, собрала со стола всю свою служебную документацию, положив её в сейф, подошла к зеркалу, поправила причёску и спустя пять минут стояла уже возле парадного входа в здание суда.

Ада её увидела издали. Когда такси остановилось, она стрелою выскочила из машины, подбежала к ней и, чмокнув в щёку, произнесла:

– Фу-у... забегалась. Ну что... поехали?

– Поехали. Только сначала заглянем в промтовары и цветочный магазин, – заявила Валя.

– Никаких магазинов. Честно говоря, я сама такие мероприятия как день рождения и прочее со мною связанное... не люблю, поэтому посидим просто так... по семейному и по-тихому. Всё... по коням.

– Ты меня, подруга, ставишь в неудобное положение...

– Ты, Валька, самая любимая моя подруга, а это так же, как сестра, и если ты рядом... значит это и есть для меня подарок.

– Ну-у, вы... сороки... Едем или стоим? – крикнул им водитель при опущенном стекле.

Девушки звонко засмеялись и побежали к такси. Ада, усаживаясь на заднее сиденье рядом с Валентиной, сказала на ходу адрес, который водитель знал и сам. В ходе короткого обмена фразами о дневных заботах, Аду вновь посетил внезапно появившийся страх за то, что будет чуть позже... как червячок, это медленно выводило её из себя. Волнение усиливалось, ей трудно было себя контролировать, – глаза, как у воровки, бегали в разные стороны, и если бы Валя в этот момент смотрела на неё, то несомненно поняла бы про что-то неладное, происходящее с подругой.

Таксист знал своё дело хорошо и, избегая транспортные уличные заторы, быстро доставил их по нужному адресу.

Выходя из такси, Ада увидела высокого парня, стоявшего возле подъезда с букетом в руке. «Тьфу ты... раньше не встретились... А он ничего. Да-а! А как же его зовут? Ничего, выпутаюсь», – подумала Ада.

Парень, увидев приближающихся девушек, быстро сличив их лица с теми, которых видел на фотографиях у Олега, сразу понял, что это именно они. С мыслью о том, что подготовка к затеянному Олегом была крайне неудовлетворительная, хорошо бы было заранее познакомиться сначала с Адой, чтобы действовать наверняка, а не сомневаться, они ли это идут к дому, но всё ж шагнул им навстречу.

– Здравствуйте, девушки... милые, – произнёс он со слащавой улыбкой на лице.

Ада, не дав Валентине опомниться, тут же схватила быка за рога и представила:

– Познакомься... это моя подруга... Валечка.

«Ага, значит ты Ада», – мелькнуло в голове незнакомца, и он представился, чуть склонив голову:

– Леон, – и услышав в ответ: «Очень приятно», – повернул голову к Аде, промолвив: – А тебя, Ада, от всей души... С днём рождения! Счастья тебе...

– Ладно, ладно, Леончик... – перебила она его. – За столом скажешь. Заходим, голуби мои, – и она распахнула дверь подъезда.

На другой стороне улицы из салона своего автомобиля за ними наблюдал Олег, ехидно улыбаясь и потирая руки. Теперь он с нетерпением будет ожидать звонка Леона на его телефон и, как он рассчитал, это случится примерно в пределах часа.

Тем временем, Ада, войдя в квартиру, предложила гостям зайти в ванную вымыть руки и потом сразу к столу. Первой пошла это сделать Валя. И как только за ней закрылась дверь, Ада жестами рук показала Леону стул, на котором он будет сидеть, а потом громогласно предложила:

– Леончик, не стой столбиком, давай участвуй.

– А что делать? – так же громко спросил тот.

– Как это что? Открывай спиртное и наливай в бокалы. Мы пьём либо шампанское, либо белое вино, – Ада нарочито звучно говорила, чтобы слышала подруга, а сама поставила на стол заранее приготовленный для Валентины бокал с «коктейлем» возле столового прибора.

Леону ничего другого не оставалось делать, как малость погреть бутылками. Себе в рюмку он налил водки и сразу занял своё место за столом.

Валя вышла из ванной и глянула на Аду, та рукой показала ей на стул и фальшиво улыбнулась, но улыбка получилась кривой, чего подруга не заметила и села на указанное место.

– Леончик! – воскликнула Ада. – А руки?

– Они у меня чистые, – ответил тот, накладывая в свою тарелку закуску.

– А за нами... разве не мужчина должен ухаживать? – с подковыркой сказала именинница, присаживаясь рядом с Валентиной, которая закуску положила себе сама.

– У нас, девчонки, коммунизм. Каждый с общего стола обеспечивает себя сам, – ответил Леон, взял свою рюмку, встал и продолжил: – Ада, в этот замечательный день позволь мне сказать то, что я хочу. Хотя твоё имя в какой-то степени ассоциируется по сходности и созвучию с адской бездной, душевным адом, адом на поле сражения, местом, где души грешников после смерти подвергаются мукам, да и корень слова, то есть имени, звучит как ад...

– Ты чего, пришёл сюда для того, чтобы издеваться надо мною? – оборвала его Ада, покраснев маковым цветом. – Можешь не продолжать.

– Детей надо дослушивать до конца. Знаешь об этом?

– Не знаю, – нервно ответила Ада.

Валя глянула на Леона, а сама подумала: «Болван не отёсанный. И как Ада с ним встречается?»

– Коротко расскажи анекдот, прежде чем продолжить... Муж срочно уехал в командировку, и за столом сидят его жена и сын. Так вот сын матери хотел сделать замечание по поводу её поведения, а она отмахнулась, не дослушав его, сославшись на головную боль. Тут возвращается муж... Сели за стол и он спрашивает: «Ну, как тут вы без меня?» А сын возьми и выскажись: «Как только, папа, ты уехал, пришёл дядя Вася, и они с мамой то же самое делали, что и ты с тётей Надей, когда мама уезжала к бабушке».

Анекдот у девушек не вызвал даже улыбки. Ада продолжала сидеть с обиженным лицом, а Валя уже пожалела, что пришла сюда.

– Так вот, – продолжал Леон. – Не дослушав ребёнка... сгорели оба... И ты, не дослушав меня, обиделась преждевременно... Значит, я продолжаю ту речь, которую не закончил... Несмотря на сходства и созвучия, твоё имя прекрасно, как и ты сама. Оно несёт в себе счастье, благополучие, мир, преданность... его тебе дали твои родители, исходя из своих добрых соображений. Я и хочу выпить за них, а тебе, мой аленький цветочек... полноту человеческого счастья желаю.

По ходу тоста лицо Ады становилось всё добрее и спокойнее, а когда он закончил, она одарила присутствующих ласковой улыбкой и уже хотела что-то сказать, но Леон опередил:

– Предлагаю первую рюмку... и бокалы тоже за первый тост в честь именинницы всем выпить до дна. Кто это не сделает, будет означать негативное отношение к ней и желание ей только плохого.

Он стоя опрокинул рюмку в рот, громко стукнул ею по столу и сел, глядя на девушек, как бы inspectируя исполнение высказанных им условий. Ада поднесла бокал к губам и смотрела на подругу, ожидая, пока та выпьет. Валентина, встретившись с ней глазами, улыбнулась краем губ, глубоко вздохнула, как будто чувствуя недоброе, медленно выпила содержимое бокала. За ней осушила бокал и Ада. Леон, глядя на девушек, выкрикнул:

– Во! Это по-нашему!

Стали закусывать. Ада безучастно и тайком из-под лобья бросала взгляды на подругу, движения которой становились всё замедленнее. Леон, тем временем, наполнив бокалы и свою рюмку, предложил тост за подругу Ады – Валентину. Та соловьиными глазами посмотрела на него, хотела что-то сказать, но её губы беззвучно чуть шевелились. Она взяла бокал и тут же уронила его на стол, разлив содержимое, издала звук, похожий на стон, и начала клониться, падая со стула. Леон подхватил её, а потом поднял и отнёс в спальню, уложив на кровать.

– Ну что, будем звонить Олегу?! – сказал он то ли себе, то ли для сведения Ады, торопливо направляясь к телефонному аппарату, находившемуся на тумбочке.

Та небрежно ответила:

– Дело твоё.

В этот момент у Ады вдруг вновь возникло чувство жалости к Валентине, пришло чёткое осмысление, что

предстоящие превратности судьбы, которые придётся ей незаслуженно испытать, могут причинить непоправимый вред не только Валентине, но и ей самой. Представив завтрашний день и испытывающие глаза подруги, она не знала, что ответить на вопросы: кто? и почему?

– Леон, – обратилась она с дрожью в голосе, – может, не надо это делать? Вы же сломаете девчонке жизнь.

– Заткнись, – дерзко и грубо ответил тот, нервничая не только из-за слов Ады, но и из-за невозможности дозвониться до Олега.

Посидев в раздумье с минуту, он нервно бросил трубку на рычаг телефона, достал свой и набрал номер. Олег сразу же ответил.

– Почему не отвечал? Я тебе сто раз звонил, – с возмущением начал кричать Леон.

– Не ори, – осадил его тот. – Номер мне не знакомый. Я разве знал, кто звонит?! Ну что там?

– Мышка готова. Ждём котика, – поспокойнее и уже с шуткой ответил Леон.

– Сейчас буду. Выпить ещё осталось?

– Смеёшься? Ванную можно принять в том количестве, что мы запаслись.

Отключив телефон, Олег припарковал автомобиль и неспеша поднялся в квартиру. Ада сидела на стуле, кусая ногти и дрожала. Зло глянув на неё, с насмешкой в голосе спросил:

– Что, жалко подругу?

– Ей Богу, жалко. Может, не надо? А? Олежек?! Что я завтра ей скажу? Как в глаза посмотрю?

Олег, сделав свирепое лицо с выпученными глазами, нагнулся к лицу сидевшей Ады и сквозь зубы процедил:

– И от зелени откажешься?

– Откажусь, – тихо произнесла она. – Вот те крест!
– вскрикнула и перекрестилась.

– Поздно. Надо было раньше об этом думать, а сейчас ты... подруга... в полном соучастии с нами. Завтра постарайся проснуться чуть позже своей подружки, а если это случится наоборот, – дождись... полежи с закрытыми глазами, создавая вид спящей, покуда не поднимется Валька и не увидит, что рядом с ней спит Леон... Усвоила, что я сказал?

Ада, потупив взор, молчала. Теперь она поняла, что так или иначе всё, что задумал Олег, несомненно произойдёт... здесь, при её же участии.

– Я тебя спросил! – повысил голос Олег и ткнул пальцами руки в голову Ады.

Та подняла голову и, встретившись с его свирепыми глазами, вздрогнула. Таким она его ещё не видела. Страшная гримаса скривлённого от злости лица, бычьих глазища, стиснутые прокуренные зубы, обнажённые поднятием губ, свидетельствовали о его жестоком нраве.

– Да поняла я, – простонала Ада.

Олег сунул руку в карман и незаметно для неё включил диктофон, а потом, сбавив пыл, как можно спокойнее спросил:

– За свою работу... касательно Вали, сколько ты хочешь? Триста баксов?

– Как триста? – вскрикнула, очнувшись Ада. – Речь шла о тысяче.

– Так. Но что ты сделала такого, чтобы получить тысячу? Вот перечисли. Я пока не вижу ничего существенного.

Ада глянула на его руку, засунутую в карман, и решила, что он сейчас расплатится с ней обещанными долларами, а поэтому воспарила духом и выпалила:

– Как это не видишь? Уговорила Валю приехать сюда, сочинила ей басню о статусе квартиры, привезла её сюда, сделала «коктейль» с клофелином и напоила её им. И она вон... лежит без задних ног. Ты же явился на готовенькое, Олежек... Так что... этого мало?

– Достаточно. Молодец. Как всё завершится, получишь полную сумму. Только свою роль в этом спектакле доиграй до конца. Особенно... теперь уже... завтра утром... Ты помнишь, что Валюха вешалась на шею Леона и ушла с ним в спальню, а после ты отрубилась и проснулась позже неё. Поняла?

Та кивнула головой, глядя на него с решительным видом.

– Я не слышу... Так да или нет?

– Поняла. Всё сделаю... Не волнуйся, – сказала она, и её заступничество утонуло безвозвратно в цвете и запахе американской валюты.

– Спать будешь с Леоном, – перед этими словами Олег отключил диктофон. – А когда я уйду, он перейдёт к Валентине и ляжет рядом с ней.

Ада опустила глаза, сделав стыдливое лицо, и вкрадчиво спросила:

– А по-другому никак нельзя?

Молчавший до сих пор Леон в недоумении посмотрел на Олега. Видя, что события начали развиваться не так, как он полагал, произнёс:

– Я тоже хотел бы задать этот вопрос.

– А ты вообще помолчи, – ответил ему тот и добавил для обоих: – Сделаете, как я сказал, и на этом

точка, – глянув на Аду, велел: – Налей-ка мне водки... только не рюмку, а полстакана.

Та молча исполнила это, а про себя подумала: «Хам. Низкая, эгоистичная и алчная личность».

Олег же, указав обоим на стол, сел рядом с Леоном и, не обращая внимание на присутствующих, осушил стакан, после чего стал жадно закусывать. Леон с Адой переглянулись и последовали примеру Олега. Тот, повторив ту же дозу спиртного, почувствовал, что его начало одолевать неудержимое желание покинуть их и уйти к бессознательной Валентине. Поднявшись, он глянул пьяными глазами на Леона и Аду, зачем-то погрозил пальцем и, пошатываясь, направился в спальню, а те безучастно смотрели ему вслед.

Спустя несколько минут Леон, встав из-за стола, тоже вошёл в спальню. Увидев, что Олег, находясь в сильно опьянённом состоянии, раздевает Валю, а та в силу своего беспомощного состояния не пытается сопротивляться, тихо произнёс:

– Олег, ты же не проспи её пробуждение... Не то она увидит тебя рядом с собой.

– Закрой с той стороны дверь... Разбудишь ты, – сказал тот заплетающимся языком.

– Я ведь тоже могу проспать.... Не на посту же, а ты, залив чересчур основательно полбутылки водки... можешь запросто.

– Проспишь... у-уничтожу... Понял? – сказал с угрозой Олег, завершая раздевание Валентины.

Леон посмотрел на него недобрым взглядом, махнул рукой и вышел из спальни, закрыв за собой дверь.

Спустя несколько минут Ада и Леон слышали доносившиеся из спальни не слабые крики, а стоны Валентины. Ада произнесла тихо:

– Она ведь ещё не тронутая... Девственница... Что будет... что будет?! – схватившись руками за голову, качала ею.

– Когда-то же надо лишаться этого достоинства, – ответил Леон. – Ну что... идём и мы... Смотри... нельзя проспать. Будильник есть?

– Видела на этажерке.

– Бери его и заведи на пару часов вперёд. Пусть Олег уходит и дома будет досыпать.

Заговор троих, несомненно, удался. Под сводами этой злополучной квартиры наступило время, которое принесло кому-то радужные моменты, а кому-то горькое со слезами воспоминание, вызывающее отвращение на всю оставшуюся жизнь.

Подлог

Выйдя из аэропорта «Борисполь», Вадим кинулся на автостанцию, но там снова встретился с невезением. Десять минут минуло, как ушёл рейсовый автобус в Белую Церковь.

Подойдя к таксистам, которые называли заоблачные цены, не нашёл общего согласия, после чего на такси выехал за город и на попутной машине уехал в родной город. Благо, водитель старенького «Москвича» путь держал мимо Зареченской плотины, через речку Протока и микрорайон Заречье, где и жил Юрий Коваленко – брат Вадима, работавший в должности начальника цеха резинотехнического завода. Машина быстро преодолела расстояние в 80 километров, доставив его почти до самого дома брата.

Время подходило к шести часам вечера. Его, торопившегося к дому, через окно увидели Юрий и его жена Настя. С радостными лицами, полные воодушевления они выбежали во двор и кинулись ему навстречу.

Увидев брата весёлым, радостным и вполне здоровым, Вадим опешил, а те обнимали его, тискали, особенно Юрий, всё приговаривая:

– Ах как я рад... как я рад. Братик ты мой родной... Совсем забыл о нас, – а потом отстранил его от себя и, глядя светящимися от радости глазами, спросил: – Как это ты решился проведать нас и посетить отчий дом?

– А ты-то как себя чувствуешь? – вместо ответа спросил Вадим.

– Слава Богу, в полном здравии. А почему ты спросил об этом?

Вадим достал из кармана телеграмму и протянул Юрию, тот пробежал по тексту глазами, скривил губы и удивлённо проронил:

– Чушь какая-то, – и повернувшись к жене, протянул ей телеграмму: – Твоя работа?

Настя, прочитав телеграмму, покачала головой, присматриваясь к ней и произнесла:

– Так это же липа. Кто-то подшутил. На ней нет ни единого штампа, – и добавила: – Ну, спасибо ему или ей... кто её подготовил и подтолкнул Вадима приехать к нам.

Вадим взял из её рук телеграмму, внимательно посмотрел на текст, оформление и застыл в раздумье: «Что это может значить? Подлог? Кому это выгодно, чтобы я уехал? И зачем? Очень странно. Кто же и каким путём получил сведения о брате и месте его проживания? Надо срочно позвонить Вале и Николаю».

– Ты чего задумался? Заходи в дом, Вадим... Всё, что ни делается... к лучшему. Если бы ты сегодня не приехал, то когда бы ещё? С твоей-то занятостью... Идём, идём, братишка, – сказал Юрий и, взяв его за локоть, повёл в дом.

Настя опередила их и побежала накрывать на стол. Пока она это делала, Вадим вымыл руки и умылся, потом, достав мобильник, стал звонить Валентине. Однако её сотовый был недоступен, а может, выключен. Всё это его тревожило. Тогда он позвонил Николаю и задал ему кучу вопросов с просьбой выяснить причину,

почему не отвечает Валя, а также узнать по возможности автора подделки телеграммы.

После этого все сели за стол. Юрий, как следователь, задавал Вадиму вопросы, а тот отвечал на них. Где-то ближе к десяти часам вечера позвонил Николай, сообщив Вадиму, что Валя с работы не пришла до сих пор, и её мать в панике, а об изготовителе липовой телеграммы никто не знает, и что этот вопрос он проработает завтра с утра. Поблагодарив, Вадим ещё раз набрал номер телефона Вали, и когда оказалось всё то же, позвонил её матери. Та сразу же подняла трубку.

– София Захаровна, я не могу дозвониться до Вали... Вы не в курсе...

– Вадимушка, голубчик, – перебила она его, – я сама в расстроенных чувствах. Ума не приложу, что могло случиться, и где она. Может, где задержалась... у своих подруг... чего никогда не бывало... И как назло телефонов я их не знаю... Самая любимая подруга у неё... Ада, но опять же не знаю её телефона. У меня есть твой номер... Если что... я позвоню.

– Позвоните... В любое время звоните. Я уже на месте. Но выяснилось, что мне телеграмму мои не давали. Брат мой, слава Богу, крепок и здоров. Телеграмма липовая. Я боюсь... не с этим ли связано молчание Вали?!

– Вот это здорово. Кто же такое сотворил? Подлость границ не знает и живёт среди нас. Вадим, будем надеяться на лучшее. Если что... я позвоню... и если завтра утром положение не изменится... пойду в милицию... Господи, да, что же это такое?! Вот сидим с Аллочкой все в слезах.

– Не расстраивайтесь. Всё выяснится. Утро вечера мудренее... Созвонимся. Если ничего не изменится, то я сразу вылетчу в Москву.

– Хорошо, Вадимушка. Ты тоже не волнуйся. Может, всё будет не так, как сердца наши чувуют.

Поговорив с Софией Захаровной, Вадим положил телефон на стол и задумался. Юрий и Настя, видя его расстроенное лицо, переглянулись. Накрытый стол с наполненными рюмками спиртного и наполовину удовлетворивший едоков стоял в ожидании.

– Может, мы дальше спокойно поужинаем? – нарушив затянувшуюся паузу, предложила Настя.

– Какое спокойно?! – с участием к брату произнёс Юрий и, указав кивком на него, сказал: – Посмотри на его лицо. Что-то случилось.

Они оба начали успокаивать его, забыв о продолжении ужина, а он в ходе разговора выдвигал разные версии и детально анализировал их и связи между ними. Когда же накал поутих, Настя спросила:

– Вадим, а Валя это кто тебе? Жена?

Тот краем губ улыбнулся:

– До этого ещё не дошло, но двухстороннее понимание есть и стремление тоже.

– Дай-то Бог... А она красивая?

– Божественно красивая. Я бежал по жизни, не видя той, которую мне Бог послал, а увидел её и... остановился. Это она, та, которую я искал.

Супружеская пара долго расспрашивала о ней, о её родителях, о её внешности, работе, характера и прочем... Стрелки на стенных ходиках всё шли и шли вперёд. Лишь во втором часу ночи в доме семейства Коваленко потух свет.

Проснувшись в восемь часов утра, Вадим снова позвонил Вале, но опять же ничего не изменилось, телефон упорно молчал, тогда он вновь позвонил Софии Захаровне.

– Ой, Вадимушка, слава Богу, всё обошлось, – вскрикнула радостным голосом она, а Вадим глубоко и с облегчением на сердце вздохнул. – Я вот... честное слово шла к телефону с намерением позвонить тебе, а ты опередил. Оказывается, она у Ады... Отмечали её день рождения. Заговорились допоздна. Валя кинулась звонить, а с телефоном что-то случилось, и не смогла. Вот она и осталась там, а утром с ночной смены пришёл брат Ады, у которого был телефон. Им Валя и воспользовалась. Так что будь спокоен, по части, коль уж приехал к своим родным, а мы будем ждать твоего возвращения. Валя же прямо оттуда пойдёт на работу... У неё всё продолжается затяжной судебный процесс, а вечером позвонишь.

– Ну, спасибо вам за информацию. Я так и сделаю. До свидания.

Положив трубку, у Вадима закралось ощущение чего-то недоброго и тревожного, что произошло с Валей. Его беспокоили те непонятные и пока не подлежащие объяснению целый ряд случайностей: фальшивая телеграмма, исчезновение на целую ночь Вали, поломка телефона, что вызывало сомнение в невозможности позвонить матери, тогда как установлены масса городских уличных телефонов-автоматов, которыми и можно было воспользоваться, а также тревожило совпадение, что всё это случилось в течение суток после его отъезда.

Увидев его сначала повеселевшего после разговора с Москвой, а потом задумавшегося, Юрий подошёл к

нему, по-братски обнял и с теплотой в голосе сказал:

– Не грусти, братишка. Древняя мудрость гласит: всё что ни делается – к лучшему.

– Не такая уж древняя твоя мудрость, брат, но в каждой мудрости есть своя глупость, – и добавил: – Эта мудрость может быть взята на вооружение разве что человеком безразличным к происходящему, надеющемуся на авось... или на то, что будет. В моём случае, и мы это уже обсуждали... едва ли её можно применить.

– Но с Валей, как я понял по обрывкам твоего разговора, всё хорошо?! Чего ты накручиваешь себя?

– Понимаешь, Юра, возникает целый ряд вопросов, на которые пока нет ответов... И слишком много необъяснимых случайностей. Всё это с колокольни Белой Церкви не решить. Надо возвращаться в Москву.

– Вадим! Ты меня не обижай... Приехал сказать здравствуй и до свидание? Не по-родственному это. Погости... Нет не то... Побудь дома хотя бы несколько дней, а потом как знаешь. Я сегодня возьму отпуск на недельку... Мы с тобой на рыбалку, на охоту ходим... Не послушаешь, – кровно обижусь.

– Ладно, брат. Решим после того, как я вечером поговорю с Валей. Хорошо?

– Кто она тебе? Толком можешь мне сказать? А то... бежал, встретил и остановился.

– Невеста моя... Жена будущая.

– Другое дело... Пора, брат, не то перезреешь... как овощ или фрукт... Перезреет и выбрось, не пригодный к употреблению... Я хочу тебя спросить, хотя рискую не получить ответа на мои вопросы. Можно?

– Попробуй.

– Ты действующий офицер или в запасе?

– Действующий.

– А по званию, небось, майор?

– Не угадал. Ниже.

– А чего угадывать... офицер, он и в Африке офицер.

А насколько слухи правильны... ты в Чечне всё воюешь?! Не так ли?

– Было дело.

– У нас тут живут несколько семей, переехавших из Западной Украины. Так вот один из их членов уезжал на Кавказ и воевал на стороне мятежников против федеральных сил... Приехал на побывку с бородищей до груди и ходит бьёт себя в грудь, мол, фронтовик он, а люди плюют ему вслед. Его брат у нас на заводе работает, так тот рассказывает, что у них давняя вражда к России, Польше, Австрии, Венгрии и другим народам... начинающаяся с древности... может, даже до того, как город Юрьев, разрушенный половцами, потом был отстроен и назван Белой Церковью. Одним словом, в княжие правление. Наверное, от того они скопом и к Гитлеру переметнулись.

– Да, там воевали не только они... прибалты, арабы, выходцы из России и другой сброд уголовников. И как тот ваш бородатый, вернулся домой?..

– Нет. Уже около года ни слуху ни духу.

– Нашёл то, что искал, а теперь кости его гниют где-нибудь среди камней кавказских гор, как и многих его соучастников. Почему не жить им в этом чудном городке, так нет же, рвутся туда, где основали гнёзда бандиты и проходимцы.

Город Белая Церковь веками был местом исторической значимости. Он чуть было не стал столицей вместо Киева. Его промышленный потенциал развивался

с каждым годом, поэтому население в двести тысяч человек было обеспечено работой по всем видам профессий, исключая необходимость бросать свои семьи, свой дом и кидаться в полымя войны, чтобы заработать средства для проживания. Шли в Чечню те, желчь которых закипала от ничем не оправданной ненависти к России и её народу. Шли и погибали там, оставляя в слезах своих родных и близких, которые эту ненависть продолжали незаслуженно впитывать. Эти люди, стремясь в будущее, забывали о своём негативном прошлом, о тяжёлых уроках и ударах судьбы за свою враждебность к народам, выливающуюся в кровавых деяниях, за свою низость и предательство и, конечно же, за измену своей Родине. Следует отметить, что не все, из числа этого народа, становились на скользкую и опасную тропу. Есть и будут те, кто заслуживает признание и уважение, и таких намного больше.

– А ты убивал там... на войне? – спросил Юрий.

– Не я, так он меня...

– Ну что ж... Спасибо тебе, брат, за скупые ответы. Честно говоря, на другие я и не рассчитывал. И всё-таки скажи... Твоя военная служба не мешает в жизни?

– А знаешь, брат... не мешает. Скорее требует, я знаю, что вместе со своими товарищами стою на защите своей Родины, охраняю её и свой народ...

– Но, брат, прости, что перебил... Это же уже не твоя родина. Ты ведь украинец, а не русский.

– Моя... и твоя... и всех украинцев тоже... Потому что мы один народ. У нас одна история и путь по жизни один, а украинцами мы с тобой стали, если я не ошибаюсь после 1921 или 1922 года, когда наш уважаемый Владимир Ильич родил Украину и украинцев, а до

этого мы были малороссы или ещё по другому назывались... поляне и жили на окраинных землях России. Создатели нашего государства одни и те же... Бог один и вера в него одна на все века. Это западные ястребы всячески хотят нас поссорить и разделить. Не хотят, чтобы мы были вместе, так легче им проглотить одних, а потом и других. Поэтому, Юра, я живу и служу своему Отечеству и буду служить до конца своей жизни.

– Но одно не сходится... Язык наш ведь разный.

– Язык? Половина слов одних и тех же. О разности говорить не следует. Пойди по нашим деревням, поговори с людьми, и убедишься, что язык в Украине везде не одинаков. Наречие, то есть местный говор будет разный, хотя и диалектные черты будут общими. Так же и в России.

День прошёл в домашних работах. Вадим помог брату починить прохудившуюся крышу дома, привести в порядок забор и ворота. Весь день он поглядывал на часы, нестерпимо ожидая вечера, чтобы поговорить с Валей. Это заметил Юрий и, чуть улыбнувшись, подумал: «Любит её».

Когда же наступило время, и по его расчёту Валя должна была уже прийти домой, позвонил.

Трубку взяла София Захаровна. Пообщавшись с минутой, он попросил пригласить Валентину. Она положила на стол трубку и зашла в её комнату. Валя лежала на кровати, повернувшись лицом к стенке, и на вопрос: может ли она поговорить с Вадимом, – покачала головой, продолжая находиться в том же положении.

– Вадимушка, не здоровится ей... Не сердчай... Как только полегчает, она позвонит тебе. А ты отдыхай и ни о чём плохом не думай.

Покраснев от возникшего волнения после такого ответа, он нажал на кнопку телефона, положил его в карман, опустился в кресло. То, что Валя не подошла к телефону, его задело за живое, натолкнув на мысль, что всё-таки что-то случилось и заставило совершенно иначе осмыслить подход к их отношениям. «Значит, они не прочные. И любовь однобокая, только с моей стороны, а с её ещё не созрела. Ну, что же делать? Наверное, буду во власти времени, а там... война, фронт покажет. Звонить больше не буду. Коль сказано, что Валя позвонит, значит, это для того, чтобы я не беспокоил её», – размышлял он, глядя в одну точку напольного ковра.

Увидев брата, сидевшего в угнетённом состоянии, Юрий подумал, что рыбалка для него будет весьма полезней, чем сидеть и думать о московских проблемах, поэтому заодно предложил:

– Ну, что, братец... Завтра с утра на рыбалку? Давай-ка пойдём... и нервы успокоим. Удочки есть. Корм тоже. Места знаю. Поедем на Росу. А?

Вадим подумал, чем мысленно разгрести эту сложную и непонятную паутину приходящих на ум доводов, лучше отвлечься, и, махнув рукой, согласился:

– Пойдём, брат.

Когда же наступило завтра, Вадим, одевшись во всё старенькое из личных вещей Юрия, хотя они были чуть маловаты по размеру, объявил о своей готовности. Юра, тем временем, принёс из сарая удочки и поставил их возле входной двери, накопал в огороде червей, а их там было немерено, взял два складных с матерчатым сиденьем стула, бутылку лимонада и кое-что из съестного и уже ожидал Вадима. А тот отвечал на вопросы

Насти, касающиеся приготовления ужина по желанию рыбаков.

На автомобиле, который в Украине уже считался иномаркой, а фактически был выдавший виды «ВАЗ-06» красного цвета, они под управлением Юры выехали за город и приехали на берег Роси, поросшей кустарником и еловым лесом.

Найдя подходящее место для рыбалки удочкой, она оставили чуть в стороне автомобиль, перенесли всё необходимое ближе к воде, приготовили к рыбалке удочки и, усевшись на стулья, приступили, забросив наживку.

Увидев кем-то установленную рогатину, Вадим положил конец удочки на неё, а ту часть, что держал в руке, – на землю, стал пристально наблюдать за поплавком.

Юра, чтобы не сидеть молча, стал интересоваться жильём Вадима в Москве, его бытом, системой командировок и достопримечательностью московского края. Вадим охотно рассказывал то, что не касалось характера его работы. Вдруг Юра крикнул:

– Тяни!

Вадим схватил удилице и рванул на себя. Оно согнулось. Он стал подсекать, и на берегу оказалась краснопёрка длиной в десять сантиметров. Спустя минуту Юра поймал судака, а Вадим окуня, а затем леща, ерша и карася. Юра не отставал, дополнив улов окунем, щукой, двумя лещами и судаком. У Вадима ветром занесло поплавок в камыш, и там крючок зацепился. Пришлось раздеваться и лезть в воду.

Когда он возвратился на берег, Юра предложил малость покушать. Разложив всё, что имелось, на траве, они кушали, беседовали и одновременно следили за

поплавками. Во время еды Вадим поймал двух увесистых карасей.

– Богатая речка, – сказал он в азарте.

– Богатая это точно, но она умирает, – вставил Юра и продолжил: – Ведут водовод от Роси в Умань... это и приведёт к гибели реки... А ещё помогут этому водосбросы предприятий. Делющие это люди не думают о завтрашнем дне... живут сегодня, и их это устраивает.

В это время послышался гул автомобиля, и через минуту возле их «Жигулёнка» остановилась иномарка серебристого цвета «Ауди». Из неё вышли трое крепких парней, одетых по-рыбацки.

– Родственники того бендеровца, что уехал воевать в Чечню... Я тебе рассказывал о нём, – тихо сказал Юрий.

Те подошли к ним, осмотрелись... и один из них, у которого шрам пересекал весь лоб, недовольным и требовательным голосом промолвил:

– Здесь наше место. Вам надо перейти на другое.

Юра хотел было подняться, но Вадим рукой осадил его, а потом повернул голову к прибывшим и спросил:

– Где написано, что это место ваше?

– Мы здесь постоянно рыбачим...

– А теперь мы, потому как, прибыв на это место, увидели его свободным. Располагайтесь либо рядом, либо ищите другое место, – перебил его Вадим.

– А ты кто такой смелый?

– Ты, Ян, разве не узнал его? – спросил другой и сразу пояснил: – Брат вон того, – и указал на Юрия. – Мент московский.

– О, как! – воскликнул Ян. – И он ещё здесь командует?!

В это время поплавок на удочке Вадима скрылся под водой. Он схватил удилище и рванул на себя. Почувствовав большую рыбу на крючке, он стал не поднимать удилище вверх, а тянуть леску к берегу, и когда вытянул, то оказалось, на крючке трепыхался лещ килограмма на два. Снимая его с крючка, Вадим спокойным тоном ответил:

– Ребята, наглеть не красиво, – а потом, бросая рыбу в рыбный садок, сшитый из парусины, натянутой на металлические обручи, добавил: – Тем более в отношении своих горожан.

Юра чуть наклонился в его сторону и прошептал:

– Давай уйдём... от греха подальше.

– Это ты свой? Предатель Украины, находящийся на службе у москалей... Вот кто ты! – повышенным тоном произнёс Ян, а потом скомандовал своим: – А ну-ка, хлопцы, подтолкните, – и подошёл к «Жигулёнку», стоявшему на косогоре передом к речке.

Те подошли и стали толкать автомобиль в речку, но он стоял в положении натянутого ручного тормоза и не поддавался.

Вадим, бросив удилище на землю, подошёл к Яну.

– Почему вы, западники, такие недоброжелательные? Разве на речке места мало? Посмотри... никого нет кроме нас, а мест вдоль речки сотни... А машину оставь в покое, – сказал спокойным тоном он.

Ян выпрямился, шагнул к Вадиму, сделав злое и ехидное лицо, и процедил сквозь зубы:

– Мы рыбачить будем здесь. Понял?

– Ради Бога. Располагайтесь рядом. Мы не против.

– Не рядом, а там, где вы находитесь... Вы же отсюда уберётесь. Если не хотите по-хорошему, будет по-плохому.

– Угрожаешь?

– Предупреждаю.

– Так вот моё твёрдое и последнее слово... Мы рыбачили на этом месте до вашего прихода и будем дальше, а твои предупреждения оставь при себе, – сказал Вадим и, повернувшись, хотел уйти к Юрию, но его за одежду в области левого плеча схватил Ян и тут же нанёс удар в голову.

Вадим пошатнулся, но устоял. В одно мгновение он перехватил руку Яна, занесённую для очередного удара, резко потянул на себя, а потом «мельницей» швырнул его по косогору к речке. Тот вскрикнул, больше всего от боли в руке, и кубарем покатился в воду. Два его родственника кинулись на Вадима, но спустя считанные секунды оказались рядом с Яном. Высказывая угрозы, они выбрали на берег. Вода стекла с их одежды, к которой прилипли грязь, ил, листья камыша.

– Ты не жилец. Мы тебя прикончим... Тварь московская, – заявил омерзительным тоном Ян, смывая с одежды грязь, а потом, увидев в траве дыры, схватил его и кинулся на Вадима.

Тот уклонился от удара, вырвал кол, а Яна ударом в грудь ногой снова отправил в речку. Вынырнув, он закашлялся от попавшей в глотку воды, а потом, выходя на берег, снова начал угрожать Вадиму. Тот хотя и не склонен сносить угрозы и оскорбления, но подавив в себе раздражение, подошёл к нему, взял за локоть и привёл к их машине, потом совершенно спокойно сказал:

– Хотите рыбачить? Милости просим, а нет... можете уезжать, а на досуге подумайте над тем, как вы посту-

пили, прибыв сюда, и правы ли в своих действиях. Что же касается меня, то я вынужден был защищаться.

Похлопав его по плечу, Вадим вернулся к побледневшему Юрию, взял своё удилище, проверил наживку и молча стал рыбачить, а Ян и его сопровождающие сели в свой автомобиль и уехали.

– Ну, ты, брат, показал им, где раки зимуют, – с восхищением произнёс Юрий.

Тот не ответил, молча глядя на поплавок, а он, воспылав чувством победителя начал перемывать кости нападавших западников, безжалостно размазывая их личности в своих выражениях. Ему не терпелось внести свой вклад в заслуженную победу, если не действиями, то хоть словами. Вадиму надоело слушать напоминание о негативном происшедшем, которое ему хотелось забыть, и он остановил брата поднятием руки и словами:

– Юра, не надо. Они не заслуживают того, чтобы так долго о них помнили. Лучше расскажи некоторые эпизоды из жизни нашей мамы... Ты ведь её видел и общался до самой её кончины, а я всё в разъездах был.

В своей утончённости характера, Вадим обладал способностью в любой ситуации, даже если она была казусная или же выходящая за все дозволенные рамки, быть спокойным и не терять самообладание. Такое качество часто спасало его в кульминационных моментах. За это сослуживцы и прозвали его неуязвимым. Он всегда и в любой обстановке руководствовался исключительно инстинктом разума в гармонии со своими профессиональными навыками. Как и здесь, Вадим хладнокровно, как будто играючи, сумел за короткое

время одолеть троих дюжих парней да ещё на прощание дать им дельный совет, соблюдая спокойствие.

Юра долго рассказывал разные эпизоды о матери, а Вадим слушал его молча и ощущал нестерпимую боль сердца. Ближе к вечеру она закончили рыбачить и с увесистым уловом возвратились домой.

Вскоре по всему дому распространился запах жареной рыбы. Ужин был на славу.

На следующий день Вадим сумел убедить сопротивляющихся Юрия и Настю, что ему необходимо вернуться в Москву, пообещав обязательно приехать на целую неделю в следующем году, выехал в Киев и улетел в Москву, где его ожидало решение задачи жизни со многими неизвестными.

Попытка суицида

Всё, что произошло после празднования дня рождения Ады, очень сильно потрясло Валентину. Она ни с кем не разговаривала, замкнувшись в себе, а её подавленный вид, трясущиеся руки, нервозность, тусклый и испуганный взгляд – свидетельствовали о наступившем глубоком психологизме. Кроме этого, безразличие и холодное равнодушие ко всему происходящему вокруг овладели ею полностью. Холодно простившись с Адой, она не пошла на работу, а обратилась в поликлинику.

Врач, осмотрев её, безоговорочно выписал больничный лист и медицинские препараты для домашнего лечения.

Возвратившись домой, Валя, не ответив ни на один вопрос матери, категорично заявила:

– Меня ни для кого нет дома.

– Вадим сто раз звонил, беспокоится парень... и для него тоже? – спросила София Захаровна.

– Я сказала: ни для кого, – ответила дочь, зашла в свою комнату и закрыла за собой дверь на ключ.

Её поведение для матери было полной неожиданностью. Усевшись за кухонным столом, она до боли напрягала свои мозги, пытаясь развеять таинственность, окутавшую Валентину, разгадать то, что мучило дочь.

Валя же лежала на кровати с закрытыми глазами, и её бессознательное мышление витало там, в той злополучной квартире. Она напряжённо усиленно пыталась вспомнить, что происходило с ней, но кроме того, что Леон, сидя за столом, разговаривал с Адой, больше ничего вспомнить не могла. «Но как так получилось, что я оказалась голая, и возле меня лежал в таком же виде Леон? Подо мной была лужа алой крови, значит, это сделал тот же Леон?! А почему я ничего не помню? И значит я теперь не девственница? Как я могла? Что наделала? Что я могу сказать Вадиму? О, Боже! Интересно, а почему Леон лёг со мной, а не с Адой? Да-а... она же говорила, что тоже не помнит, как уснула... А я проснулась первой и увидела спящую на диване Аду и рядом с собой Леона. Гадко и противно. Как я посмотрю в глаза Вадима? Нет. Не смогу. Лучше умереть. А как? Накинуть петлю на шею или вены вскрыть? Наверное, второе... лечь и спокойно умереть. Это самый лучший выход», – Валя никак не могла перебороть в себе ту пустоту, которая образовалась внутри, она не исчезала, не уходила, а с каждым часом нарастала и увеличивалась. «И зачем я пошла на этот день рождения? Дура, дура!» – корила она себя.

Валя поймала себя на мысли, что не хочет видиться с Вадимом, во всяком случае пока, а как дальше будет, не могла ответить. Желание вскрыть себе вены стало сопровождать её постоянно. Оно уже преследовало, требуя исполнения. Воспользовавшись уходом матери в магазин за продуктами, она взяла лезвие, села в ванную и на левой руке вскрыла вены. Кровь ручьём потекла, окрашивая воду. С каждой секундой Вале всё

сильнее хотелось закрыть глаза и уснуть мёртвым сном, но этому не суждено было случиться.

Уже дойдя с корзинкой продуктов до кассы магазина, расположенного на первом этаже соседнего дома, София Захаровна обнаружила отсутствие кошелька, оставила всё возле кассира, а сама побежала домой за деньгами. Войдя в прихожую, крикнула:

– Валюша! Кошелёк мой на тумбочке принеси... чтобы я не разувалась... Забыла... ворона...

Ответа не последовало. Тогда она ещё раз позвала, но всё оставалось по-прежнему. Подойдя к двери комнаты дочери, заглянула в неё... нет Вали... потом кинулась на кухню, но, увидев приоткрытую дверь ванной, вошла туда и опешила.

– Ой, доченька! Что же ты натворила, – вскрикнула она.

Схватила полотенце и сильно перетянула им руку выше раны. Только кровь перестала течь, сразу обработала рану йодом, наклеила на неё заживляющий пластырь и ещё прижала его бинтом. Когда всё это было сделано, с большим трудом вытащила дочь из ванны, донесла до комнаты и уложила на кровать. Вспомнив о настойке нашатырного спирта, она принесла флакон и сунула под нос Валентины. Та закрутила головой и медленно открыла глаза.

– Мамочка? – еле слышно произнесла она.

– Доченька, родненькая... ты что же удумала? А обо мне подумала? Как бы я жила потом?! – начала было мать, но решив, что не время вести разговор на эту тему, со слезами на глазах кинулась к телефону.

Набрав номер своей приятельницы, работавшей в городской клинике, она объяснила, что произошло, и

та продиктовала весь перечень необходимых действий. София Захаровна только успевала записывать. Кроме этого медик назвала набор продуктов, способствующих быстрому кровообразованию и восстановлению тонуса жизнедеятельности организма, а в конце спросила:

– Ты сейчас уверена, что вмешательство врачей излишнее?

– Она пришла в себя. Я почти всё сделала так, как ты мне советуешь...

– Сонь, – перебила её приятельница, – если ты вызовешь врачей, то после их помощи Валю возьмут на контроль, как склонную к суициду... это во-первых, а во-вторых, следователи будут допытываться... что, да почему? Какова причина? И кто довёл до такого решения? Но если ты сомневаешься в правильности своих действий по оказанию помощи Вали или же ей будет становиться хуже... вызывай скорую немедленно. Поняла?

– Да, спасибо тебе.

Валя лежала в полусознательном состоянии. Ей казалось, что она соломинка на волне бушующего моря, и её уносит всё дальше и дальше от берега. Её слабое дыхание спустя несколько минут переросло в ровное и спокойное, тяжёлые веки стали ещё тяжелее, и она уснула.

Просыпалась она тогда, когда мама её поила разными отварами и кормила лёгкой едой, приготовленной по продиктованному приятельницей рецепту. К вечеру Валя открыла полностью глаза, почувствовала себя значительно лучше и попросила блины со сметаной. София Захаровна безмерно обрадовалась этому,

быстро приготовила и накормила дочь, а потом, усевшись рядом с ней и глядя жалостливо ей в глаза, попросила:

– Доченька, поделись со мной тем, что у тебя на душе, и тебе от этого легче станет... и мне тоже. Прошу тебя. Я же твоя мама и должна знать, что привело моё дитя к такому решению.

Та помолчала немного, борясь сама с собой, а потом тихим болезненным голосом ответила:

– Я уже не девочка, мама, – сказала и заплакала. – Всё произошло сама не знаю как... Сидели за столом, и вдруг всё в моём сознании провалилось... Ничего не помню. Утром проснулась в луже крови под собой и рядом со мной парень Ады, а она спит на диване.

– А как он оказался в твоей постели?

– Не знаю, мама.

– Много выпила?

– Бокал вина и то не полный... осталось немного.

– Может, подмешали чего?

– Кто? Нас было всего трое.

– О, Господи! А Ада обиделась на тебя, наверное?

– Да, нет. Наоборот, успокаивала.

– Валя?! Так не бывает! – вскрикнула мать. – Получается, ты отбила у неё парня. И это наверняка задело её за живое.

– Задело, мама, – перебила её дочь. – Она прогнала Леона из квартиры и сказала, чтобы забыл дорогу к ней, а мне объяснила, что я первая отрубилась, а потом и она. А он сидел, пил и, может, опьянев, лёг вместо Ады ко мне... а потом, пользуясь моей беспомощностью... Сволочь. Убила бы гада. Как теперь я посмотрю в глаза Вадима? – и она заплакала.

– Успокойся, доченька. Всё образуется. Твоё счастье рядом с тобой. Он звонит, беспокоится...

– Мама, – перебила она её вновь, – Вадим не должен сюда приходиться... пока я не вернусь в норму. Говори ему всё, что хочешь... Я и телефон отключила... Одним словом, придумай сама, что сказать.

Они ещё долго обсуждали эту проблему. Матери не удалось убедить дочь о нецелесообразности уклонения от встречи с Вадимом, а та дала понять, что основательно взвесила всё и твёрдо решила поступать именно так.

Уклонялась от встречи Валентина по одной причине, – боялась сказать Вадиму правду и соврать тоже. Но она понимала, что не сегодня, так завтра ей придётся встретиться с ним и объяснить столь длительный разрыв в их отношениях.

Больничный заканчивался через три дня, и она помышляла о его продлении, а пока ею владело унылое настроение.

Однако события развивались намного быстрее, чем можно было ожидать. Если Валя восприняла жизнь трагически и решила было расстаться с ней, то Вадим, чтобы окончательно понять её уклончивость, несмотря на запрет, приехал и вот стоит, звонит в её дверь.

София Захаровна открыла и была ошеломлена его появлением. А он с букетом цветов в руке и решительным лицом ожидал приглашения войти в квартиру. Захлопнуть перед его носом дверь София Захаровна не решилась и скрыть своё замешательство не смогла, его конечно же заметил Вадим. Стараясь быть любезной, поздоровалась с ним и попыталась сослаться на болезнь дочери, но он тут же спросил:

– Надеюсь не заразная. Я бы хотел увидеть её всего на пару минут. Убедительно прошу вас, София Захаровна.

Та, переминаясь с ноги на ногу, как бы раздумывая, разрешить войти или отказать, промолвила:

– Минуточку, – и пошла в комнату Вали.

А та уже нетерпеливо махала руками, не соглашаясь, а потом, когда мать приблизилась к ней, прошептала:

– Мама, ни в коем случае. Как можно вежливее объясни ему...

– Он не уйдёт, пока тебя не увидит. Я это поняла. Ну поговори с ним... Чего парня мучить, – сказала тихо мать, но её слова донеслись до ушей Вадима.

Он положил на тумбочку букет и с охватившим его душевным волнением открыл дверь комнаты Валентины.

– Валя, и вы, София Захаровна, простите за моё нахальство, но я всего на полминуты... Я не знаю, что произошло и почему... Валя... избегаешь меня. Скажи мне прямо сейчас... мне уйти?! И я больше никогда не побеспокою тебя... даже не спрошу о причине? Вся проблема во мне? – сказал он и замер, ожидая ответа.

Она смотрела на него полными слёз глазами и тихо ответила:

– Прости меня, Вадим... но ты должен уйти.

Ответ оглушил его, лицо стало розовым, в мозгу промелькнула мысль о том, что его безумная мечта с найденным счастьем, которым оказалась Валя, развеялась как дым на ветру. Он резко повернулся и пошёл к выходу.

– Вадим! – крикнула растроганная София Захаровна, и, глянув на дочь, произнесла: – Валя, останови его.

Он закрыл за собой дверь и побежал по лестнице вниз, а Валя, ощутив комок в горле, заплакала.

– Мама, не могу... А вдруг я окажусь беременной... Что тогда?

– Дура ты... ой, какая дура. Такого парня лишилась. Беременна... Ну и что? Сколько таких, как ты, по свету... Либо признаются мужу, что не его ребёнок, и живут душа в душу... либо скрывают, и он воспитывает, как своего родного. Ой, ой, ой... Валька, Валька, что ты наделала? И как у тебя язык повернулся.

Та, закрыв лицо руками, заливалась горькими слезами.

Опасный замысел

Виктор Андреевич, отец Олега, среднего роста темноволосый толстячок, достигший возраста сорока лет, имел высшее автотехническое образование, но по полученной профессии никогда не работал, в период заката горбачёвщины благополучно основал ряд пунктов общественного питания, а уже в расцвет ельцинского правления превратил их в сеть ресторанов.

Видя склонность сына к тунеядству и желанию поехать послаще и поспать подольше, а также заглянуть почаще в горлышко бутылки спиртного, чтобы как-то отвлечь его, назначил своим помощником, в обязанности которого входило постоянное контролирование работы ресторанов по обеспечению качественными сырьевыми продуктами. Назначенной отцом зарплаты Олегу, как правило, не хватало, хотя её размер превышал оклады всех кухонных работников, начиная от самых рядовых и заканчивая шеф-поваром, и сын частенько просил денег у отца. Свои же обязанности в соответствии с должностью исполнял от случая к случаю и в большей степени продолжал вести разгульный образ жизни. Чтобы уменьшить свободное время сына, Виктор Андреевич, пользуясь связями и прочими возможностями, определил его на учёбу в финансовую академию. Однако ни работа, ни учёба в его суточном режиме не препятствовали заниматься своими лич-

ными делами, порою выходящими за рамки дозволенного.

...В очередной раз Олег возвратился домой под утро.

Мать, Зоя Степановна, светловолосая, приятной внешности женщина, на один год моложе своего мужа, услышала возвращение сына и тихонько вышла из своей комнаты. Он в это время переодевался в ванной, дверь которой была чуть приоткрыта, и она увидела, что сын снял белые плавки с огромными следами крови и бросил их в плетёный ящик для стирки белья. Решила дождаться, пока Олег примет душ... Когда же, пошатываясь от количества выпитого, он вышел, сходу накинулась:

– Олег! Когда это кончится? Почему ты каждую ночь возвращаешься домой в таком состоянии? И как ты можешь управлять автомобилем, будучи пьяным?

– Не ворчи... без тебя голова раскалывается, – ответил тот грубо.

– Я не буду больше молчать... Расскажу всё отцу и попрошу ограничить тебя в деньгах или вообще не давать... Ты фактически не работаешь, а только числишься...

– Слушай, мать, – оборвал её Олег, – без тебя тошно. Делай, что хочешь... мне наплевать... Только отвали от меня.

Тут, с грохотом открыв дверь, из комнаты вышел отец. Он слышал их разговор и решил всему этому положить конец, его голос зазвучал твёрдо и на повышенных тонах:

– Ты как разговариваешь с матерью? А ну-ка извинись!

– Ещё чего! Как хочу, так и разговариваю... а ты шёл бы досыпать. Всё... я пошёл... Глаза закрываются, спать хочу.

Мать тем временем вошла в ванную, достала из ящика плавки и вышла с ними:

– Вот, отец, полюбуйся на свидетельство образа жизни твоего сына.

– Чего ты суёшь свой нос, куда не следует! – возмутился Олег, вырывая плавки из рук матери, и отнёс туда, где она их взяла.

– А ты их стираешь? Мне же приходится. Объясни, что это такое? Почему они в крови?

– А ты не знаешь? У отца спроси! – выкрикнул Олег и свирепо посмотрел на мать.

Та, повернув голову и не увидев мужа, решила, что он ушёл в спальню, и уже намеревалась позвать его, чтобы довести начатое до конца, как из комнаты, наматывая ремень на правую руку, вышел отец.

– Я смотрю, ты совсем оборзел и доброго слова не понимаешь, – сказал он и, стиснув зубы, начал хлестать сына.

Тот, закрыв руками лицо, вскрикивал после каждого удара. Кожа на теле стала в красную полосу, а отец всё продолжал. Мать отвернулась, чтобы не разжалобиться, и только вздрагивала после каждого удара.

Закончив экзекуцию, отец схватил сына за локоть, затолкнул в его спальню и заявил:

– Отныне забудь, что у тебя был автомобиль... и зарплату будешь получать за вложенный труд, а не за то, что ты якобы работаешь. Допустишь оплошность, – с зарплаты вычту... Ко мне больше с просьбами дать денег не обращайся.

Захлопнув дверь, подошёл к небрежно брошенным сыном брюкам, достал ключи от зажигания, а из кобур документа на машину и удостоверение на право управления автомобилем, после чего положил в свой портфель и зашёл в спальню. Следом вошла и Зоя Степановна:

– Не строго ли ты, Витя, так?

– Мало... Пожалеешь розгу, потеряешь дитя... – слышала о таком выражении? Ничего... пусть знает, что я его умолять не стану. Повторит... ещё получит.

– Но бить... Он ведь уже взрослый парень...

– Зоя, знаешь что... – возмутился муж. – Меня отец отколошматил в тридцать моих лет... и поделом. Кстати, всё происходило при твоём присутствии. Помнишь?

– Помню, конечно, но не поддерживаю действия твоего отца, хотя ты, конечно, и заработал.

– А сын наш не заработал?! – закричал он.

– Ладно, ладно... Успокойся. Ты же понимаешь, материнская жалость. Но он, конечно, заработал. Как думаешь... после такой взбучки сдвиги в лучшую сторону будут?

– Поживём – увидим. Но я отступать не буду. Жалко, но приходится. Цыган сына бьёт за то, чтобы он ничего плохого не сделал, а когда сделает, тогда уже поздно будет. Кстати, надо узнать... кто его друзья, чем занимаются и прочее. Надо знать всё о нём, не то потеряем его.

Обладая необыкновенной проницательностью, он знал, о чём говорил, и чувствовал сердцем назревающую беду, которая может явиться внезапно и не одна, а в союзе с другой. Мысли в голове перемешивались и

с возмущением, и с озабоченностью, чувствовал, как какое-то незнакомое прежде томление снедает душу. И это всё бередило и не давало уснуть на тот остаток утра до подъема, когда он обычно встаёт, делает гимнастику, принимает лёгкий душ, завтракает и уезжает на работу.

Взвинченность из-за поведения сына подняла его раньше времени, вместо гимнастики он пробежал глазами газету, выпил чашку кофе, а после раньше всех явился на своё рабочее место.

Не спалось и Олегу. То он кипел в злости по поводу избиения отцом, то ворочался от болевых ощущений мест, по которым походил отцовский ремень, то в голову лезло всё, что происходило в квартире, где находились Леон, Ада и Валя. «Зря я так сделал. Не подумал. Надо было мне остаться, и пусть бы Валя увидела рядом с собой не Леона, а меня. Интересно, как бы она поступила после этого? А что? Насилие не доказуемо, а всё, что было, списывается на опьянение и обоюдное согласие. А вообще-то я поквитался. Попользовался и выбросил как тряпку к ногам этого буйного Вадима. Пусть забирает... Да-а... так ведь Леон после меня лёг к ней. Он ведь тоже вступал с ней в близость! Вот так ей и надо... Ну отец... зверски меня измутил», – размышлял он, упершись глазами в потолок. Он слышал, как собирался отец, и как за ним закрылась дверь, только после этого поднялся, минут пятнадцать сидел на кровати, потом подошёл к телефону и позвонил Леону. Тот после пятого гудка поднял трубку и ответил:

– У телефона.

Его хриплый голос свидетельствовал, что он находится в постели. Олег приглушённо спросил:

– Ты дома?

– Дурацкий вопрос. Ты же звонишь мне домой. Чего не спится? Под триумфом победы над Валюхой?

– Другое. Ты подъезжай ко мне... ну-у где-то через час. Надо побазарить кое о чём.

– Так ты на колёсах... подгребай за мной.

– Не могу. Отец тачку забрал... А ты брательника авто возьми! Ну как?

– Ладно... Постараюсь.

Положив трубку, Олег лёг на спину и снова уставился в потолок. В его памяти поплыла сцена избиения отцом. «Уйти из дому? А куда? А может, куда-либо уехать? Ну, а жить-то как? На какие средства? Да и академия... и хоть какая-никакая всё-таки... учёба... Наверное, всё же надо идти на работу к отцу. Он ведь прав. Я сам виноват, однако, так лупить не следовало... Не пацан я», – и посмотрев на часы, стоявшие на тумбочке, а они показывали пятнадцать минут десятого, поднялся, вышел из комнаты и увидел хлопчущую на кухне мать. Она его заметила, но, сделав безразличный вид, продолжала заниматься своим делом. Олег с виноватым лицом прошёл, присев на край стула, несмело произнёс:

– Мам... извини, пожалуйста. Я виноват перед тобой и перед отцом.

Та, помолчав и домыв под краном кастрюлю, глянула на него с укором и ответила:

– Отец сказал... Если подобное или что-либо другое не соответствующее нормальному поведению человека повторится... то чтобы ты искал себе квартиру... Будешь жить отдельно, зарабатывать на её содержание... и на своё тоже... И тогда ощутишь вкус самостоятельной жизни, а сейчас завтракай и марш на работу.

Своей выдержкой строгости, а это давалось ей не легко, она решила поддержать действия мужа, обдумав и прокрутив в голове всё, что произошло. Как мать, она хотела предостеречь сына от всего негативного, от возможных неприятностей и ошибок.

– Я понял, мама, – сказал он и, не став завтракать, оделся и молча вышел из квартиры.

Пытаясь прогнать овладевшие им неприятные чувства, он нервно ходил туда-сюда возле дома, ожидая Леона.

Зоя Степановна, умышленно не настоявшая на завтраке, через закрытое тюлем окно наблюдала за ним. Спустя пять минут возле него остановился автомобиль «ВАЗ-06» зелёного цвета. Олег открыл переднюю дверцу, сел рядом с водителем, и машина скрылась за углом.

– Так что у тебя произошло? Рассказывай, – предложил Леон, бросив взгляд на Олега.

Тот рассказал ему до мелких подробностей, а в конце добавил:

– Вся эта каша заварилась из-за этой твари... из-за Вадима... Ему надо было вынырнуть и сказать Вальке о деньгах... Сука... убил бы.

– Ещё не поздно. Я думаю, особого труда не составляет. Он ходит по городу спокойно...

– И Валька полностью моя... тогда будет! – прервал его речь Олег, а потом спросил: – Но кто это сделает? Где найти такого человечка?

– Киллер заломит цену в сотню тысяч баксов... если не больше, а я, к примеру, на четверть меньше.

– И ты сможешь?

– Легко. При встрече на улице... споткнулся, и перо ему в бок, да ещё и провернул... И хана.

– Леон, я не шучу... Ты серьёзно?

– Вполне. Но я не настаиваю, а всего лишь предлагаю... Тебе решать. Хочешь, найди киллера, и пусть он этим занимается. Он, конечно, сделает профессионально, а я с тем же результатом, но топорно.

– Конкретно... Сколько ты возьмешь?

– Ну-у... Двадцатку... долларов, естественно.

– По рукам! – воодушевился Олег и протянул руку.

– По рукам, – ответил Леон и пожал её.

– Мы так экспромтом решили столь серьёзный вопрос, что я сомневаюсь в его исполнении, – задумчиво произнёс Олег.

– А ты не сомневайся и готовь бабки, – твёрдо заявил Леон, а потом поинтересовался: – Куда сейчас едем?

– Я часик-другой поработаю, а потом позвоню тебе, и мы куда-нибудь смотаемся... Ну, к примеру, к Аде... узнаем, как там наша Валюха, – голос Олега дрожал, скорее всего, от возникшего волнения при обсуждении вопроса о физическом устранении Вадима, чем от радости, вызванной спонтанным решением этого вопроса. После маленькой паузы он спросил: – Скажи, Леон, ты был близок с Валею... после меня?

– А ты как думал? Ну не бревном же лежать рядом с девушкой... Выкупался в крови, как чёрт. Она что... девственница была или же менструальный период?

– Первое, Леон... первое. Сделали мы с тобой её женщиной... нагло и безжалостно, – произнёс Олег и громко засмеялся.

– Ты, Олег... сделал...

– Я начал, а ты завершил. Так что мы молочные братья, – перебил его тот. – Вот тут и притормози... Давай через два часа на этом же месте.

– Хорошо, – сказал Леон и уехал.

Войдя в кабинет, Олег стал интересоваться всеми вопросами, касающимися его прямых обязанностей: звонил по ресторанам и поставщикам, интересовался количеством задействованного автотранспорта и рабочей силы, качеством полученного сырья и прочим. Поработал в этом режиме чуть больше часа, а молва о его погружении в работу уже дошла до ушей отца. «Ну вот, оказывается, ремень тоже помогает. Значит, в высказывании автор допустил ошибку... Не бытием, а бытием определяют сознание», – подумал он и срочно выехал в мэрию, куда был приглашён.

Олег глянул на свои наручные, стрелки которых показывали, что до приезда Леона остаётся двадцать минут. Сидя в кресле, он размышлял над темой, которую озвучил Леон. Ему вдруг расхотелось начинать то, что они задумали, но вспомнив все эпизоды встреч с Вадимом, сомнения исчезли.

– Как решили, пусть так и будет, – сказал он вслух, глядя на закрытую дверь кабинета.

С этой мыслью он встал, подошёл к окну и посмотрел на наполненную транспортом улицу. Что-то холодное и пустое коснулось сердца, возникло нарастающее жестокое и коварное чувство мести, как он считал, за его поруганную честь. Назойливый суетный гул машин и неприятный слуху грохот трамваев не смогли отвлечь его от тяжёлых раздумий. Возникшее хладнокровие в каждой прожилке лица зародилось при одной только мысли о Вадиме, он крепко сжал пальцы в кулак и погрозил. А за окном, вокруг домов, липы, берёзы и клёны словно каждой веткой напряглись и грозно смотрели на него, как будто предупреждая об опасности замысла.

Особое задание

Вадим до боли переживал ту неизвестность, сложившуюся и повисшую между ним и Валею. Много раз перелистывал в памяти картинки их встреч и общений, осмысливая свою вину, но не находя, относил её поведение к двум версиям: с Валею случился какой-то инцидент, о котором она говорить не хочет, не может или же на самом деле болеет, и ей не до него. В большей степени он останавливался на первой версии, потому что, как ему показалась, внешне она не выглядела больной. Чтобы там ни было, он не поддерживал её такое загадочное поведение по отношению к нему. В голову лезли мысли, а не иллюзорная ли, а может, ошибочная и всё-таки неисполнимая его мечта, хоть и осязаемая непоколебимым успехом, но поразмыслив, решил не брать на вооружение эти догадки и ждать, надеясь на милость Бога.

Первые три дня после посещения квартиры Валентины он ходил сам не свой. Сослуживцы Вадима видели, что с ним происходит, но относили всё к его поездке в Белую Церковь.

«Зима» не выдержал, переживания друга волновали, и поэтому он решился спросить:

– Помощь нужна, Вадим?

– Нет, Коля, спасибо... Всё в норме, – уклончиво ответил тот.

С Колей они ни один день посвятили, чтобы найти исполнителя подготовки той злополучной телеграммы, однако результатов не добились.

Очередные занятия отряда проходили в районе Мытищ, темой которых было освобождение заложников, находившихся в салоне автобуса, как вдруг подкатил чёрный автомобиль «БМВ», и из него вышел дюжий прапорщик с листами бумаг в руке.

– «Ольха», «Сова», «Зима», «Крот», «Студент» и «Клён»... – прокричал он, называя позывные бойцов: – Срочно явиться в штаб.

Заместитель командира отряда, проводивший занятия, выделил автотранспорт и отправил всех шестерых, а с остальными продолжил.

В штабе их принял седовласый полковник, который сидел за столом начальника отряда, а тот стоял у торца стола справа. Слева стоял майор, с которым прибывшие не были знакомы.

Начальник отряда, окинув всех взглядом, сообщил:

– Ребята... Для выполнения важного государственного задания вы, под командованием майора, – он кивнул в сторону стоявшего напротив, – вылетаете на Кавказ. Вам два часа на сборы. Ровно в 17 часов отсюда и на аэродром. Представитель управления «В»... товарищ полковник введёт вас в курс дела, – и он посмотрел на него, а повернувшись к бойцам, добавил: – Препятствие к выполнению задания есть у кого из вас?

Ответа не последовало. Все молча смотрела на него.

– Значит, будем считать, самоотводов нет, – продолжил командир и, глянув на полковника, промолвил: – Прошу вас.

Тот, прежде всего, пригласил всех сесть за длинный стол заседаний, и сам сел в торце. Достав из кожаной папки листы бумаги с печатным текстом и одну фотокартонку, на которой был изображён с короткой бородкой мужчина, больше похожий на армянина, чем на араба, одетый в белый халат, на голове колпак, закрывающий не только волосы, но и уши, а на руках почему-то чёрные перчатки.

– Всё, что творилось в Чечне, – начал полковник, – это ещё не конец всему. Одиночки и небольшие группы не сложивших оружие будут себя проявлять в разных местах Дагестана, Чечни и Ингушетии. Получена информация о том, что в Панкисском ущелье соседней Грузии снова происходит накопление разнолицых боевиков под флагом «Аль-Каиды», хуже того... при иностранном финансировании идут разработки химического и биологического оружия, которое будет направлено не только против нашей страны. Вся эта работа ведётся якобы под руководством представителя одной из арабских стран, крайне засекреченного профессора по имени Абдель. Естественно, это имя вымышленное, а его настоящее, к сожалению, не известно. Этот фотоснимок получен негласным путём. Вам, дорогие товарищи, Родина поручает это особое задание... задание чрезвычайной важности. Вы должны изучить и запомнить внешность этого злейшего врага. Ваша задача... проникнуть в ущелье, найти лабораторию и уничтожить любой ценой, а Абделя... если представится такая возможность, доставить в Грозный, а потом в Москву... В крайнем случае, ликвидировать. С главой Чеченской Республики есть договорённость об оказании всяческой помощи. Проводник по имени Ибрагим вас будет

встречать в аэропорту. Это, что касается вашей боевой работы, а о её деталях мы сейчас поговорим...

Разговор длился около часа, в результате чего пришлось время вылета сдвинуть на час позже. Заканчивая, полковник перед тем, как всех отпустить для сборов, представил майора:

– Ваш командир в звании майора имеет позывной «Хан». Подобную работу ему приходилось выполнять, опыт есть. Он смел, решителен, любит исключительную точность, не любит трусов и тех, кто, не подумав хорошо, делает шаг вперёд... Любить не предлагаю, но уважение и чёткое выполнение приказов должно быть безусловно. Если нет вопросов, все свободны до условленного времени.

Кабинет в один миг опустел. Командир отряда посмотрел на полковника, потом на майора и произнёс:

– Перед вами сейчас был самый золотой фонд правления «В». Все обучены, прошли Крым, Рим и, как говорится, медные трубы. Любовь к России и своему народу они впитали с материнским молоком. Поставленную задачу выполняют, можете не сомневаться.

– Я не сомневаюсь, – ответил полковник. – Но она крайне трудная. Мы ведь не знаем, где находится эта лаборатория... В сёлах Омано, Корети, Джоколо, Биркиани, Дзибахевы, Дуиси... или Халацани? А может, в Сакобиано, Цинубани, Ахмета, Думастури, Квемо-Халацани, Матани? А возможно, и не в сёлах, а где-либо в горной расщелине, но то, что она есть, это уж точно.

– В Панкисском ущелье после Второй чеченской войны обосновались беженцы из Чечни. Некоторые из них потомки вайнахов... кистинцы. И живут там тоже кистинцы, переселившиеся в 1830-х и 1870-х годах...

– Да, но они проживают в основном в верховьях реки Алазани, – перебил полковник командира отряда. – А переселились во время Второй чеченской... в основном чеченцы сунитского толка и бацбийцы. Да-а... кстати проводник, Ибрагим... чеченец-сунит по отцу, а по матери – бацбиец. Обо всём этом знает больше меня вот майор, но он помалкивает, – сказал полковник и бросил взгляд на майора.

– А чего здесь дискутировать. Всё это и другое будет использовано в нашей работе на месте, – ответил тот. – Я могу уйти? Время поджимает, а мне надо ещё переодеться.

– Идите, майор... идите.

Полковник и командир отряда продолжили начатую тему, считая, что в дискуссии рождаются детали истины, часть которых может быть упущена в работе разведывательной оперативно-боевой группы. Хотя полковник и другие разработчики этой крайне важной операции не то что обдумывали, а, грубо говоря, обсасывали каждую частицу детали в присутствии майора «Хана», но полковник специально затеял разговор на эту тему, чтобы услышать что-то новое со свежей головы командира отряда.

Глянув на часы, полковник, как ошпаренный, схватил фуражку, небрежно бросил её на голову и на ходу к выходу произнёс всего лишь одно слово:

– Пора!

Выйдя на улицу, он и командир отряда увидели бойцов, стоявших в одну шеренгу, а посередине перед ними прохаживающегося майора, инструктирующего их.

Увидев приближающееся начальство, майор скомандовал: «Смирно», – и доложил полковнику о готов-

ности группы к вылету. Тот провозгласил короткое напутствие, а после него повторился командир отряда, и после этого группа убыла к месту стоявшего в ожидании самолёта.

Во время полёта Вадима опять захватили воспоминания про Валью, как им было хорошо, тепло вдвоём, нежность, трепетность, любовные эмоции лились через край, наполняя жизнь счастьем. А сейчас щемящая боль в груди и мысли: «Неужели это конец так ярко начавшихся отношений? Конец разгоревшегося пламени любви?» При последнем посещении квартиры Вали он видел, что София Захаровна целиком и полностью была на его стороне. До его ушей донеслись её тревожные слова: «Валя! Верни его!» Но та промолчала. Не звонила она и все эти прошедшие дни.

Заметив грустное настроение друга, Коля, наклонившись к нему, постарался успокоить:

– Вадим, не грусти, друг. Если Бог послал её тебе в жены, то она никуда не денется, всё образуется, а если же нет... значит, это ещё не твоя судьба, не твоя половинка совместной жизни, не мать твоих детей... и нечего мучить себя. Когда же вернёмся, то ты будешь знать, что дальше делать и как поступить, а сейчас успокойся, друг. Грусть – плохая примета перед столь сложной и опасной работой.

«А ведь он прав, – согласился Вадим и стал мысленно себе внушать: – Я спокоен. Я спокоен. Я о Вале не думаю. Что будет, то будет. Всё во власти Божией». Спустя минуту почувствовал облегчение и, бросив взгляд на Колю, расцвёл в улыбке.

– Ты прав, «Зима». Спасибо тебе.

– Кушай на здоровье, – ответил тот шутя. – А знаешь, «Сова», я много думал о тебе и о Вале и пришёл к выводу, что телеграмму мог состряпать её бывший ухажёр.

– Олег? Я думал о нём, но адрес-то...

– Вадим! – перебил его «Зима». – Что ему стоило за деньги раздобыть все сведения о тебе в учебной части академии! Раз плюнуть. Хочешь... по приезду я расколю этого Олега в два счёта... Не официально?! А если хочешь, официально... у меня есть хороший друг... Борис Каневский... полковник, но у них как-то по-другому звучит это звание... В прокуратуре важняком работает. Он мёртвого заставит говорить.

– Коль, давай об этом поговорим после возвращения. В спокойной обстановке взвесим все «за» и «против». Конечно же, я уверен, что все ответы на интересные вопросы кроются в этой злополучной телеграмме и её авторе.

– Хорошо. Здесь ты прав.

Самолёт пошёл на снижение, а когда приземлился, то к трапу подкатил миниавтобус с зетемнёнными окнами, из салона которого вышел чеченец, мужчина крепкого телосложения с чёрной короткой бородой, представился Ибрагимом.

Уединившись с майором, они обменялись короткими словами, и после этого группа заняла места в автобусе. Всех увезли в отдельный, охраняемый военными, домик, а майор с Ибрагимом уехали к зданию администрации главы Республики.

Вечерело. Майор и Ибрагим, в правдоподобности имени которого бойцы оперативно-разведывательной группы «Вымпел» сомневались, возвратились в при-

поднятом настроении. Ибрагим оказался болтливым и, изопрямаясь в остроумии, а также в знании географической расположенности населённых пунктов не только Чечни, но и Панкисского ущелья Грузии, в том числе горных и лесных массивов, удивлял этим всех. Однако бойцы, которые ранее своими ногами исходили всю территорию Чечни, кроме упомянутого ущелья, терпеливо и внимательно слушали.

Майор, уединившись в дальний угол, тщательно изучал карту приграничной территории Грузии, а когда закончил, глянул на свои наручные часы, и доселе ни единого раза не перебивший осведомительный рассказ Ибрагима, объявил:

– Всем отдыхать. В четыре утра подъём.

Спать пришлось одетыми. Тишина овладела всем окружающим бойцов, от которых изредка слышались лёгкие посапывания.

Время пролетело незаметно. Казалось, они только что закрыли глаза, как вдруг послышалась команда:

– Подъём! Пять минут на приведение себя в порядок, и всем сидеть в салоне автобуса! – оповестил голос майора.

Группа уложилась в это время, и водитель автобуса взял курс на аэродром. Спустя полчаса вертолёт МИ-8 взял её на борт и, поднявшись в небо, направился к границе сопредельного государства.

Место высадки было определено заранее, и вскоре началось приземление на плоскую лысую вершину возвышенности, покрытой кругом густым еловым лесом. Эвакуация группы была согласована и должна осуществиться после поступившего сообщения майора о необходимости.

Оказавшись на земле, уже после того, как вертушка, взяв обратный курс, улетела, Ибрагим сказал:

– Идём цепочкой. Не разговаривать, не шуметь, осторожно передвигать ноги... Сейчас войдём на спуск, старайтесь, чтобы из-под ваших ног не летели камни вниз, а выйдем на дно ущелья... километров пять пройдем как бы по равнине, а после вновь придётся подняться в гору и так несколько раз. Привалы будут объявлены. До границы недалеко, а там будем решать, что делать.

После сказанного он пошёл первым, за ним майор и все остальные бойцы группы. Вадим шёл за майором. Тропа серпантином уходила вниз. Если бы только она могла рассказать о том, сколько по ней туда и обратно прошло боевиков и сколько их не возвратилось, а ведь были тысячи, все вооружённые до зубов, и даже сейчас группа могла встретиться с ними. Поэтому проводник старался продвигаться, соблюдая исключительную осторожность и бдительность.

Прошло два часа... Проводник, продвигаясь, уже выбирал место для привала.

Небо начало сереть, оповещая приближение утра, что оживит всё на земле.

Выбрав место в узкой расщелине в метрах тридцати от тропы, Ибрагим доложил майору, и тот объявил привал на десять минут.

– «Крот», в караул. Зорко глядеть на тропу, – приказал тот. – Остальным отдыхать.

– Товарищ майор, – обратился к нему Ибрагим. – «Крот» пусть отдохнёт, а я, привыкший по горам бегать, покараулю.

– Ну, хорошо, – ответил тот, а у самого закралось подозрение: «А не хочет ли драпануть?» – но сразу

успокоился, вспомнив, как Рамзан Кадыров усердно и строго наказывал Ибрагиму беречь как зеницу ока разведгруппу бойцов.

«Сова» и «Зима» навзничь легли на землю и, подняв ноги на высоту в полметра, упёршись каблуками в ствол толстой сосны, дали, таким образом, возможность успокоить кровообращение в ногах. Рядом с «Совой» росла маленькая сосенка, и он сорвал одну хвоинку и сунул себе в рот.

– Вот кому дел ни до чего нет, – сказал шёпотом «Сова». – Растёт себе в совершенном спокойствии.

– А ты философ, Вадим, – ответил в том же тоне «Зима».

– Нет, Коля... Я просто люблю всё, что меня окружает, что я вижу своими глазами...

– И чеченского боевика тоже? – перебил его «Зима».

– Нет, конечно. Хотя... есть боевики, которые уже родились с ненавистью, а есть заблудившиеся... не сознавая, что делают... Вот в отношении таких возникает чувство жалости и надежды, в том числе на скорейшее возвращение их к нормальной жизни.

В это мгновение совсем рядом послышался треск сухой ветки под чьей-то ногой. Все вскочили. И тут показался Ибрагим с тремя автоматами на плече, свободной рукой удерживал бородатого мужчину, одетого в старую, местами порванную камуфляжную одежду.

– Представитель из ущелья, товарищ майор, – доложил он и сразу добавил: – Его дружка я успокоил навсегда. Там, – он кивнул головой в ту сторону, откуда пришёл, – два вещмешка ваххабитской литературы. С ним стоит поговорить по интересующему нас вопросу.

– Хорошо, Ибрагим. Спасибо. Ты тоже поприсутствуй. Может, потребуется переводчик... А ты, – и он обратился к «Кроту», – быстро к тропе.

Глянув на задержанного, руки которого были связаны за спиной, майор, показав ему на старый трухлявый пенёк, предложил:

– Присаживайся.

Тот покорно сел. Маленькие чёрные глазки боевика бегали, как у вора, попавшегося с поличным. Было видно, что возникшее волнение зашкаливало, и он не мог с ним справиться.

Майор присел напротив на облезлый ствол валежника и приступил к допросу:

– Кто ты? Фамилия, имя и место жительства?

– А можно без этого? – вместо ответа спросил Бородатый. – Спрашивай то, что тебя интересует. Что знаю, то и скажу, а что мне не ведомо, то пробач.

– О-о! Так ты украинец! Ну и ну! И откуда же?

– Из Самбера... Львовской области... Степан я.

– И что ты потерял здесь... в лесистых горах Кавказа? Или пожить решил в шкуре своего отца... бендеровца?

– Отец мой не был бендерцем. Он офицер Красной Армии и погиб под Красныставом в Польше в срок четвёртом году.

– А ты-то как здесь оказался?

– Сашко Белый уговорил, и я поехал с хлопцами. Нас было тридцать человек.

– Белый – это его фамилия?

– Кличка, а фамилии не знаю.

– И давно ты здесь?

– С мая 2005 года.

– Кроме тебя и твоих земляков ещё какие народности находились и находятся здесь, чтобы воевать с федеральными войсками России?

– Поляки, эстонцы, литовцы, крымские татары, арабы... их больше всех, – ответил Степан и сразу же спросил: – Вы меня убьёте?

Майор посмотрел в его бледное лицо и ответил:

– Посмотрим на твоё поведение.

Задержанный задал этот волнующий его вопрос, чтобы как можно быстрее узнать истинные намерения федералов, как он привык называть бойцов Российской армии. Отвечая на вопросы майора, он незаметно делал попытки ослабить путы и развязать руки, чтобы либо убежать, либо оказать сопротивление.

– После твоих ответов, – продолжил майор, – можно будет рассмотреть твой вопрос и решить его по принципу... не как правило, а как исключение... и оставить тебя в живых... А кто такой Абдель?

– О таком не слышал, – ответил Степан, покручивая руки в местах, где они были связаны.

– Ну как же? Он среди вас... в Панкисском ущелье... Лаборант. Креатура Америки или одной из арабских стран... или Бен-Ладена, – включился в разговор Ибрагим.

– Странно. Другие слышали, а ты нет. Уверен, что ты солгал, – строго произнёс майор, глядя в лицо Степана и видя, как тот опустил глаза, продолжил: – И о лаборатории не слышал?

– Ей, Богу, не слышал! – выкрикнул тот, стараясь чтобы ему поверили.

Майор оценивающе посмотрел на него, а потом поднялся и, обращаясь к Ибрагиму, ставившему один

из трёх автоматов под сосну, прислонив к дереву, сказал:

– Ибрагим... Напрасно мы теряем время, забирай его... и отведи вон за кусты...

– Не надо! – закричал Степан. – Я всё скажу. Я знаю... я много знаю, но боялся говорить. Не убивайте меня. Отпустите... и я прямо отсюда уйду домой. Клянусь вам.

– Говори, – Ибрагим подошёл к нему.

– Есть... есть лаборатория. И Абдель там работает. Он самый главный. Его зовут профессором. Она располагается в глубине... в километре... может, чуть больше от первого блокпоста в правую сторону, если смотреть отсюда. К ней идёт узкая просёлочная дорога, которая, как и сама лаборатория, тщательно охраняется.

– Ты там был? – спросил майор...

– Нет. Туда никого не пускают. Мы сначала думали, что там изготавливают взрывчатку, но потом стали думать по-другому из-за доносившегося приторного запаха, не похожего на запах тола.

– От блок-поста до дороги, ведущей к лаборатории, какое примерно расстояние? – спросил Ибрагим.

– Не более полутора километров. Сама лаборатория замаскирована в скале, но входить надо сначала в домик лесника, который прижался к самой скале.

– А ты откуда знаешь? Если там не был. Сам же заявил об этом, – наседал майор.

– В лаборатории, а точнее, когда это помещение стало лабораторией, то я, конечно, там не был, но, когда долбили камень за стеной домика, целую неделю я с другими работал там, а потом нас заменили арабами.

Если хотите, нарисую схему, по которой можно будет легко добраться до неё?

Майор достал из планшета лист бумаги и авторучку, положил перед ним и произнёс:

– Рисуй, – и глянув на Ибрагима, промолвил: – Развяжи его.

Тот исполнил.

Степан, освободившись от пут, потёр запястья и стал рисовать. Он указал тропу, подходившую к первому блок-посту, далее просёлочную дорогу к лаборатории и её саму, а также всё, что находилось вдоль пути по сторонам, начиная от блок-поста. Рисуя, он всё бросал косые взгляды на автомат, прислонённый Ибрагимом к сосне.

– А дальше за поворотом дороги к лаборатории что? – спросил майор, глядя в чертёж.

– В полукилометре наше жильё... а потом ещё один блок-пост. Его грузинская полиция требует убрать... или перенести к первому.

Нарисовав, Степан протянул майору чертёж и сидел в ожидании своей участи.

Майор и Ибрагим склонились над чертежом, тихо между собой размышляя. Степан, обнаружив, что за ним никто не наблюдает, проявил изворотливость, глядя на стоявший под сосной автомат, поддался искушению и пулей бросился к нему. Схватив его, он передрнул затвор и закричал:

– Всем лечь на землю! На землю, я сказал!

Майор опешил, переглянулся с Ибрагимом, продолжавшим рассматривать рисунок, как будто ничего не произошло, а потом глянул на Степана и потребовал:

– Не дури. Брось оружие!

– Я сказал – на землю! – закричал тот и несколько раз нажал на спусковой крючок, направляя автомат на бойцов группы и их командира.

Ибрагим вручил майору рисунок и медленно подошёл к Степану. На его лице появилась саркастическая насмешка, а тот всё бестолку нажимал на спусковой крючок.

– Никак? Тебе, сукин сын, подобало бы знать, что оружие без патронов не стреляет. Ну что... вот ты и вынес сам себе приговор. Раздевайся... догола.

Степан бросил на землю автомат и попятился, что-то шевеля губами. Ибрагим ударил его кулаком в живот и строго потребовал:

– Раздевайся.

Тот стал расстёгивать пуговицы и затараторил:

– Пощадите... Простите... Не знаю, как это получилось. Пощадите... Не убивайте... Что скажете, я всё сделаю.

– Схему начертил... она соответствует действительности? Только не вздумай врать. Вернёмся... на куски разрежу, – заявил твёрдым голосом Ибрагим.

– Да, да... соответствует. Не сомневайтесь.

– Все снимай... и труссы тоже.

Степан продолжал раздеваться, настойчиво умоляя о пощаде. Майор не препятствовал и, вместе с бойцами наблюдая, ожидал окончания экзекуции. Когда он остался в одних носках, Ибрагим сбил его с ног, скрутил руки за спиной и ноги возле ступней, а потом поднял и поставил к сосне. Используя крепкую верёвку, привязал Степана к сосне, да так, что тот не смог пошевелиться.

– Живи... пока мы не окажемся снова здесь. Если не соврал, отпущу, а соврал, – приколю к сосне... как кашку.

– Не, не...не соврал. Я правду ска...

Степан не договорил. Ибрагим поднял его трусы, от которых несло неприятным запахом, и затолкал ему в рот.

– Вот так... Господин бендеровец. Моли Бога, чтобы мы с удачей возвратились.

– Может...

– Не может «Ольха», – перебил того Ибрагим. – Разве ты не видел сколько раз, да ещё с каким желанием он нажимал на спусковой крючок? Были бы в рожке патроны... он бы нас перестрелял. Бешеную собаку надо утихомирить своевременно, пока она не покусала кого-либо, – и, собрав всю одежду Степана, он смотал её в рулон, перевязал его же ремнём и держал в руке.

– Всё! Подъём! Пошли. А то мы и так слишком долго задержались, – приказал майор, и все двинулись в путь.

Степан смотрел на них, уходящих, слова сквозь кляп превращались в мычание.

Майор, идя следом за Ибрагимом, увидел в его руке одежду Степана и тихо спросил:

– Это что... на память взял?

Тот ухмыльнулся, отошёл в сторону и засунул в глубокую каменную щель утёса, а потом, возвратившись, пояснил:

– Если удастся развязаться, хотя сомневаюсь, что это ему удастся, то без одежды куда пойдёт?! А когда вернёмся, да ещё с удачей... верну одежду и отпущу... пусть уходит в свою бендеровщину и другим скажет,

что здесь без них всё разрешится. Теперь так, «Хан»... отныне строго по позывным все обращаются... Я метров на двадцать пойду вперёд, а вы за мной. Так будет безопаснее. Вдруг кого встречу, то мне легче будет объясниться, чем группой.

– Хорошо. А насчёт позывных, Ибрагим, мы ещё в Москве перешли на эту форму общения.

Ибрагим с одобрением кивнул и пошёл вперёд, а через минуту и вся группа. «Хан» видел мелькающую среди листьев деревьев и кустов его спину, видел, как он пристально вглядывался вперёд и по сторонам, как иногда садился на корточки, изучая следы человека, оставленные на тропе, замечал каждую мелочь, на которую другой бы не обратил внимание и с благодарностью вспоминал слова Кадырова, характеризующие Ибрагима как маститого не только проводника, но и следопыта. Хотя бойцы оперативно-розыскной группы, набравшись опыта, не отставали от него, но всё же неведомые тропы и места становились для них временной загадкой.

Часа два группа продвигалась всё ближе к цели, то спускаясь вниз, то поднимаясь по серпантину в гору. Выбрав место для привала, Ибрагим остановился, и все бойцы сели на игольник. Густой ельник, кустарник и другая поросль зеленили горы и в то же время скрывали всё и всех, кто находился во власти этой зелени.

«Сова» лёг навзничь на пожухлый игольник и листья деревьев, посмотрел в еле просвечивающееся сквозь листву и хвоинки серое небо. «Там живёт Бог. Как донести до его ушей мою мольбу о Вале? Упал бы я на колени и просил вернуть мне её. Боже! Я сейчас в горах и ближе к тебе. Помогите мне», – подумал он. Его

глаза скользнули по дуплам и веткам деревьев, где гнезятся лесные птицы. Внимание привлекли и замшелые стволы деревьев, заросли кустарников, затхлый запах, исходивший от небольшого поросшего камышом и густыми водорослями эллипсообразного водоёма. Истома овладела всем его телом, но расслабляться не позволяла обстановка, на контроле которую держали «Хан» и Ибрагим. Они зашевелились и встали. Бойцы как по команде в один миг были на ногах.

– Ещё один переход, и надо будет дальше по-пластунски, – сказал Ибрагим и пошёл впереди всех.

В небе сверкнула молния и прогремел раскатистый гром. Листва зашевелилась, ветки зашатались... запахло дождём.

«Хан» настиг Ибрагима и распорядился подыскать укромное место для укрытия от дождя. Тот пошёл, присматриваясь, и через метров сорок сошёл с тропы, направившись в узкую расщелину. Там быстро из плащпалаток успели соорудить крышу над головой, как тут же ливнем хлынул дождь. Сразу запахло сыростью и грибами. Спустя непродолжительное время дождь постепенно стал затихать, так же, как и начался, прекратился, а отблески молнии и слабеющий звук грома отмечались где-то в стороне Чечни. «Хан» приказал разобрать крышу, сложить плащпалатки и приготовиться к выступлению.

– Прошу внимание! – обратился ко всем Ибрагим. – Примерно через пару километров нам придётся преодолеть опасный участок. Тропа... при том узкая... проходит по краю отвесной скалы. Слева – пропасть, справа – каменная стена. Будьте предельно внима-

тельны и осторожны. Смотреть под ноги... Вниз не смотреть. Примерно через сто метров пойдём нормальной тропой.

Весь пройденный путь бойцы на себе поочередно несли два вещмешка со взрывчаткой и рацию. После этого вынужденного привала произошла смена, и «Сова» устроил рацию за своей спиной, а «Крот» и «Ольха» вещмешки с динамитом. Они, конечно, на порядок были тяжелее, чем ноша «Совы».

Группа друг за другом двинулась дальше, и каждый с нетерпением ожидал приближения конечной цели. Нет, не от того, что им опостылел переход. Они горели желанием как можно скорее выполнить задание и как можно качественней, а не как получится.

Вскоре Ибрагим остановился и, повернувшись к бойцам, тихо сказал:

– Сейчас начинается та узкая тропа над пропастью. Идите медленно за мной. Ещё раз повторяю, – смотреть не вниз, а себе под ноги... на тропу.

После произнесённого предупреждения об опасности он двинулся вперёд, а за ним группа.

Опасная тропа оказалась под ногами быстро и незаметно, не дав опомниться путникам. «Сова» бросил беглый взгляд в глубину пропасти и увидел там деревья размером в спичку. Неприятная дрожь пробежала по спине, и он больше не смотрел, сосредоточившись на поверхности тропы.

Всё проходило благополучно. Группа уже преодолела вторую половину опасной тропы, и уже все видели её конец, как вдруг произошло то, чего никто не ожидал. Не заметив небольшой выступ на каменной стене, «Сова» задел его краем рации, потерял равновесие и

полетел, вскрикнув, в пропасть. Все замерли, затаив дыхание. Услышав крик, Ибрагим остановился и оглянулся. Поняв, что случилось чрезвычайное, он оповестил:

– Всем стоять на месте, прижавшись к стенке.

«Хан» глянул в пропасть и увидел «Сову», сидевшего на ветке небольшой сосны, чудом растущей, закрепившись корнями в скале. Сердце радостно забило, и он произнёс:

– Ибрагим, «Сова» жив.

– Я уже увидел, – ответил тот, разматывая верёвку.

– Станем втроём и как можно ближе друг к другу... Тянуть будет не легко.

Ибрагим стал посередине, а по бокам «Хан» и «Зима». Упершись в выступающие на тропе камни ногами, они как можно ближе прижались к каменной стене, Ибрагим стал опускать верёвку к «Сове». Она продвигалась медленно, и вдруг послышалось подёргивание.

– Привязывается, – промолвил «Хан».

«Сова» в это время посмотрел вверх, где в десяти метрах на тропе стояли его сослуживцы, а потом вниз, где в метрах семидесяти шевелились верхушки деревьев: «Наверное, сам Бог вырастил это дерево-спасителя. Спасибо ему», – мысленно поблагодарил он и, глядя на толстую ветку, на которой завис, медленно и осторожно снял с плеч рацию, с шеи автомат, привязал к верёвке и подёргал. Они медленно поплыли вверх.

– Что-то лёгкое? – промолвил «Зима».

– Рацию отправил... чужак, – сказал Ибрагим.

Отвязав торопливо рацию и автомат, он снова спустил верёвку.

«Сова» поймал её, крепко привязавшись за бедра и поясничную область, после чего подёргал. Верёвка натянулась, и его медленно стали поднимать, а он, руками хватаясь за острые камни, обдирая их до крови, помогал. Где было возможно, старался это делать и ногами. И вот он уже руками схватился за выступающий край тропы. Поднатужившись, «Хан», Ибрагим и «Зима» вытащили его из зева пропасти, а он, пытаясь глубоко вздохнуть, сморщился от боли. «Зима» тут же заботливо и с тревогой в голосе спросил:

– Ты чего, Вадим? Не сломал ли чего?

– С правой стороны ребро сильно болит и дышать тяжело, – ответил тот, а потом виновато посмотрел на командира, бойцов и Ибрагима, промолвил: – Простите меня... Голову, избегая выступа, нагнул, а не учёл, что за плечами рация.

– Ты чего, «Сова», да мы рады, что ты жив, и с нами, – загудели те.

– Так, ребята... время не ждёт. Осторожно потихоньку за мной, – произнёс Ибрагим, и все пошли.

Рацию и автомат «Совы» нёс «Зима», а спасённый чувствовал боль почти во всём теле, ощущал, как пропитывается кровью его одежда, но, стиснув зубы, продвигался всё ближе к концу тропы над пропастью. И вот он наступил.

«Хан» несколько раз оглядывался и видел страдания бойца, а как только вышли из опасной зоны, он объявил привал и сразу же приказал «Сове» раздеться. Осматривая его тело, он ужаснулся. В местах разрыва одежды кожа была содрана, и обильно сочилась кровь, ссадины были на руках, щеке, правом боку, на коленях, голенях и других участках тела. Осмотрев область рё-

бер, «Хан» и Ибрагим тоже пришли к выводу, что сломаны два ребра. Оказав «Сове» медицинскую помощь, используя препараты и средства в наличии, «Хан» спросил:

– Идти можешь?

«Сова» встрепенулся, напугавшись этого вопроса, стать обузой для группы в этот момент, когда она уже подходила к цели и готова была приступить к выполнению задания, он даже не помышлял. А прозвучавший вопрос заставил собраться, – он выпрямился, уверенно и без малейшего чувства страдания от боли, которое могли заметить окружившие его бойцы, заявил:

– Без проблем, командир, – и взяв из рук «Зимы» свой автомат, потянулся за рацией, но тот ему её не дал. Встав перед «Ханом» по команде «Смирно», ещё раз подтвердил: – Я могу идти и как все выполнять боевое задание, товарищ командир.

Тот пристально глядя на него, понимал, что он терпеливо переносит нестерпимую боль, и согласился:

– Ну, хорошо. Если, что... не терпи, скажешь... будем думать, что делать.

– Товарищ командир, я не пацан сопливый и не хочу, чтобы в этот кульминационный момент выполнения задания вы и мои товарищи, отвлекали своё внимание на меня, – выпалил «Сова».

– Тогда по коням.

Группа двинулась дальше.

На каждом шагу «Сова» ощущал боль, но внушал себе: «Не болит. Не болит. Я этого не чувствую. Я спокоен». Передвигаясь, он заметил, что одежда на нём

становится всё теснее. «Наверное, опухают ушибы и вокруг ран», – подумал он, но не сдавался. Шёл тем же уверенным шагом, как и все, и даже несколько раз пытался забрать у «Зимы» рацию, но его попытки не увенчались успехом. Вдруг шедший впереди Ибрагим поднял руку, и все, присев, остановились. Он показал жестом, чтобы все приблизились к нему, и когда это произошло, тихо оповестил:

– Впереди блок-пост. До него рукой подать, а там через километр с хвостиком и поворот к лаборатории. Одним словом, мы почти на месте... Если правду сказал Степан.

– Местность лесистая вокруг блок-поста? Обойти его можно? – поинтересовался «Хан».

– Разве что ночью и то ползком... Редкий смешанный лес, просёлочная дорога... В нескольких сёлах живут мои приятели с семьями. Если лаборатория, о которой говорил Степан, не та, то надо будет обратиться к ним, но это уже мне одному придётся нанести визит. Я ведь здесь смогу сойти за своего. А сейчас уходим с тропы и до трёх ночи можем вздремнуть, – и сказав это, Ибрагим поднялся.

– Разрешите? – вдруг выступив вперёд, обратился «Сова». – Я помню, Степан говорил, что лаборатория в скале, а домик, из которого вход в неё, под самой скалой... Что если нам здесь не задерживаться, а пойти вверх... обойдём, таким образом, блок-пост и окажемся на вершине скалы... По верёвке можно спуститься прямо рядом и таким же путём обратно.

Ибрагим и «Хан» переглянулись, удивлённо посмотрели на «Сову», а после этого Ибрагим с улыбкой на лице произнёс:

– Что значит опыт... А идея-то стоящая! Молодец «Сова»... не зря ты совершал полёт в пропасть, а потом взбирался обратно. Всё! Идём на скалу!

«Хан» тепло посмотрел на «Сову», похлопал по плечу и скомандовал:

– Тогда в путь, ребята, пока не стемнело.

Ускоренным маршем они стали медленно подниматься в гору. Благо подъём был не резкий и не скалистый. Через час ходу они приблизились к краю обрыва. Все остановились. Ибрагим, привязавшись верёвкой к сосне, выполз на самый край и посмотрел вниз, а потом, возвратившись, сказал:

– Метров сто вперёд. Я видел это здание. Отсюда и блок-пост виден... дорога тоже видна, но слабо... темнеет.

– Пойдём вперёд. Сто метров не расстояние. Там и отдохнём, – сказал «Хан», и группа двинулась вперёд.

«Сова» почувствовал небольшое облегчение и был рад этому, потому как знал, что то расстояние, что они прошли, надо будет преодолеть ещё раз, а для этого потребуются силы и терпение. Он не сетовал на судьбу, а молча переносил всё случившееся. Ещё там, находясь на спасительнице-сосне, дал зарок: «Если удастся выбраться из этого плена, буду стойко переносить все болевые ощущения и даже виду не подам о своих страданиях, не то окажусь в обозе непригодных». Свою клятву он выполнял. Лишь «Зима» знал и чувствовал, что «Сова» передвигается, преодолевая боль, и как ему тяжело приходится, но молчал, а где было возможно, незаметно для других поддерживал его и старался помочь, за что тот был ему весьма благодарен.

Прибыв на место, «Хан» распорядился разведать местность, с которой начнётся основной этап выпол-

нения задания, готовить верёвки, осмотреть оружие, после чего отдыхать до особой команды.

Спустя полчаса наступил кромешный мрак. Безмолвная тишь господствовала над всем окружающим разведывательную группу. «Сова» смотрел на обступающий тёмный безмолвный лес и думал о настоящем статусе всех своих товарищей, нагло и бесцеремонно вторгшихся в землю сопредельного государства: «А что? Мы здесь без всяких прав на это. Однако наши действия сейчас и намерения взорвать лабораторию основываются на интересах России и Грузии... и не только их, но и многих других государств, куда может быть переправлено изобретение Абделя для террористических атак. Терроризм ведь границ не знает, поэтому его исполнителей надо уничтожить как бешеных собак. Ведь может же такое быть, что власти Грузии не знают, что происходит у них в этом ущелье, а если знают, то они заодно с террористами. В таких случаях официально обращаться к ним не имеет смысла. Мы сделаем своё дело и уйдём. Возможно после... если не грузинская власть, то народ будут благодарны нам, узнав об этом», – но его размышления прервал тихий голос командира:

– Все ко мне.

Бойцы в один миг присели вокруг него. В это время где-то там внизу захлёбывалась лаем злая собака. По поведению «Хана» было видно, что он чем-то озабочен.

– Ребята, – тихо начал он, – наступил момент, когда каждый из вас должен проникнуться исключительным чувством ответственности, за спокойное, хорошо продуманное личное поведение при исполнении задания.

Качество и безопасность нашей работы зависит от каждого из вас. Наши действия должны быть единым механизмом. Здесь на скале остаются для чёткого обеспечения поднятия живого... и прочего груза... Ибрагим... он старший, а с ним «Ольха», «Клён», «Студент». Спускаются вместе со мной «Крот» и «Зима». Первым идёт «Зима». Его задача – снять часовых и дожидаться меня и «Крота». Три верёвки спущены, а здесь зафиксированы за стволы сосен. Теперь «Сова»... выдвинуться метров на сто в ту сторону, откуда мы пришли, и зорко оберегать подступы к вершине. Вопросы есть?

Все молча смотрели на командира. «Сова» с досадой отнёсся к его распределению. Он понял, что ему досталась самая снисходительная роль в этой операции и всё из-за того злополучного падения.

– Есть, – прозвучал голос Ибрагима, и «Хан» повернул к нему голову, – Вы, майор, должны остаться здесь, а я пойду вместо вас... Поясню причину... Вдруг возникнет необходимость пообщаться с каким-либо чеченцем, а из вас четверых никто языка не знает, а то, что придётся... девяносто процентов из ста возможных.

– Ладно, – согласился тот. – Уговорил. Если других вопросов нет... всем готовиться. Через десять минут начинаем, – сказал «Хан» и, посмотрев на «Студента», выполнявшего в разведгруппе, кроме основных, обязанность радиста, добавил: – Передай на базу, что мы на месте и приступаем к последней фазе выполнения задания.

Тот развернул рацию и стал работать с нею. «Сова» хотел было отправиться туда, куда его послали, но заметив на лице стоявшего рядом «Крота» что-то не то, тихо спросил:

– Дима, ты чего? Нездоровится?

– Меня убьют... Я знаю... Уверен, – с дрожью в голосе произнёс тот и пальцами стал тереть виски.

– Откуда тебе известно? Ерунда какая-то. Успокойся...

– Нет, нет. Убьют, – перебил его «Крот» – Мне на прошлом привале приснилось... Я спускаюсь по веревке... и в меня стреляет чеченец. Это знак... Я ведь тогда не знал, что придётся с вершины скалы спускаться... Убьют, Вадим. Если что... дома скажи...

– Дим?! Не надо об этом говорить, – перебил его «Сова». – Сам скажешь. А сейчас сделаем так, – сняв с его головы вязанную серого цвета спортивную шапочку и надел ему свою тёмного цвета, забрав себе вещмешок со взрывчаткой, почти шёпотом продолжил: – Ты иди и выполняй то, что мне приказано, а я пойду вместо тебя.

– Как? А ты разве сможешь спуститься, а потом подняться?.. С такими ушибами и ранениями?

– Не волнуйся. Верёвка зафиксированная... намотав на руку, отталкивайся ступнями о скалу и спускайся. Это не трудно. Ибрагим позывных всех, думаю, не знает, а там некогда будет разглядывать... и поднимемся таким же образом. А потом надо будет поскорее ноги уносить. Всё. Дима, уходи... и я пошёл, – сказал «Сова» и, не ожидая ответа, исчез в темноте.

Найдя конец верёвки, закреплённый за ствол сосны, он медленно и осторожно подошёл к краю обрыва и там присел, после чего закинул автомат за спину, штык-нож в чехол передвинул на ремне на бок и стал ожидать. В трёх метрах он видел силуэт Ибрагима. За ним должен был быть «Зима».

– Готовы? – чуть слышно спросил «Хан».

– Так точно, – ответил Ибрагим, посмотрев влево и вправо на силуэты бойцов своей команды.

– Тогда с Богом.

Первым начал спуск Ибрагим, а потом остальные. «Сова», как только повис на верёвке, сразу же ощутил острую боль в области рёбер справа, но стиснув зубы до скрипа, начал спуск. Ему казалось, что тело разрывается пополам, поэтому начал спускаться медленнее, применяя для торможения и облегчения правую ногу, закрутив вокруг неё верёвку. Так оказалось намного легче. Отталкиваясь от скалы и отпуская по несколько метров верёвку, он становился всё ближе к земле. И вот кто-то схватил его за ноги и опустил на землю. Это был Ибрагим. Он подёргал за верёвку, давая понять наверху, что спуск закончен, и тихо прошептал:

– За мной.

«Сова», осторожно ступая, пошёл за ним. Во тьме он мог разглядеть лишь его силуэт. Через несколько метров к ним присоединился «Зима». До домика оставалось метров пятьдесят, и уже он был виден, возле входа на столбе горела тусклая лампочка, слабо освещающая парадную сторону, прилегающую к ней площадку и сидевшего на скамейке часового с автоматом, лежавшим на его коленях. Прячась в листьях, недостижимых лучами освещения, группа Ибрагима подошла к самому строению. Ибрагим осторожно выглянул из-за угла. Часовой продолжал сидеть на том же месте. Чуть разбавленная освещением темнота в листьях, где находилась группа, позволила «Зиме» разглядеть, что впереди его стоит не «Крот», а «Сова». Он внутренне возмутился от негодования и засопел так, что его ноздри

раздувались. Тронул «Сову» за плечо, и когда тот повернул голову к нему, поднёс к его носу кулак.

«Сова» резко схватил его руку и поцеловал кулак. Ибрагим в это время стал издавать звуки словно присутствующего котёнка: «Мяу, мяу, мяу».

Часовой зашевелился, привстал, взяв в правую руку автомат, стал смотреть туда, откуда доносились звуки. Ибрагим продолжил, но уже реже, мяукать. Часовой пошёл на звук и как только достиг угла, Ибрагим вырос перед ним и ударом приклада свалил его на землю, а затем прикончил.

– Метров пять по пройденному пути... положи его автомат. Заберём на обратном пути, – сказал он прямо в ухо «Совы».

Тот всё быстро исполнил и, возвратившись, встал не за «Зимой», а между ним и Ибрагимом, за что сразу же от друга получил подзатыльник.

Ибрагим, махнув рукой, пошёл к входной двери, следом за ним – «Сова» и «Зима». Тихо приоткрыв дверь и видя длинный коридор внутри, они вошли в него. В двух метрах слева и справа находились две двери. «Сова» остановился возле той, что справа, а Ибрагим возле второй и жестом руки показал, что надо открыть одновременно. Как только они успели поразительно быстро открыть двери, то за той, которую открыл Ибрагим, не оказалось никого, а «Сова» встретился взглядом с испуганными глазами двух мужчин в белых халатах, сидевших за игрой в шашки. Он приложил указательный палец к своим губам и прошипел. Те, увидев вооружённого незнакомца с автоматом, а за ним и второго вошедшего, молча испуганно смотрели на них. «Сова», сдвинув брови, сурово кинул взор на них,

чем полностью обезоружил сидевших, потом тихо спросил:

– Кто из вас Абдель?

В это время справа за открытой дверью послышался скрип. «Сова заглянул туда и увидел бородатого мужчину, одетого в камуфляж и тянувшего рукой к автомату. Резкий выпад в его сторону, и нож «Совы» впился в его грудь. Тот глубоко вздохнул, голова упала на грудь. «Зима» тем временем забрал его оружие, а «Сова» повернулся к тем двоим и требовательно произнёс:

– Так, я слушаю!

Один из них стал как-то странно изъясняться, при этом заикаясь, а второй, видя, что тот со страху сказать ничего не может, толкнул его в плечо, махнул на него рукой и промолвил:

– Он в лаборатории. Там у него есть отдельная комната. Только его зовут Мухамед, а Абдель – это кличка.

– А вы оба кто? – спросил «Сова».

– Мы его помощники... Отнести чего, принести или подать, а этот, – и он кивнул на убитого бородатого, – нас охранял, чтобы не сбежали. Нас было трое, так этот гад убил одного... тот попытался бежать.

– Как пройти в лабораторию?

– Абдель изнутри закрывается, но я могу позвонить ему... по селектору, и он откроет.

– Кроме него внутри есть охрана?

– Есть. Один с автоматом. Как правило, дрыхнет справа в маленькой комнатке прямо у самой двери.

– Что это за лаборатория?

– Мы не знаем, но догадываемся, что он работает над каким-то оружием. Привозили арабы двух плен-

ных, и на них проводили испытания. Абдель, конечно, был недоволен, хотя пленные сразу же погибли. Мы не присутствовали... не пустили нас... а трупы всё же приказали нам вынести и зарыть в ста метрах отсюда.

– Сами-то как здесь оказались?

– С Украины мы. Я Алексей, а он, – указал на второго, – Никита... Бэндэровцы, люди Яроша нас похитили и привезли сюда через Грузию. Студенты мы... химического института. Освободите нас... До конца жизни за вас будем Богу молиться и просить для вас всех благ.

– Об этом потом, а сейчас звони этому... Как к нему обращаются хозяева этой лаборатории?

– Профессором называют. Но надо отдать должное, он башковитый мужик. По моему мнению, изобретает либо сильно действующий наркотик, либо бактериологическое оружие... Закончит... его расстреляют да и нас с ним... в свидетелях не оставят, – сказал Алексей, подходя к аппарату. Подняв трубку, он напряг слуг, но спокойным голосом спросил: – Профессор?

– Охрана. Чего хотел? – громко с кавказским акцентом послышалось в трубке в перемешку с треском.

– Какой-то ящик привёз человек... для него.

– Дай ему трубку... шакал.

Алексей протянул её «Сове», но трубку взял Ибрагим и на чеченском языке стал говорить, что посылку для профессора послал шеф, и что он оставит её у этих неверных, потому как должен срочно возвратиться. В дополнение сказал, что шеф приказал профессору немедленно начать с того, что в ящике. Охранник несколько секунд подумал, а потом ответил, что сейчас сам выйдет и заберёт. Ибрагим вернул Алексею трубку, а сам выскочил в коридор и проворно бросился к же-

лезной двери. Тот положил её на рычаг и сам присел на стул.

«Сова» и «Зима», взяв наизготовку автоматы, были готовы в любую секунду броситься на помощь Ибрагим. «Сова» посмотрел в щель, образовавшуюся между задним бруском обвязки и дверным проёмом, в результате открытой двери увидел посредине коридора ящик, а между ним и железной дверью, нагнув голову, ходил Ибрагим.

«Прав был он, что уговорил майора спуститься сюда самому, а без него чтобы мы делали? И ящик... где он его успел за такое короткое время найти», – пронеслись мысли, но, присмотревшись к ящику, увидел, что у него нет крышки, и он совсем пустой, но лежит так, чтобы этого не заметил охранник. В этот момент послышался щелчок запора, дверь закрипела, приоткрылась и высунулась голова охранника. В долю секунды Ибрагим вогнал штык-нож в его шею. Кровь фонтаном выплеснулась наружу, охранник, выпучив глаза, смотрел на Ибрагима, а тот рванул дверь на себя. Охранник, уронив автомат, рухнул на пол, заливая его кровью.

«Сова» и «Зима» ринулись вместе с Ибрагимом в лабораторию. Там повсеместно на стеклянных стеллажах стояли колбы, флаконы и флакончики, бутылки разных форм, разного рода медицинско-техническое оборудование и прочее.

Из соседней комнаты вышел в белом халате совсем лысый, худой, лет сорока пяти мужчина с редкой бородой, по внешним чертам грузин или армянин.

– Здравствуйте! – спокойно, словно вошедшие ежедневно заходили в его лабораторию, поздоровался он чисто по-русски.

– Ты кто? – не отвечая на приветствие, спросил Ибрагим, впившись орлиными глазами в его лицо.

Тот посмотрел на Ибрагима, затем на «Сову» и «Зиму», скользнул взглядом по их оружию, остановил взор на истекающем кровью охраннике, потом ответил:

– Профессор я... Называют меня так ваши противники... судя по вашей внешности и жестокости действий.

– Ещё как? Имя? – потребовал Ибрагим.

– У меня их много. В первую чеченскую был Мухамедом, во вторую Абделем, а настоящее Серж. Я по национальности армянин, подданный Иордании... Учился в Москве... в Менделеевке. Чеченцы... наши иорданские... их там более тридцати тысяч проживает... силой доставили меня сюда. Раньше я занимался по их требованию тем же, что и сейчас в разных районах Чечни, а теперь вот здесь. Отец мой, сотрудник газеты «Нью-Йорк таймс», не знает, что я здесь. Для моих родных я без вести пропавший.

– Возьмите все свои записи о своей работе, снимите халат и пойдёте с нами. Быстрее.

– Вы меня расстреляете?

– Если бы у нас была такая цель, то я бы сделал это сейчас. В Москву отправим, а оттуда позвоните своему папаше.

По лицу профессора было видно, что его охватило чувство радости. Он расплылся в улыбке, глаза засияли, и он затараторил, переодеваясь:

– Сейчас. Я быстро. Спасибо вам... товарищи... я упал бы к вашим ногам, да вы торопите... Как я рад, как я рад. То, что от меня требовали эти конченные уроды, я

давно избобрёл, но им не говорил и продолжал работать над другим. Вот всё... Я готов.

Перед Ибрагимом стоял измученный человек с портфелем в руках, не видевший дневного света и не вдыхавший свежего воздуха.

– А это всё надо как-то уничтожить. Нельзя оставлять им, – дополнил он, глядя по сторонам.

Ибрагим глянул на «Сову» и вздрогнул.

– Вы? Как? Вы нарушили приказ? – возмутился он, глядя в улыбающееся лицо.

– Так получилось. Иногда мы так поступаем, выручая своего товарища. Я потом объясню, – сказал тот, снимая вещмешок со взрывчаткой.

– Тогда минуйте, – уже поспокойнее произнёс Ибрагим, и глянув на «Зиму», добавил: – А вы оставьте ему свою ношу, – имея ввиду второй вещмешок со взрывчаткой, – и забирайте этих троих... отправляйте вверх. Только по рации предупредите майора. Да-а... – повернув голову к профессору, спросил: – Эти двое Алексей и Никита... Кто они?

– Такие же узники, как и я.

– Всё. Быстрее. Забирайте их и вверх, – поторопил Ибрагим «Зиму».

«Сова» в это время раскладывал взрывчатку и, вспомнив о том, что надо разрушить это гнездо как можно быстрее, побежал за профессором и уже на выходе остановил его.

– Серж, скажите, здесь есть жидкости, которые быстро горят?

– Полно. В лаборатории слева стоят бутылки. Только осторожно, чтобы на тело, одежду и обувь не попало.

– Спасибо.

Ибрагим продолжал осматривать всё в лаборатории.

«Сова» принялся за минирование. Вскоре всё было готово, и «Сова» попросил Ибрагима уйти из помещения. Тот безоговорочно подчинился, только перед тем, как совсем покинуть лабораторию, затащил труп часового внутрь и сам стал контролировать подъём «Зимы». Те трое к этому времени были уже наверху. Подготовив верёвки для подъёма «Совы» и сам привязавшись ко второй, ожидал полного завершения минирования.

Вскоре послышался шорох и бульканье. Это «Сова», полив всё в лаборатории и домике, продолжал лить из бутылки на землю, делая огненную дорожку вместо бикфордова шнура, огнепроводного шнура, порохового скотча, горящих намного медленнее. Пролив дорожку до самого места подъёма, он заявил Ибрагиму:

– Вам надо подниматься, а я сделаю факел и тоже следом, а сверху брошу, и всё будет кончено.

– Хорошо. Но не задерживайтесь ни на секунду, – ответил тот и подёргал верёвку.

Его медленно стали поднимать. «Сова» в это время сделал факел, намочил его в жидкости, встал повыше на камень и полил большую часть земли, чтобы попасть факелом в политое место, а после того закрепился на верёвке и дал знать, что готов к подъёму. Верёвка натянулась, и он, опираясь о выступающий камень, поплыл вверх, постоянно оглядываясь вниз. Чувствуя, что скоро достигнет края вершины, зажёл факел и бросил вниз. Огненный клубок полетел к земле и тут же вспыхнула дорожка. Огонь стрелою побежал к лаборатории. «Сову» в это время подняли вверх, и он

шагнул к майору, чтобы доложить. В этот момент раздался взрыв оглушительной силы, и начал гореть домик. Дым, пепел, удушливый смрад от того, что находилось в лаборатории, донёсся до самой вершины.

– Товарищ майор... – начал было «Сова», но тот перебил его.

– Отставить! Разбор полётов будет на привале, а сейчас быстро уходим.

Все, где пробежкой, где бегом, а где и осторожно пустились за Ибрагимом в обратный путь, а там внизу слышались панические крики и стрельба. Судя по визгу пуль, ударяющихся в камни и улетающих рикошетом, стрельба велась по лесному массиву, расположенному между скалой и дорогой. «Хан» и Ибрагим стремились как можно быстрее дойти до той злополучной тропы у пропасти, преодолеть её и там сделать привал.

Звуки выстрелов и отвратительный запах стали чувствоваться всё слабее, и вскоре можно было забыть о них.

Возле тропы у пропасти Ибрагим снова предупредил всех о строгом соблюдении осторожности, сам пошёл первым.

«Сова» старался не думать о своём падении, шёл третьим после майора, придерживаясь левой рукой за каменную стену. Вдруг Ибрагим остановился. Это сделали и остальные. Он услышал шаги впереди и настоужился. Все присели на корточки.

– Кто здесь? – обратился по-чеченски он в сторону донёсшегося таинственного звука.

– А ты кто? – прозвучал вопрос на том же языке.

– Дай пройти. Мы очень торопимся, – произнёс Ибрагим.

– Мы прошли значительно большую часть по тропе, чем вы. Дайте нам пройти.

– За мной отряд в тридцать человек. Не будем же мы пятиться назад. Разворачивайся назад, не то открываем огонь, – строго предупредил Ибрагим, хорошо зная, что на этой тропе двоим не разойтись.

Около минуты стояла тишина, потом тот же голос на том же языке отчеканил:

– Мы идём назад.

Ибрагим, поднявшись, ускорил шаг, и пошёл вперёд, за ним все остальные. Он уже видел движущиеся по тропе силуэты четырёх человек. Его мозг работал как счётная машина, вычисляя эпизоды разговоров начальства в Грозном и не мог вспомнить, чтобы кто-то из них сказал о направлении группы бойцов в Панкисское ущелье, в связи с этим пришёл к выводу, что если бы это было, то его обязательно предупредили во избежание нежелательного инцидента, значит это бандиты. Приближаясь к концу тропы, он крикнул:

– Вы чьи будете?

– Мусы, – прозвучал ответ и тут же вопрос: – А вы?

Убедившись, что впереди идут боевики, и что они, сойдя с тропы, обязательно залягут и возьмут на мушку всех, Ибрагим встал на правое колено, прицелился и вместо ответа дал очередь по идущим впереди. Послышались крики падающих в пропасть. Ибрагим насчитал троих, значит, четвёртый находился на тропе, и он пошёл вперёд осторожно, до боли вглядываясь в тёмную полосу тропы. Вскоре наткнулся на тело четвёртого, лежавшее на тропе. Посветив фонариком в его лицо, Ибрагим, повернув голову к «Хану», тихо сказал:

– Иса. Четвёртый год в розыске находится.

Столкнув его вместе с его оружием в пропасть, он пошёл дальше и через десяток метров вышел на небольшую равнину. Вся остальная группа, а также обитатели лаборатории благополучно покинули опасную тропу.

– Ищи место для привала, – произнёс «Хан», наклонившись к уху Ибрагима.

Продвинувшись вперёд метров на триста, он, сойдя с тропы, завёл группу в сторону на такое же расстояние, и все расположились возле каменной глыбы, поросшей кругом ельником.

Небо быстро стало сереть, предвещая смену времени суток, и уже до пяти метров можно было различить и увидеть окружающее.

«Хан», выслав к тропе дозорного, приступил к допросу профессора и его помощников. Только сейчас все обратили внимание, что они одной верёвкой привязаны друг к другу с расстоянием в полтора метра. «Хан» приказал освободить их от пут. Особенно тщательно он допрашивал профессора, делая пометки в своей записной книжке.

Закончив допрос, «Хан» ещё минут десять молча смотрел в записную книжку, как будто усваивал записанное, а потом, подняв голову, объявил:

– «Сова»! Ко мне!

Тот пришёл и сел напротив на вросший в землю круглый камень. Он ожидал этого разговора, и поэтому не был застигнут врасплох. Был совершенно спокоен, зная, что не совершал что-то низкое и позорное. Майор же держался холодно и даже высокомерно, поэтому требовательно начал:

– Объясните причину вашего уклонения от выполнения моего приказа. Скажу сразу... по возвращению будете строго наказаны по моей докладной.

– Товарищ майор, это я виноват во всём, – выпалил мгновенно подошедший «Крот», – дело в том, что...

– Отставить! – оборвал его тот. – До вас тоже очередь дойдёт, наказание будете делить поровну.

– Дело в том, что... – начал «Сова», – у него разболелся живот. Сказать вам об этом постеснялся, он хотел попросить кого-то из группы заменить его, но я настоял на своей кандидатуре, а тут прозвучала команда Ибрагима о начале спуска... Докладывать о замене было уже некогда, – добросовестно солгал «Сова» и глазом не моргнул.

– Но вы же травмированы? И этим могли сорвать операцию...

– Не мог, товарищ майор, потому как чувствовал уверенность, – оборвал его «Сова».

– Товарищ майор, – обратился подошедший Ибрагим, – в основном почти всю работу выполнил там, внизу... «Сова», – и он тут же рассказал обо всём происшедшем в лаборатории до самого периода завершения подъёма и уничтожения главного объекта, фигурирующего в задании командования, а в конце заявил: – Так что он заслуживает не наказания, а правительственной награды. К тому же он пошёл на выручку товарища, а вот представьте себе... Мы спустились, а у «Крота» нестерпимые позывы начались... Что делать? Сказать часовому: погоди, я до ветру схожу, а потом убью тебя? Майор, вместо докладной напишите представление о награде, как в отношении «Совы», так и остальных ребят. Я Кадырову буду докладывать

именно в этом ключе и уверен, что он этот вопрос поставит перед руководством страны.

«Хан» внимательно выслушал его, потом, глянув на «Сову» с ухмылкой, произнёс:

– О! Какой адвокат у вас... – потом, подумав, сказал: – Ладно, забыли. Но всё же как-то обидно. Всё произошло вне планово... без моего ведома... и граничит с непростительной глупостью... если подойти к этому отвлеченно, абстрактно... а если посерьёзнее и учесть сказанное адвокатом Ибрагимом, то можно и согласиться, что я, пожалуй, и сделаю. Всё, свободен, – адресовал он «Сове», а потом, глянув на «Крота», спросил: – А у вас, как сейчас с животом?

Тот, чувствуя неловкость, замялся и с видом провинившегося школьника ответил:

– Всё наладилось.

«Хан» долгим взглядом посмотрел на него, покачал головой, глубоко вздохнул и промолвил:

– Закрадывается такая мысль, что в этой истории зарыта совсем другая собака. Иди... Марафетчики.

Тот повернулся, глянул на «Сову» и, подмигнув, сел рядом с ним, локтем толкнул его в бок и шёпотом произнёс:

– Вадим, спасибо тебе, и прости меня... подлеца.

– Да ладно тебе. Успокойся. Всё уже позади, – ответил тот, ковыряя сухой веткой землю.

Майор тем временем доложил по рации об успешном выполнении задания, назвал место высылки вертолёта и уже поглядывал на часы.

Отдохнув, группа снялась с места. «Хан» отозвал дозорного, и все ускоренным шагом направились к условленному месту возврата на аэродром. Как всегда, Иб-

рагим шёл первым. Дойдя до того места, где спрятал одежду Степана, он взял её и пошёл дальше.

– Ну и какое твоё решение, Ибрагим, в отношении этого бендеровца? Он же неисправим... С каким желанием он хотел было лишить нас жизни, – спросил «Хан».

– Обещал ведь. А обещание надо выполнять, – ответил тот. – Свинья своё болото найдёт, так и этот свою смерть.

Дальше шли молча. Когда дошли до места, где был привязан к дереву Степан, ужаснулись. Он был растерзан зверьём, картина была не для слабонервных.

– Ну вот... он своё нашёл. Оказывается, и лесные звери против бендеровцев и врагов нашего народа, – сказал Ибрагим, бросил здесь же его одежду и быстро пошёл вперёд по уже знакомому курсу.

В Грозном их ожидала тёплая встреча Главы Республики, при которой Рамзан Кадыров заявил:

– Вам, славные сыны России, должны быть благодарны не только мы, руководители, народ Отечества нашего, но и всё мировое сообщество, за то, что над ними теперь не образуется смертоносное облако. Спасибо Вам и низкий поклон.

В приподнятом настроении группа возвращалась в Москву, где их ожидали с нетерпением родные, близкие и друзья. Лишь «Сова», полон тревожных предчувствий, грустил, вспоминая последнюю встречу с Валей.

Исповедь

Всего три дня смогла Валя вытерпеть отсутствие Вадима. Магическая сила любви к нему неудержимо влекла её. Всё, что произошло между ними, она считала собственной непростительной глупостью и при воспоминании о Вадиме бичевала сама себя. На четвёртый день стала искать способы и причины восстановить утраченное и неоднократно пыталась позвонить. Однако чувство собственной вины останавливало. Лишь на пятый день решилась и набрала номер его мобильного телефона. Но услышала: абонент недоступен. Весь день она звонила и слышала только это. Её сердце рвалось на части, на ум приходили разного рода мысли, причиняющие дополнительную боль. Жизнь становилась унылой и пресной. Ничего не хотелось делать. Правильному и скрупулёзному написанию судебных протоколов мешали постоянные мысли о Вадиме. На каждой строчке она спотыкалась, видя на листе его милое лицо. Дошло до того, что судья сделала серьёзное внушение, а один из адвокатов написал замечание на составленный протокол, который скупно освещал показания свидетелей и его подзащитного, не зафиксировал важные детали в их показаниях, которые могли способствовать снижению меры наказания.

Валя время от времени звонила Вадиму весь день, на следующий день тоже пыталась дозвониться. «Мо-

жет, заболел? Или что-то случилось?! Ну не может же он просто так отключить телефон. А может потерял? Или украли?» – в догадках металась она. Решила после работы поехать к нему в общежитие, но и там её встретила неудача. Оказалось, что просто так пройти невозможно, – нужен особый пропуск и заявка жильца.

– А вы кого хотели видеть, девушка? – спросил стоявший на КПП боец.

– Коваленко Вадима, – ответила та, с надеждой глядя в его глаза.

Её состояние передалось и бойцу. Он развёл руками и с сожалением ответил:

– Вы хотите пройти туда, где его нет. Его нет и в городе. Это всё, что я могу вас сказать.

– Простите, а где он?

– Я не могу ответить на ваш вопрос.

– Почему? С ним что-то случилось?

– Ничего с ним не случилось. Он военный человек, и этим всё сказано.

– А когда он вернётся?

– Этого я не знаю.

Валя в бессилии опустила голову, на глазах сверкнули накатившиеся слезинки. Не глядя на бойца, она спросила:

– А вы вообще-то его знаете?

– А как же. Вместе служим.

– Если вернётся, передайте ему, пусть приедет к нам домой или же позвонит... Валя я.

– Непременно передам. Будьте уверены, – ответил боец, заторопившись к зазвонившему телефону.

Валя пошла к автобусной остановке. Постояв в ожидании транспорта, вспомнила, что ни автобус, ни трам-

вай ей не нужны, и пошла к станции метро. На душе было пусто и скверно, как будто внутренне перенесла что-то траурное. Она не знала, как устранить или чем заполнить эту угнетающую пустоту, как теперь вернуть то радостное чувство, с которым ложилась в постель и просыпалась, жила с ним, поглядывая систематически на часы и ожидая встречи. Медленно тянулся, как ей казалось, рабочий день, когда хотелось быстрее увидеть милое лицо любимого человека, почувствовать его ровное дыхание и биение сердца, дышать им. Как наркоманы мучаются до нестерпимой внутренней боли, утратив возможность употребить спасительную дозу, так Валя находилась в мучительном состоянии без Вадима. В раздумьях она даже проехала свою станцию, и пришлось возвращаться.

Выйдя из подземки, с поникшей головой и волнительным настроением шла к своему дому, никого и ничего не замечая. Ею всевластно владели размышления, как вернуть дорогое ей прошлое, как вдруг прямо перед ней вырос человек и иронически произнёс:

– Здравствуйте, госпожа Залегина!

Остановившись и подняв голову, она увидела ненавидное лицо Олега. Он стоял, насмешливо улыбаясь, колючие глаза безжалостно сверлили её. Она молча попыталась обойти его, но тот преградил ей путь.

– Тебе чего надо? – недовольным тоном спросила Валя.

– Мне? От тебя? Уже ничего, – с насмешкой ответил Олег и загадочно продолжил: – То, что я хотел... получил сполна.

– Что ты имеешь ввиду?

– Что я имею? Не знаю, понравится ли тебе то, что я имею, но мне точно да... в полном объёме.

– Пропусти, я пройду.

– А мне, может, хочется пообщаться с тобой, – заявил он с возмутительной навязчивостью.

– А мне нет. Пропусти, – и попыталась вновь обойти его стороной, но он снова встал на её пути.

– Неужто я так тебе противен?

– Ты себе даже не представляешь как.

От Олега повеяло враждебностью. Он встал к Валентине на шаг ближе, вытянул шею и тихо произнёс:

– Раньше ты была другого мнения, да твой Вадим все карты спутал.

– Раньше ты не вёл себя уродливо... Хотя я, наверное, не замечала.

– Стало быть, я урод?

Помолчав, она ответила с полной откровенностью:

– Судя по тому, как ты живёшь, и как относишься к окружающим тебя людям... да.

– Но при всём этом... ты с уродом спать не побрезговала, – больно уколол он её и стал пристально смотреть в глаза девушки.

Сказанное её ошеломило, но, не понимая, что этим хотел сказать Олег, возмущённо ответила:

– Дурак и мысли рад, так и ты.

– Причём здесь мысли? Реально. Ты что не помнишь, что делала? Или создаёшь видимость для самозащиты?

Перед глазами Вали пронеслись ужасающие картинки, как она голая проснулась в луже крови, и рядом в таком же виде лежал Леон. Острая боль пронзила её всю, и она пожалела, что тогда не свела счёты со своей,

как она в памяти называла, отвратительной жизнью. «О чём он? Что хочет этим сказать?» – пронеслось в её голове.

А он, сузив глаза, с ехидной ухмылкой произнёс:

– Скажешь, и Леона не помнишь? Ладно уж меня. Твоё отношение ко мне объяснимо. Спустя минуту после того, как мы разойдёмся в разные стороны, ты будешь утверждать, что вовсе меня не видела... но уж от Леончика-то ты не откажешься.

Эти слова больно врезались в её сердце: «Так вот оно что! Значит, всё это организовал Олег! И сейчас стоит передо мною, открыто демонстрируя неукротимую злобу и вывернутую наружу подлость. Значит, он всё знает!» – и по её щекам потекли слёзы.

– Так это ты всё подстроил?! Урод!

– Я ничего не подстраивал. Буду с тобой откровенен. У твоей подружки Ады был день рождения. Я давно с ней в близких отношениях... – начал он с того, чтобы посильнее уколоть Валю. – Так вот... явившись поздравить её, я увидел тебя спящую за столом... перебрала маленько... Ну мы с Леоном... Он тоже там каким-то боком оказался... Поддали, и я ушёл спать, а тут ты ко мне под одеяло лезешь. А мне что делать? Не прогонять же. Такой ласки от тебя я ещё не ощущал. Ты сама разделась и даже мне помогла. А какая ты сладкая была...

– Врёшь ты всё! – перебила она его, закричав, и с гневностью добавила: – Ты явное олицетворение распушенности и лжеморали, подлости и коварства...

– Да ты дослушай до конца, – теперь оборвал он её. – Когда я сделал с твоей же помощью своё дело, выкупавшись в твоей крови... поднялся и пошёл в

ванную... Леон дремал за столом, Ада, наверное, спала в другой комнате... и когда возвратился, то увидел Леона рядом с тобой... Не, не так... На тебе, я и не стал ему мешать, коль ты такая любвеобильная, оделся и уехал домой. Так что ты нас обоих своей лаской наградила. Ну-у... что... будешь отказываться? Леон после говорил, что ты его разбудила. Спасибо тебе, Валюха, от нас обоих, – с холодным безразличием закончил он, продолжая стоять перед ней, издевательски ухмыляясь.

Сколько Валентина знала Олега, столько и помнила, что никогда порядочность, доброта, нежность и жестокость не уживались в нём. Он всегда был наглым и напористым, преисполненным ложным чутьём самомнения, обладал наивной и не признанной людьми самоотверженностью и непоколебимой уверенностью в то, что он прав во всех своих грязных и далёких от норм закона поступках.

Валя стояла перед ним и молча смотрела на это ничтожество, глотая горькие слёзы. Девичья ярость овладела ей, и она, подняв руки, ногтями разодрала в кровь его лицо, а потом, уходя, угрожающе сказала:

– Ты ещё заплатишься за свою подлость.

Он схватился за кровоточащее лицо руками, присел и заревел раненным зверем.

Валя, сделав десяток шагов, вдруг услышала за своей спиной топот ног. Обернувшись, увидела бегущего к ней Олега. Его разъярённое лицо не предвещало ничего хорошего, но на её счастье мимо неё прошли три молодых парня навстречу Олегу и, увидев в его руке нож, сбили его с ног, поколотили ногами, отобрали нож, а Вале предложили:

– Девушка, идите домой, а мы попридержим этого ретивого.

Поблагодарив их, она твёрдым стремительным шагом заторопилась к своему дому, а в голове клубилось: «Этот подлец теперь расскажет всем. Пойдёт обо мне позор. Кому я нужна? Наверное, и Вадима искать не стоит. Вернуться назад? Пусть убьёт меня... или бросится под поезд? О чём я только думаю? Стыдно за тот случай, когда пыталась умереть. Надо жить... назло этому гаду. Кому я этим радость принесу, если проявлю слабость? Только ему. Нет уж! Не дождётся. Дай-то Бог увидеть Вадима, и я ему всё расскажу, а он пусть решает. Если я его судьба, а он моя, то мы будем вместе, несмотря ни на что... Ну-у, а если нет... значит, так тому и быть. Этим объясняется моё присутствие на этой священной земле, требуя от меня строгого и неуклонного соблюдения закона Божьего, который я нарушила не по своей вине. Мне надо пойти в церковь... и прямо сейчас... Исповедаться, и на сердце полегчает».

Церковь находилась недалеко от её дома. Валя, не раздумывая, свернула на тротуар и направилась туда. Сумерки уже сгущались, вечер постепенно входил в свои права.

В Храм Валя заходила затаив дыхание. Ещё от входа она услышала трогательное душу песнопение певчих, доносившееся от клироса. В моменты его затихания ручьём лилась молитва из уст отца Сергия, которую он, будучи одетым в ризу, читал с амвона, находившегося перед иконостасом. Особенно почему-то возвышал её чувства акафист Богородице, струящийся из уст певчих. Валя, подняла глаза на икону Божией Матери, и

ей показалось, что та смотрит не в лицо, а заглядывает в самую душу. Слёзы побежали ручьём по щекам Вали, и её губы зашептали: «Прости меня, Мать Божия... Прости за мои глупые мысли и намерения, касающиеся моей жизни. Прости за то, что произошло со мной, и как мне понять, есть ли в этом моя вина».

Повернув голову к иконе Иисуса Христа, она прошептала: «Господи! Ты всё знаешь, всё видишь, накажи виновных, не признающих ни тебя, ни заповедей твоих». В размышлениях до неё донесся возглас отца Сергия, выражающийся в богослужении словом «Аллилуя», но она была занята идущими от сердца мыслями, считая, что всё продолжится, однако песнопение прекратилось, и неожиданно сбоку послышалось спокойное обращение к ней:

– Дочь моя! Что случилось? Твоё сердце хочет сказать, но сделать оно может только твоими губами, – промолвил отец Сергий, давно наблюдавший, ещё с места чтения молитвы, за страдальческим выражением лица Валентины.

– Случилось, святой отец, – ответила она, посмотрев на него полными слёз глазами.

– Я не святой, а просто отец Сергий, священнослужитель, – поправил он её. – Хочешь ли исповедаться?

– Хочу. Очень хочу.

– Крещённая?

– Крещённая, отец Сергий.

– Иди за мной.

Остановившись на том месте, где обычно он проводил этот ритуал, склонив голову, внимательно и спокойно произнёс:

– Я слушаю тебя, дочь моя.

Валя говорила вперемешку со слезами, а из уст лились слова заблудшей, слова покаяния, возмущения и сожаления о происшедшем. Не забыла она сказать и о попытке суицида, и о мысли об электропоезде под земки. Отец Сергей слушал её внимательно, не перебивая, а когда закончила, сказал:

– Тема для правоохранителей в твоей исповеди, дочь моя. Себя не изматывай. Вины твоей не вижу. Господь наш всемогущий и воздаст каждому по деяниям их. Успокой сердце своё, а Вадиму распахни чувства и намерения. Не казни себя и живи в спокойствии. Почаще приходи к Богу нашему и молись. Тебе легче будет.

– Легче? А если ребёнок будет? Что мне делать?

– Растить... невинное дитя. Оно в большей степени твоё, чем его.

– Но оно же будет напоминать мне всю мою жизнь об этом чёрте!

– Последнее слово никогда не произноси в Храме и постарайся не упоминать его, а что касается твоего вопроса, то при рождении ребёнка и при вашей обоюдной любви с мужем... всё само собой забудется. Иди с Богом, дочь моя, и будь с ним всегда. Будешь выходить замуж... пройди через таинство церковное – через венчание. Ваш союз будет крепок и нерушим.

Поблагодарив отца Сергея, вышла Валя из Храма с заметной лёгкостью на сердце. Ей тут же почему-то вспомнилась Ада, и по пути домой она стала анализировать телефонные разговоры с ней, что натолкнуло на мысль, что та избегает встреч, при телефонных разговорах старается первой закончить связь. «Завтра же навещу её. Может быть, что-то новое откроется. Встреча с Олегом ведь вскрыла новые обстоятельства.

А что, разве она не видела Олега? Что-то не верится. Пришёл, пил, ел, спал и ушёл. Должна была. И вообще, что-то она всё-таки скрывает», – делала она для себя вывод при размышлениях по дороге домой.

Вот она и дом...

Дверь открыла мама и сразу принялась к рассказам:

– Ну, что нового?

– Ничего особого, – уклончиво ответила Валя.

– О Вадиме есть весточка?

– Нет, мама.

– Ты же намеревалась пойти в общежитие.

– Ходила.

– Ну и что? Почему ты отвечаешь одним словом? Можешь толком пояснить?

– Его там не оказалось. Военный на КПП сказал, что его и в городе нет. Наверное, в командировке.

– Ох, Валя, Валя... До чего твоя гордыня довела. Такого парня...

– Ну, мама! И так больно, а ты ещё добавляешь. Можно подумать, что не я твоя дочь, а он твой сын, – перебила она её.

– Как бы я хотела, чтобы он стал моим сыном, а ты так и осталась моей дочерью. Счастливее меня в мире никого бы не было.

– Да и меня тоже, – встряла в разговор Алла, сестра Вали.

– О-о! И ты туда же. Чудо гороховое. Иди уроки готовь, – отпарировала Валя, а потом подошла, обняла сестру, та обхватила её руками за талию.

Алла была внешне похожа на Валью, подрастала стройной и красивой. Мать посмотрела на обеих и по-

думала: «Ещё одна тревога растёт. Господи! Помоги им в жизни».

Валя чмокнула макушку Аллы и пошла в свою комнату. Закрыв за собой дверь и подойдя к окну, стала смотреть на сверкающие огни вечерней Москвы. Но вся эта красота не привлекала её внимание. Голова была полностью заполнена мыслями о собственной судьбе. Она понимала, что эпизоды её отвратительных моментов жизни не могут властвовать над ней, мешать идти вперёд через настоящее в будущее, что она должна сохранить непоколебимую веру в себя. Ей крайне не нравилась её нынешняя жизненная ситуация, но поменять, исправить должна была сама без чьей-то помощи. Должна встретиться с Вадимом, объяснить, а главное, – решение будет принимать он. Всё это тонкой, но весомой нитью прошло через её сердце, через её осознание. Размышляя над этими столь важными для неё вопросами, она вновь вспомнила Аду и твёрдо решили безотлагательно завтра же навестить её.

Ночь прошла в мучительном засыпании и тяжёлом пробуждении. Рабочий день начался и закончился за столом секретаря судебного заседания, и вот она уже в пути к Аде.

«До всего того, что произошло со мной в той злополучной квартире, она часто звонила мне и стремилась к встрече, а после же... избегает, не звонит. Странно всё это...» – снова пронеслось в её голове. Она обладала непревзойдённым чутьём и теперь, идя к подруге, чувствовала, что именно здесь и сегодня узнает тайну всего того, что произошло с ней.

Поднявшись на этаж, где в 47-ой квартире проживала Ада со своими родителями, нажав на кнопку

звонка, Валя почувствовала вдруг необъяснимую тревогу. За дверью послышались шаги, и открыла мать Ады.

Поприветствовав и узнав, что Ада в своей комнате, Валя с позволения и приветливого согласия хозяйки вошла, поинтересовалась её здоровьем, и, получив благоприятный ответ, открыла дверь комнаты, за которой спиной к ней сидела Ада.

– Привет, подруга! – бросила ей в спину Валентина.

От неожиданности та вздрогнула, вскочила с места, глаза забегали как у застигнутой на месте кражи воровки.

– Здравствуй, Валя, – протяжно ответила она, на лице сразу же отпечатавшись неловкость с виноватым оттенком, – что-то случилось?

Заглянув в самую глубину глаз, Валя сразу почувствовала в её поведении что-то неладное.

– А что могло случиться? Разве я не могу свою подругу проведать? Или для этого надо чтобы что-то случилось? – при этих словах Валя присела на стоявший у стены стул.

Ада села напротив, сложив обе руки на коленях и сделала лицо, как будто ожидая того, с чем незвано пришла подруга. Валя, окинув взглядом комнату, вспомнила былое, когда ранее при её появлении в квартире Ада кидалась к ней с радостными возгласами, а сегодня удивилась, как ей показалось, нежеланной, незапланированной встрече.

– Как ты? – задала дежурный вопрос Ада, чтобы заполнить тягостную затянувшуюся паузу.

– Ничего. Работаю...

– Чаёк сделать? – перебила её заглянувшая в комнату мать Ады. Излишняя её полнота растянула на ней

одежду так, что казалось, вот-вот она лопнет. – Есть жасмин, мята, листья черной смородины... лимончик?!

– Нет, спасибо, тетя Зина, – отказалась Валя.

Ада тоже отклонила чаепитие, чего не делала раньше. Наоборот, всегда сама шла на кухню и тащила за собой Валю. Сейчас же ею овладело неуёмное желание как можно быстрее избавиться от общения с другой.

– Как твой... Вадим? Вернулся с поездки? – как-то осторожно спросила она.

– Давно. Ищет через своих друзей в прокуратуре... того, кто сострепал ложную телеграмму, и уже есть кое-какие результаты... – умышленно соврала она, надеясь на авось.

По лицу Ады сразу пробежала тень волнения, она опустила глаза, что не могло пройти мимо цепких глаз Валентины, и она продолжила:

– А вчера, представляешь... случайно встретила Олега.

Ада настороженно подняла глаза, и из её уст вырвался совсем непонятный вопрос, который мог прозвучать только ради продолжения диалога, выражения обеспокоенности или понуждения собеседника продолжить свою мысль:

– И что он?..

Валя несколько секунд пристально смотрела ей в лицо, а потом произнесла:

– Говорили долго... А ты ничего не хочешь мне сказать?

Этот вопрос, как удар молнии, пронизал всё тело Ады. Лицо её вдруг стало бледным, глаза забегали по сторонам, она молча опустила глаза.

Почувствовав, что попала в яблочко, Валя продолжала:

– Он мне всё рассказал.

Ада закрыла лицо руками и заплакала... да так громко, что услышала мать и вбежала в комнату:

– Что случилось? А? Доча?

– Уйди, мама... уйди. Это касается только нас, – потребовала та, а затем вскочила, вытолкнула мать из комнаты и закрыла дверь, после чего вернулась на своё место и сквозь слёзы простонала: – Прости меня, Валя... если можешь.

– Я хотела бы услышать правду от тебя, хотя Олег и клялся... просил прощения, но вера в его слова шаткая.

Ада, не смотря в глаза подруги, рассказала ей всё от самой подготовки замысла против неё до её ухода после той злополучной ночи. Закончила рассказ словами:

– Я подло поступила с тобой, и ты вправе ненавидеть меня. Моя исповедь...

Её речь была прервана грохотом резко распахнувшейся двери. В комнату влетела разъярённая мать, подслушавшая рассказ дочери:

– Ненавидеть? – закричала она. – Да тебя убить мало. Не думала я, что вырастила такую стерву. Ну, как ты могла? Предать... Да ещё как? Лучшую подругу... предать... принять участие в надругательстве над ней. О, Господи! За что мне такое? Ты что сделала? – в раскалённом гневе закричала она, а потом размахнулась и отвесила оплеуху дочери.

Валя не стала больше слушать разборки и извинения, поднялась и быстро покинула эту квартиру, в которой всё гремел голос матери Ады, и она слышала его, пока не захлопнулась дверь подъезда.

На улице нервы Вали сдали, она от обиды заплакала, слёзы катились и катились, тяжело принять предательство подруги. Но зато теперь она знала, кто организатор и кто пособник, и что она находилась под воздействием сильнодействующего усыпляющего препарата, используемого преступниками в своих целях. Знала и об изобретателе подложной телеграммы. Теперь она справедливо презирала всех их. В её голове витали планы возмездия, уже мысленно она представляла их реализацию, и как мучаются виновники. Она твёрдо решила при встрече с Вадимом сообщить ему всё, что узнала.

Возвращалась домой в весьма угнетённом состоянии, ей неудержимо хотелось ещё раз посмотреть в глаза Ады, высказать все накатывающие и возникающие аргументы и мысли обо всём случившемся, но поразмыслив, чуть-чуть охладев, успокоилась и направилась домой, где её с нетерпением ожидала мама и сестра Алла.

Зайдя в свою комнату, она в результате нервного перенапряжения почувствовала небывалую усталость и упала навзничь на аккуратно заправленную кровать. Перед её глазами поплыло всё, о чём рассказала Ада. Нежданный комок подкатил к горлу, слёзы от бессилия что-то изменить побежали из глаз, и она, задыхаясь, стискивая зубы, пыталась подавить в себе рыдания.

– Доченька, родная моя девочка, успокойся. Не стоит так убиваться. Плюнь на них всех и подумай о себе... о нас с Аллой, – маме было больно не меньше дочери, но ей хотелось успокоить родную душу, унять страдания Вали, настроить её на позитив.

– Мама, я была у Ады, и она призналась во всём. С её помощью этот урод всё организовал и осуществил, – сквозь слёзы ответила та.

– Наверное, не зря у неё и имя такое. Я завтра же пойду к отцу этого...

– Не надо никуда ходить, мама. Вернётся Вадим, и посоветуемся с ним. Этот идиот и ему подстроил... После всё решим, – перебила её Валя.

– Ладно. Как скажешь, доченька. Только ты успокойся.

Она обняла её голову руками, прижала к своей материнской груди и стала ласково гладить волосы, а Валя, как бывало в детстве, лежала и ощущала прикосновение тёплых родных рук, и спокойствие, и безмятежность накатили волной, неся надежду, что всё будет хорошо.

В окно заглядывала луна, похожая на форму вареника. Настенные часы отстукивали девять часов вечера.

Возмездие

Ещё там, в Кавказских горах «Хан» замечал в поведении «Совы», что тот продолжает переносить, скрывая ото всех, боль и страдание, а когда группа возвратилась в Москву, в приказном порядке заставил его пройти медицинское обследование.

Осмотрев «Сову», врач однозначно и требовательно заявил, что тот нуждается в немедленной госпитализации:

– На непродолжительное время... от трёх до пяти дней. Во-первых, следует понаблюдать состояние рёбер... нет ли смещения в области перелома в сторону жизненно-важных органов, а во-вторых, почти все ранения подвергнуты инфекции... грубо говоря, загниваются. Их надо тщательно обработать и основательно пролечить, кроме этого в области ушибов, гематомы слишком долго, судя по давности, держится настораживающая припухлость.

Вадим тут же запротестовал:

– Нет, нет! Никакой госпитализации. Мне надо домой. Срочно надо...

– А вас, – перебил его «Хан», – никто не спрашивает. Решать буду я, как несущий прямую ответственность за ваше состояние и как, пока ещё, ваш непосредственный командир.

– Ну, товарищ майор! – взмолился Вадим, в его голове сразу же закрутились мысли о Вале.

– Отставить! – резко остановил его тот, а потом повернулся к врачу и уверенным, требовательным тоном сказал: – Пишите направление.

Оно было готово в считанные минуты. Майор взял его, прочитал и, глянув на «Зиму», неотступно находившегося рядом с Вадимом, протянул его ему и приказал:

– Поручаю вам доставить его в госпиталь, определить и доложить мне.

– Есть! – чётко ответил тот, взял направление и, глянув на Вадима с теплотой, произнёс: – Пошёл вперёд.

Вадима сразу же охватило чувство огорчения. Отойдя от майора, он умоляюще посмотрел на сопровождающего его и уже хотел было начать разговор о непосещении госпиталя, но тот разгадал его намерение и твёрдо заявил:

– Вадим! Ты меня знаешь... Только госпиталь.

– Ну, Коль... ты же друг...

– А вот поэтому и решение моё такое, – перебил он. – Идём, братишка. Насчёт разжалобить... не получится. Лечись, ни о чём не думай, а всё остальное, то, что у тебя на сердце, беру на себя. К твоему возвращению картина будет дорисована, и ты сможешь оценить её в полном объёме. Ты только скажи... адрес Олега есть у тебя?

– Адреса нет. Где живёт, не знаю. Знаю только, что его отец является владельцем сети ресторанов и зовут его Виктором Андреевичем. А что ты хочешь делать?

– Поговорить с его сыночком по поводу той ложной телеграммы... Узнать, с какой целью он устроил в твоей семье переполох... Ну и каких результатов добился.

– Коля, оставь это. Я потом сам... Тебя семья зажда-лась... соскучились, побудь с ними, а я...

– Вадим! Тема для разговоров и дискуссий закрыта. Вон автомобиль подогнали, давай, поехали.

В госпитале его вновь осмотрели врачи, произвели рентгеноскопию, а Коля сидел и ожидал выхода врача. В это время в коридоре появился всё тот же майор. Увидев Колю, он, присев на скамейку рядом с ним, вопросительно посмотрел на бойца:

– А вы чего здесь, товарищ майор?

– Знаю я вас... марафетчиков. Должен сам убедиться во всём.

– Второй раз вы называете нас марафетчиками...

В это время их разговор был прерван выходом врача, и они оба встали, шагнув ему навстречу.

– Ну что я могу сказать, – начал тот, – ничего смертельного. С мелкими ранениями и ушибами мы справимся быстро, а вот с переломами рёбер придётся повозиться. Я удивляюсь, как он передвигается, да ещё и энергично, но, как понимаю, стиснув зубы?! Дело в том, что одно ребро почти касается лёгкого. Придётся его отодвинуть и поставить на место... На консилиуме поговорим. Если что... придётся лёгкое хирургическое вмешательство провести. Вот так! Он остаётся у нас, а вы свободны... товарищи военные.

Выйдя из госпиталя, майор сразу же уехал с докладом к начальству, а Коля попросил водителя отвезти его домой.

День выдался солнечным, безоблачным и закончился для многих благоприятно, исключая Вадима, который был крайне недоволен своим нахождением в госпитале и готов был убежать. Руководство выразило своё нескрываемое удовлетворение по поводу результатов работы разведывательной группы и уже дало

распоряжение о подготовке материалов к награде всех её бойцов. Они же своим благополучным возвращением безгранично порадовали свои семьи.

На следующее утро Коля заявил жене, что едет с докладом к руководству и, внутренне переживая, что первый раз в жизни солгал ей, сам, выйдя на стоянку, незаметно на номере машины из тройки сделал восьмёрку и так же подрисовал и изменил ещё одну цифру. Чтобы изменить внешность, надел парик, приклеил усы и родинку на правую щеку, сел в «Жигули», которые в своё время выменял на свой прежний автомобиль, и поехал в поисках Олега. Он решил заглянуть в первый попавшийся ресторан и поговорить с руководителями, они уж, наверное, должны быть в курсе крупных владельцев ресторанов, при том, что известно имя и отчество одного из них. Пробиваясь в автомобильных заторах, всё думал над тем, куда увезёт Олега для разговора, если найдёт его, и вдруг вспомнил свой семейный рейд за грибами. Тогда он видел заброшенный хуторок из пяти развалившихся изб, а на окраине былую кузницу без окон и дверей с разрушенным горном и покосившимся верстаком, на краю которого всё ещё держались заржавелые универсальные трёхпозиционные слесарные тиски с пустым отверстием и отсутствием в нём рукоятки, при помощи которой когда-то кузнец производил сжатие и разжатие губок тисков. Коля обрадовался пришедшей мысли и затормозил на площадке возле одного из ресторанов. Там о названной им личности никто из сотрудников не знал. Пришлось ехать ко второму. Результат оказался тот же, но всё же подсказали, хоть и неуверенно, адрес третьего ресторана, находившегося в трёх километрах на соседней улице. За-

ехал на парковку этого третьего и, зайдя в помещение, увидел бармена, тщательно протирающего полотенцем бокалы и фужеры. Подойдя к нему, Коля спросил:

– Руководство ваше на месте?

– Начальников у меня хоть отбавляй. Вам кто именно нужен? – отозвался бармен, не отрывая глаз от своих занятий.

– Ну-у... к примеру, Виктор Андреевич.

– Ого! Вы на самый верх взобрались. Здесь может быть только директор ресторана, а названного вами... офис в районе Мясницкой... Хотя главный... ну тот, которого вы назвали, должен приехать сюда.

– Это точно?

– Точнее некуда. Да вон в своей тачке ожидает и его сынок.

– Олег?

– Ну да... Олег, – бросил через плечо бармен, а потом глянул в сторону собеседника, но увидел лишь его спину при выходе из ресторана.

Выйдя на парковочную площадку, Коля обратил внимание на стоявшие автомобили. В одном из них увидел двух мужчин, сидевших на переднем сиденье, как вдруг следом вышел бармен и стал махать рукой, подзывая этих двух или же кого-то из них. Водительское окно опустилось и, высунув голову, молодой парень недружелюбно выкрикнул:

– Чего тебе?

– Олег! Мама ваша звонила. Просила, чтобы вы ей перезвонили. У вас телефон выключен, – сказал бармен и ушёл.

«Ага. Так вот ты каков!» – подумал Коля и, дождав-шись конца телефонного разговора Олега с матерью, по-

дошёл к его автомобилю, открыл заднюю дверцу и сел на сиденье. Сидевшие на переднем сиденье повернули головы с удивлёнными и вопросительными глазами.

– Тебе чего? – поинтересовался Олег. – Ты не ошибся ли, дружок?

– Вижу, вы бездельничаете, а могли бы хорошо за-работать... Есть одна не пыльная работёнка, – произнёс Коля. – Как смотрите?

– Не по адресу, – резко ответил Олег.

– За пять минут... по полтора куска баксов, – продол-жал Коля, надеясь заинтересовать.

Олег посмотрел на второго, сделал заинтересован-ное лицо, а потом перевёл взгляд на незнакомца и спросил:

– В чём заключается работа?

– Рожу начистить одному колхознику. Надул меня при продаже тачки.

– И всё?

– И всё.

– Как далеко этот колхоз?

– Километров сорок... не больше.

– Ну, что, Леон? Прокатимся? – спросил Олег у вто-рого и тут же добавил: – За пять минут три куска на двоих... Лишний раз у бати клянчить не буду.

Тот подумал, почесал затылок, потом кивнул голо-вой:

– Поразмяться можно. Я согласен.

– Деньги вперёд, – потребовал Олег.

Коля достал из кармана пачку пополам сложенных отечественных банкнот, первая из которых была сто долларов США, создавая видимость, что и остальные такие же, потряс ими в воздухе и положил обратно.

– Выполните работу... сразу на месте и рассчитаюсь.

– Ну ладно, – согласился Олег, а потом спросил: – А сам-то чего? Слабо?

– Я после операции. К тому же он меня видел при продаже тачки. Он сегодня собирается восстанавливать разрушенную кузницу, там его и дождёмся, а может, и застанем. Издали я вам покажу его, думаю, что он будет один. Ну что... едем?

– Поехали, – сказал Олег. – Как зовут-то?

– Тогда вы за мной... Олегом зовут, – бросил на ходу Коля и пошёл к своей машине.

В пути он раздумывал над тем, как поступить с Олегом и Леоном. О подлости первого слышал много, а кто таков второй, для него было неизвестно.

Олег и Леон, следуя за автомобилем нанимателя, тоже думали о своём.

– У меня такое предчувствие, Олежка, что нас разведут... Три тысячи баксов за один мордобой? И посмотри, кто платить-то будет... Одетый по бечёвски, ездит на дряхлом драндулете...

– Конечно, всё это настораживает, – оборвал его Олег. – Но всяко бывает. Пачку денег видел? Ну-у... допотопная тачка и его одежда ещё ни о чём не говорят. Обида гложет мужика. А может, он решил таким образом пострадать покупателя и вернуть часть денег? По ветру нос будем держать. Слушай... Может, мы возьмём всё, что у него есть? Сделаем так... Свою тачку я поставлю подальше от того места, где будем мордобоить. Отбуцаем того колхозника, а при расчёте посмотрим... Если у этого, – он кивнул на впереди движущийся автомобиль Коли, – будет оставаться много денег, а надо думать так и есть, я запах денег чую за версту... перо в

бок и ходу, а при разборке всё перейдёт на него... хотя он уже никому ничего сказать не сможет. Мы же остаемся в тени. Одобряешь?

Леон подумал недолго и ответил:

– Одобряю, но мне одно не понятно. Ты... что... хочешь замочить и колхозника?

– А ты хочешь, чтобы нас опознали? – И Олег вытащил из-под сиденья нож. – Вот возьми... Я его про запас всегда вожу... Да постарайся постоянно находиться у заказчика сзади. Я подам тебе знак... кивну головой, а ты сразу ему в бок. Ну, а спереди я ему всажу.

– А у тебя перо есть?

– Вот, – и он достал из кармана большой нож с выбрасывающимся лезвием при нажатии на кнопку. – О! Он поворачивает, – воскликнул Олег, глядя вперёд на «Жигули».

Коля свернул с просёлочной дороги и поехал по лесной просеке. Через километр свернул вновь на просёлочную и спустя десять минут въехал в опустелый безлюдный хутор. Остановившись возле бывшей кузницы, он заглушил мотор и вышел из машины, заглядывая в кузницу, создавая видимость, что кого-то ищет. Тем временем Олег, остановив свой автомобиль в сорока метрах, хлопнул Леона по плечу и, глядя, как мечется заказчик, произнёс:

– Пора, брат. Подойдём к нему. Похоже, колхозник и здесь его надул. Не видать его вовсе.

– А если вообще его не будет...

– Тем лучше для нас, – перебил его Олег, – замочим этого и спокойно уедем. Видишь... глухое место, свидетелей нет, деревья промолчат, вороны, вон, видишь, сидят на сосне... тоже. Пошли.

Вышли и направились к кузнице, а в кармане, тем временем, незаметно раскладывали ножи.

Возле верстака их ожидал Коля. Обладая тонкой наблюдательностью, карманная возня Олега и Леона не прошла мимо него, – смекнул, что в кармане каждого есть холодное или огнестрельное оружие, поэтому был начеку.

– Ну и где твой колхозник? – спросил Олег, подходя спереди, а Леон зашёл сзади.

– Должен был быть. Подождём малость, – ответил Коля и добавил: – Вон к той крайней покосившейся избушке должен подойти, а после сюда.

«А нам зачем этот колхозник? Не хватало ещё ожидать его, – не терпелось Олегу. – Завалим этого, и делу конец».

Коля был сосредоточен, не показывая это внешне. Заметил, как Леон, якобы осматривая кузницу, приблизился к нему на расстояние двух шагов, и в этот момент Коля резко повернулся, да так внезапно, что Леон от испуга отпрянул назад.

– Не стой сзади. Я этого не люблю... Ненароком могу сделать тебе больно, – предупредил он.

Леон попытался улыбнуться, но улыбка получилась кривая, вымученная, он невнятно пролепетал:

– Да я... без всяких... просто хотел...

Олег, видя, что замысел провалился, воспользовавшись тем, что, как ему показалось, Коля отвлекся разговором с Леоном, молниеносно выхватил нож и сделал выпад вперёд, направив острие в область живота, но Коля успел сделать шаг назад, тем самым уйти от ножа, одновременно нанеся удар рукой по локтевому сгибу Олега, отчего тот, потеряв устойчивость, упал ря-

дом с верстаком. Леон, тем временем, напал сбоку, но получив удар в подбородок, выронил нож и упал, развалившись на полу кузницы, как боксёр на ринге после нокаута. В этот момент вскочил на ноги Олег и разъяренный с ножом в руке бросился в атаку. Коля снова резко уйдя от удара ножа повернулся и ребром ладони ударил в затылок Олега, отчего тот распластался на пыльном полу. Коля, подойдя к обоим, забрал ножи, а их связал по ногам и рукам. Присев на верстак, смотрел, как медленно приходят в себя нападавшие.

Первым стал пытаться подняться Олег, но поняв, что попытки напрасны, стал жалобно смотреть на противника.

Медленно приходил в себя и Леон.

Коля, назвав их болванами и авантюристами, из-за жадности стремящимися к завладению чужим имуществом и финансами, прочитал им короткую лекцию о добре и зле, о неуживчивости их в человека, а потом решил перейти к основной теме, ради которой он здесь и находился. Его в основном интересовал ответ на вопрос: кто состряпал ложную телеграмму от имени жены брата Вадима, и уже было открыл рот, чтобы задать его, но Олег опередил, прищурив глаза, спросил:

– Где же твой колхозник? Судя по твоему поведению, ты его вовсе не ожидаешь?

– А его вовсе нет. Это была наживка на крючок, который вы оба проглотили.

– А мы-то зачем понадобились тебе именно здесь? Вообще не врубаюсь.

– Поговорить по душам хотел, но вы, воспользовавшись окружающей глухоманью, помешали этому, и хотели убить меня, забрать деньги... Такое даже в вашем

преступном мире считается подлостью и подлежит безоговорочной ответственности...

– Что ты хочешь с нами сделать? – забеспокоился Олег, перебив Колю. – Давай договоримся?! У меня есть деньги... много денег...

– погоди ты о деньгах. Сначала о том... зачем я вас сюда, как говорится, заманил. Ты должен мне честно ответить на мои вопросы, касающиеся Вадима, Белой Церкви, телеграммы и Вали Залегиной. От этого будет зависеть и строгость наказания... Либо я вас оставлю в этом же состоянии в живых, а вы попытаетесь помочь друг другу освободиться, либо обложу вот эту кузницу... вместе с вами... сухой травой и подожгу. Выбирайте.

Олег с Леоном переглянулись и, не понимая, почему незнакомец интересуется Вадимом и Валею, сделали глупые мины на лицах.

– Это кто такие? Может, ты ошибся в выборе? – попытался возмутиться Олег.

Коля не ответил на его вопрос, молча встал и начал собирать сухую траву и обкладывать снаружи деревянные стены кузницы. Олег и Леон забеспокоились, задёргались.

– Э-э! Ты! Как тебя? Ты что делаешь? – закричал Олег, обращаясь к Коле.

Тот, не говоря ни слова, продолжал начатое. У Леона глаза расширились, лицо от страха перекопилось, и, приподняв голову, он зашипел Олегу:

– Позови его и расскажи, не то сгорим в этом сарае. Слышь... Олег?

– Заткнись. Он пугает, – ответил тот, сию минуту подняв голову и посмотреть на собиравшего траву.

Видя пугающую упёртость Олега, Леона охватил страх, и он закричал:

– Э-э! Человек! погоди! Я всё расскажу, ты только не делай этого! Прошу тебя!

Коля бросил в общую кучу пучок травы и вернулся в кузницу. Присев на край верстака и облокотившись на тиски, посмотрел на связанных и произнёс:

– Я слушаю.

Олег свирепо впился глазами в лицо Леона, а тот, не глядя на него, выпалил:

– Телеграмму Олег состряпал. За бабки он раздобыл все сведения о Вадиме в учебной части по месту его учёбы, а я доставил её и следил за отъездом Вадима...

– Заткнись, сволочь! – Перебил его окриком Олег. – Я тебе язык отрежу, попомни.

Коля поднялся, подошёл к своему автомобилю, достал из багажника рулон скотча и, подойдя к Олегу, отрезанной лентой закрыл ему рот. Вернувшись на своё место, произнёс в сторону Леона:

– Продолжай и скажи мне, с какой целью всё это делалось? Только имей ввиду, что дальше я всё знаю, а сейчас хочу узнать, насколько ты искренний.

Конечно же, он ничего не знал, а своим предупреждением Леону решил использовать в целях получения как можно подробной информации о тех событиях, неизвестность которых так мучила его друга Вадима.

Леон же, считая, что так и есть, что Валентина могла рассказать ему, не скупился на освещение всех подробностей происшедшего, начиная от самой подготовки до ухода после всего случившегося из квартиры. Коля в ужасе слушал, гнев закипал в его груди.

Олег попытался несколько раз своим мычанием остановить Леона, но тот не обращал на него внимание. Когда рассказ был закончен, Коля соскочил с верстака и, ломая пальцы, стал ходить по кузнице. «Что скажу Вадиму? Как объясню? – размышлял он. – Нет! Не буду ничего говорить. Надо будет, Валя сама ему всё скажет. А с этими я разберусь сам, по-своему, по-мужски. Сделаю так, что они сами себя накажут»

Остановившись возле верстака и глядя на тиски, у него вдруг родилась мысль о характере возмездия, для большей уверенности он это назвал самонаказанием. Осмотрев тиски и потрогав их, пришёл к выводу, что они вряд ли работоспособны из-за застарелой ржавчины. Но, не сдаваясь, он взглядом стал рыскать по полу с целью найти что-либо металлическое, что может послужить вместо рукоятки заставить двигаться губку тисков.

Возле того места, где когда-то находились горн для нагрева металла и наковальня, от которой остался лишь толстый деревянный обрубок, он увидел кусок арматурины. Подняв и воткнув его в отверстие, предназначенное для рукоятки, стал пытаться оживить работоспособность губок. Спустя пять минут они начала двигаться, но на самое короткое расстояние. Коля упорно продолжал начатую работу, а Олег и Леон в ужасе смотрели, теряясь в догадках.

– Слышь... добрый человек! – обратился к Коле Леон, сделав умоляющее лицо. – Отпусти меня. Я ведь в этом деле как бы второстепенный. Все организовывал и делал Олег... Да и я всё рассказал без утайки. Смилуйся... отпусти!

– Смилуйся? А жизнь поломали девчонке и её парню... это ничего? Можно и простить? Ты такой же

соучастник, как и он. Только он дирижировал, а ты слепо исполнял. Даже и здесь, когда этот, урод, кинулся на меня с ножом, ты ведь тоже это сделал. Я представляю, что вы оба со мной сделали бы, не утихомирь я вас. За то, что ты рассказал всё, как было, я дарю вам обоим жизнь, но отвоёвывать её будете сами, если сможете.

– Кто ты? Брат Валькин... приятель или...

– Не гадай, Леон. Я не тот и не другой. Меня ты и этот урод, – Коля кивнул на Олега, – если, конечно, останетесь живы и встретите на улице, узнать не сможете. Я послан Господом нашим бороться со злом, творящимся среди людей, наставляя заблудших на путь истинный, а таких, как ты и Олег, ведущих греховно-порочную жизнь, игнорирующих заповеди Божии, запутавшихся в тенетах зла и коварства, посягающих не только на имущество людей, но и на их жизнь, ждёт гиена огненная. Вы оба должны понести заслуженную кару, и час расплаты наступил. Если останетесь живы, а жизнь ваша будет в ваших руках... и если после сегодняшнего дня будете продолжать злодействовать... погибнете в одночасье, – закончил Коля певучим голосом священника, и сам удивился этому.

– Ты что задумал? – с тревогой в голосе и со слезами на глазах спросил Леон, а Олег всё мычал, пытаясь что-то сказать.

Коля не ответил на его вопрос, а, повернувшись к своему автомобилю, молча пошёл к нему. Спустя минуту вернулся с тонкой верёвкой в руке, бросил её рядом с тисками, а потом подошёл к Леону, схватил за шиворот, приподнял и поставил на ноги передом к тискам.

– Не знаю, что ты хочешь сделать, но прошу тебя... прости и оставь нас в этом же состоянии, – дрожащим голосом промолвил Леон.

Спустя несколько секунд лицом к лицу стоял и трясущийся Олег. Чуть ниже пояса их разделяли тиски, разинув железную пасть со ржавыми губками. Взяв верёвку, Коля крепко связал ноги к ногам Олега и Леона, а затем взял нож Олега, подошёл к нему, разрезал поясной ремень и срезал пуговицы на брюках. Остриём ножа он опустил всю одежду до колен. Леон, видя всё это и поняв, что их ожидает, стал неистово кричать, что заставило Колю прибегнуть к заклейке ему рта скотчем. После этого всё было им проделано то же самое, что и с Олегом. Теперь они оба в оголённом виде в районе половых органов стояли друг перед другом. Коля подошёл к Олегу и ножом разрезал путы рук, а потом это же проделал и с Леоном. Те в недоумении всё мычали, пытаясь что-то сказать, и умоляющими глазами смотрели на Колю.

– Тихо! – прикрикнул он. – Теперь внимательно слушайте меня. Каждый из вас берёт в руки своё мужское хозяйство и закладывает в губки тисков. Кто не выполнил моего требования, тому я сразу же всаживаю в бок нож. Я тихонько зажму тиски. Это не больно... и делается для того, чтобы вы не сбежали после того, как я уеду... Начали!

Оба дрожащими руками под звуки собственного мычания исполнили требование, а Коля мигом зажал губки, да так, что двинуться в любую сторону было невозможно, и отбросил в сторону примитивную рукоятку. После этого он положил их ножи рядом с тисками, а сам присел на подставку наковальни и стал

смотреть на обоих. Вспомнив, что в кармане его пиджака лежит портативный фотоаппарат, достал его и сделал несколько снимков, запечатлев вид насильников Валентины.

– Так лечится хроническая болезнь отвратительных пороков, – сказал он. – Значит, так... Валя об этом ничего не знает и знать не должна. В прокуратуру о привлечении вас обоих к уголовной ответственности она обращаться не будет. Я сейчас поджигаю стены... ножи рядом с вами, хотите жить, отрезайте своё хозяйство и свободны на все четыре стороны. Не сделаете этого, сгорите в огненной гиене. Всё понятно? Оба сильно замычали и заплакали. Коля поднялся, ещё раз посмотрел на них, потрогал надёжность связок и, уходя, спросил:

– Аптечка есть в вашем автомобиле?

Они продолжали мычать, из чего невозможно было понять – «да» или «нет».

– Если есть, – кивните головой и я её приготовлю, а нет... подручные средства годны. Ну, бывайте. Больше к женщине вас не потянет. Но этого вы заслужили.

Олег закивал головой, умываясь слезами, и всё мычал. Через минуту запахло гарью, повалил дым, и стены кузницы охватил яркий огонь. Коля сел за руль своего автомобиля и подъехал к оставленной в стороне машине Олега, в ней нашёл аптечку и положил её на капот, а после этого вернулся в свой автомобиль, сделал круг и заехал с другой стороны хутора, там остановился в кустах и стал наблюдать за происходящим.

Всё ветхое строение кузницы охватило пламя. Дым тёмно-серого цвета высоко поднимался в небо. «Если эти уроды поступят так, как я им советовал, то даже в

этой ситуации шансы на спасение есть. С торца строе- ния стена вовсе отсутствует, и это в их пользу», – подумал Коля и тут увидел выбежавшего Леона. Он что- то кричал. За ним следом выбежал Олег. Расставив ши- роко ноги и прижав брюки к низу живота, они двига- лись к своему автомобилю, а когда дошли до него, оба сели на землю, взяв аптечку, стали заниматься само- врачеванием. То, что они делали, Коле не было видно из-за высокой травы, растущей рядом в том месте.

Спустя минут десять они медленно сели в машину и уехали.

Убрав всю маскировку с автомобиля и с себя, Коля тоже поехал в том же направлении. Выехав на ожив- лённую дорогу, добавил газу и вскоре увидел автомо- биль Олега, движущийся впереди через три машины. Он не стал обгонять, ехал помедленнее.

При подъезде к Москве находился на расстоянии чуть более ста метров от автомобиля Олега и увидел, как на посту ДПС инспектор остановил Олега. Тогда Коля притормозил и занял крайнюю правую полосу и остановился на обочине, для вида поднял капот, создавая видимость мелкого ухода за двигателем, а сам из подлобья наблюдал за происходящим возле поста.

Инспектор проверил документы Олега, обменяв- шись с ним несколькими фразами, заглянул через опу- щенное стекло в салон, особо остановив свой взгляд между рулевым колесом и водителем, вернул доку- менты и отошёл, глядя на движущийся автотранспорт. Коля сел в автомобиль и начал движение, но его оста- новка не прошла мимо цепкого глаза инспектора. До- ждавшись приближения автомобиля, он поднятием

жезла потребовал остановиться. Коля вместо води- тельского удостоверения предъявил служебное.

– Капитан, это я не ради того, чтобы вы не прове- ряли меня, а чтобы не тратили на меня драгоценное время, – улыбаясь, сказал он.

Тот ничего не ответил, махнул рукой и отошёл. Ему навстречу шёл из будки ДПС лейтенант.

– Представляешь, лейтенант, сейчас остановил ино- марку, а в ней два чудика, и оба в кровище в области грешных мест... Объяснили укусом собак, – услышал Коля слова гаишника, отъезжая.

Нажатием на педаль управления дроссельной за- слонкой карбюратора, хоть и старый, но юркий «Жи- гулёнок» умчал Колю следом за автомобилем Олега. Его интересовало, что предпримут самопокалеченные? Обратятся ли за медицинской помощью или же зай- мутся самолечением в домашних условиях. Спустя ми- нут десять, Коля понял, что всё-таки решили обра- титься к медикам. Автомобиль Олега проскочил мимо станции метро «Щукинская» и направился в сторону городской больницы № 67, пересёк проспект Жукова, попетляв с учётом дорожных знаков по улицам, и под- катил к корпусу больницы.

Коля видел, как вышли из машины Олег и Леон, рас- топырив в стороны ноги, направились к двери при- ёмного покоя, что-то зло говоря друг другу, размахивая руками.

Остановив автомобиль, Коля эту сцену тоже заснял на плёнку, и, сделав получасовую выдержку, вошёл в приёмный покой. В коридоре Олега и Леона не было. Возле каталки, на которой лежал старик, стояли муж- чина и женщина, тихо о чём-то разговаривая. И тут

резко открылись двери и прямо возле Коли один за другим из кабинета вывезли Олега и Леона. Глаза встретились, но ни тот, ни другой Колю не узнали. Санитары повезли их по длинному коридору в операционную. Коля уже хотел было уходить, как из одного из кабинетов вышла девушка в белом халате.

– Простите! – обратился он к ней. – А, что с этими парнями, – кивком головы показал в сторону удаляющихся каталок.

– Что, что? Собаки покусали. Так они говорят, а на самом деле очень даже не похоже. А вам это зачем? – спохватилась девушка.

– Просто так спросил. Молодые парни и на каталках. Извините за любопытство, – ответил он, и они разошлись в разные стороны.

Возвратившись к автомобилю, Коля сел за баранку и застыл в раздумье. Его радовало, что возмездие, при помощи врагов общества, как мысленно называл он Олега и Леона, совершилось, и теперь надо принять решение, что делать дальше: ехать к Вадиму и доложить ему о проделанной самоуправной работе или же направиться к Вале и сообщить ей, что Вадим в госпитале, а заодно невзначай поинтересоваться причиной похолодания отношений между ними, особенно с её стороны. Размышляя, выбрал второе и поехал к месту работы Валентины.

Застал её за подшивкой судебных материалов.

Увидев незнакомца и посчитав его потерпевшим по одному из той массы дел, находившихся в производстве судьи, спросила:

– Вы по какому делу?

– По личному, Валя, – ответил Коля, добродушно улыбаясь, – я друг и сослуживец Вадима.

Услышав это, она вся изменилась в один миг, лицо порозовело, глаза зажглись пламенем неугасимой любви, и посыпались вопросы:

– Где он? Как он? Он приехал?

– А у вас есть желание его увидеть? – с намёком на прошлые её отношения, спросил Коля.

– Я давно его жду... очень... Как вас зовут? Очень и очень хочу.

– Я Николай. А Вадим сейчас в госпитале...

– Где? Здесь в Москве? Или... Что с ним? Я хочу его видеть. Коля, помогите мне. Я так виновата перед Вадимом... Где он?

– Здесь в Москве. Если хотите... я вас к нему и обратно отвезу? Я на автомобиле.

– Господи! Не зря у меня сердце болело. Я чувствовала это. Что-нибудь серьёзное?

– Пустяки. Царапины и ушибы. Он, Валя, настоящий герой. Вы можете гордиться им... Ну что... Поехали?

– Едем, едем. Я сейчас быстро... отпрошусь у судьи и буду у Вадима допоздна. Благо, на сегодня судебных заседаний нет, – её глаза сияли, лицо наполнилось необыкновенной оптимистичной энергией. Валентина пулей выскочила из кабинета и побежала по коридору. Зазвучал удаляющийся стук её каблучков, Коля улыбнулся, – был рад, что повезёт Валю к Вадиму, и что выступил сегодня в роли прокурора, судьи и исполнителя, жестоко наказав преступников, хотя и понимал, что его действия являются противозаконными и самоуправными, но теперь был уверен, что те отныне будут вести себя в обществе тише воды и ниже травы. Сослуживцы давно замечали за ним наличие явной нетерпимости ко

всему несоответствующему устоям морали и преступным посягательствам в отношении людей. Даже в одно время, когда вспыхнул взрыв преступности и расцвела в полную силу коррупция, предлагал создать подпольную организацию, похожую на «Белую стрелу», о которой рассказывали кинофильмы. Нетерпимость к злу обнажилась у него и сейчас, когда удался случай отомстить за своего боевого друга и его любимую девушку.

По коридору вновь застучали каблучки, и сияющая Валентина влетела в кабинет, задыхаясь от близости встречи с любимым, с порога выпалила:

– А вот и я! Едем!

В пути Коля видел, как нетерпеливо ломала пальцы Валя. Ей хотелось не сейчас, а немедленно увидеть любимое лицо человека, по которому всё это время страдало её сердце. Вся полна самых радужных надежд, Валя не могла скрыть своё резко взвинченное состояние. Какая-то непонятная тревожность, что ожидает впереди, – волновало её и беспокоило. Шепча что-то губами, она как будто умоляла автомобиль двигаться быстрее.

– Валя, – спокойным голосом обратился к ней Коля, видя её состояние. – Я хочу вам сказать, что Вадим этой встречи ожидает ещё сильнее, чем вы. Он вас безмерно любит и очень страдал всё это время.

Лёгкое смущение пронеслось по лицу девушки, раскрасневшиеся неожиданно щёки выдавали с головой её чувства. Она посмотрела на Колю, его поразили удивительные глаза, что при надвигающемся вечернем закате показались ему фиалково-серыми. Валя ощутила спокойствие, почувствовав, что рядом сидит настоящий друг Вадима, который никогда его не предаст, промолвила:

– Спасибо вам, Коля. Я рада, что у Вадима есть такой друг как вы, – потом немного помолчав, спросила:

– А Вадим знает, что вы везёте меня?

– Нет, конечно. Я сам решил это сделать, зная, какую необъятную радость принесу этим своему другу, и это будет действеннее всех медикаментов. Из его скудных слов я понял, что вы расстались, а он всё мучился над причиной, но так и не нашёл её.

Валя опустила глаза, грусть пробежала по её лицу, но взяв себя в руки, чтоб не раскиснуть, не расплакаться, она мысленно собралась и коротко пояснила:

– Было такое. Я виновата. Судьба слишком жестоко обошлась со мной.

«Девочка дорогая, я ведь знаю больше тебя, что происходило, как ты пострадала, и что в этом виноваты Олег, Леон и Ада... твоя подруга, оказавшаяся непревзойдённой стервой», – подумал Коля, при этом его карие глаза сверкнули огнём, губы сжались от гнева и возмущения, что пронизали всё его тело. Он стукнул кулаком по баранке и во всю силу своего кавказско-украинского темперамента произнёс:

– Мои кавказские и украинские родные и близкие кровью смывают нанесённую обиду.

Не понимая, к чему это он с таким гневом сказал, Валя спросила:

– А вы кавказец?

– Наполовину. Мама черкеска, а отец украинец.

Валя глянула на черты его удлинённого лица, в подтверждение кавказско-украинской внешности говорили чёрные волосы и такие же брови, нос с горбинкой, тонкие губы и широкий подбородок. Девушку затронули слова о смывании кровью нанесённой обиды, и она спросила:

– А вы к чему сказали об обиде?

Коля, закусив губу и помолчав несколько секунд, уклончиво ответил:

– Просто так.

– Коля, вы, как мне показалось... не договариваете! Скажите! Не обижайте меня.

– Ну хорошо, Валя... Всё, что с вами произошло... я знаю до мельчайших подробностей. Те два урода поплавились. Теперь подобное они не смогут совершить на всём протяжении своей жизни. Меня вы больше ни о чём не спрашивайте... Всё равно ничего не скажу. А сказать или не сказать о происшедшем Вадиму... это вы решайте.

Сказанное и услышанное больно ударило по сердцу Валентины. Она вся зажглась огнём, стыдливо опустила голову, сжала до хруста пальцы, не в силах сдерживать накатившиеся слёзы, что предательски потекли по щекам.

Увидев это, Коля тихо сказал:

– Я не хотел сделать вам больно... напомнить то страшное, что вы пережили, но ваша настойчивость вынудила меня. Ради Бога, простите.

– Они убиты? – поинтересовалась Валя, и в её голосе прозвучало заметное удовлетворение.

– Живы, но они уже не мужчины. Всё, Валя, мы приехали... Я хотел бы, чтобы наш разговор остался между нами. Могу надеяться?

– Можете. Такие друзья, как вы, Коля, бывают только в сказке, – сказала она, выходя из машины.

Преодолев все запреты и преграды, Коля вёл Валю по широкому коридору к палате Вадима. Приторно ударяло в нос медикаментами и другими специфиче-

скими запахами. Но Валя их не замечала, точнее, не обращала на это внимание. Её мысли были заняты совсем другим. Как она встретится с Вадимом? Что скажет ему? Перед глазами в это время всплыла картинка из прошлого, когда она настоятельно требовала, чтобы он ушёл из квартиры, а её мать противилась этому. Это было главное, что в первую очередь надо объяснить Вадиму. Но солгать она не могла и сказать правду колебалась, боясь истиной случившегося навсегда отторгнуть свою любовь. Мечась в вопросах – быть или не быть, сказать правду или утаить, унеся с собой в глубину лет, она вдруг вспомнила, что обо всём теперь знает Коля, а он закадычный друг Вадима и без сомнений когда-то расскажет ему, если уже не рассказал, поэтому почти возле самой палаты твёрдо решила признаться, что она уже не девственница, и её целомудренность не может принадлежать ему.

Коля, распахнув дверь, уважительно пропустил Валю вперёд, та, шагнув в палату, резко остановилась. Ею овладела нерешительность и глубокое чувство вины перед Вадимом, который лежал на больничной койке у самого окна лицом к нему. Слева и справа на стоявших у стен койках сидели двое больных. Увидев вошедших, особенно обратив внимание на растроганную девушку, быстро поднялись и вышли из палаты.

– Вадим, – тихо произнесла Валя, по щекам которой ручьём побежали слёзы.

Он вздрогнул и, не поворачиваясь, поднял от подушки голову, а спустя несколько секунд вновь опустил её на подушку, посчитав услышанное галлюцинацией.

Валя сделала несколько робких шагов к Вадиму, а он, услышав шаги, повернул голову и от неожиданно-

сти застыл. Увидев самых дорогих его сердцу людей, Вадим привстал и медленно сел на койку.

– Валя?.. Коля?..

Валя бросилась к нему, села рядом и, обхватив голову любимого руками, стала целовать лоб, щёки, глаза и губы. Он жадно обнял её, привлёк к себе и осыпал поцелуями свою желанную, милую девочку. Слеплённый нахлынувшим счастьем, Вадим забыл обо всём на свете, даже о том, что вчера перенёс, пусть не самую сложную, но всё-таки операцию по размещению двух рёбер на свои места, и даже появляющаяся от резких движений боль ему казалась приятной и малоощутимой.

– Валечка... родная моя... любимая, – шептал он ей на ушко, а она отвечала ему тем же.

Стоявший и улыбающийся возле двери Коля не выдержал столь неожиданной сцены и произнёс:

– Вадим Павлович... Валентина Ивановна, пора уже уделить минутку внимания и постороннему человеку, с нетерпением ожидающего приёма.

Те повернули к нему полные радости и какого-то блаженного вида лица и, не выпуская из рук друг друга, улыбались.

– Друг ты мой дорогой, – начал с заблестевшими глазами Вадим: – Ты в моей... в нашей жизни... посторонним никогда не будешь. Спасибо тебе.

– Минутку! А мне-то за что? – спросил тот, сделав удивлённое лицо.

– За счастье, Коля... За счастье, которое я сейчас держу в своих руках.

– И от меня спасибо, – вставила Валя и сразу добавила: – И самый низкий поклон. Вы, Коля, не друг Вадиму, а брат... И мне тоже.

– Да ладно вам... В краску меня вогнали... Я ведь ничего такого сверх естественного не сделал, а всего лишь привёз вас, Валя, к своему другу...

– Не только, – оборвала его Валя. – Ещё есть огромная ваша заслуга...

– Валечка... – теперь он её перебил, пытаясь увести разговор в приятное русло. – Давайте, если не возражаете, перейдём на «ты»? Согласны?

– Целиком и полностью, – ответила радостно Валя и сразу же поставила все точки над «i»: – Пока я общаюсь с лечащим врачом Вадима... а я хочу прямо сейчас забрать его домой... Вы... прости, Коля... это от непривычки и уважения... Ты Вадиму расскажи всё... У меня, боюсь, не хватит ни сил, ни смелости... А ты, Вадим, – обратилась она к нему, поднимаясь с койки, – после уже реши мою судьбу.

Валя, ошарашив этими словами Вадима, простучала каблучками по полу и скрылась за дверью. Коля взял стоявший у стены стул, поставил и сел рядом с койкой Вадима. Окинув его взглядом, произнёс:

– Не знаю... будешь ли ты доволен моими действиями, но я лично результатом удовлетворён.

– Ты считаешь, что я что-то понял? – промолвил Вадим, глядя в лицо друга.

– Хорошо. Начну с телеграммы и закончу своим визитом сюда, к тебе, – сказал тот, понизив голос.

До самых мелочей, которые ему были известны, рассказав Вадиму о происшедшем с Валеёй, он достал фотоаппарат и показал снимки, запечатлевшие Олега и Леона. По мере того, как Коля рассказывал, лицо Вадима оживлялось, становилось строгим и мстительным, а когда друг закончил рассказывать, он потупил

голову, погружившись в мысли. В своём сознании ни в чём не виня Вальку, считал её пострадавшей от этих негодяев, но то, что сделал с ними Коля, ему показалось мало.

– Я их прикончу. Они не должны жить, – заявил он и решительно посмотрел на друга.

– Должны, Вадим. Должны жить в постоянных муках, помня о своих злодеяниях. Это наказание тяжелее, чем мгновенная смерть. Они никогда не смогут ощутить близость женщины... стало быть и жениться не смогут. Их до самой смерти ожидает тягостное, непереносимое угнетение, муки и страдания. Такое состояние, как правило, приводит либо к замкнутости навечно и постоянному уклонению от людского общения, либо к суициду. Поэтому ты должен успокоиться и забыть об этих подонках. Именно для этого я и старался. А вот с Валеёй... тебе решать.

– А нечего решать. Она моя... была, есть и будет до самого последнего моего вздоха. Она ведь не предала меня, а всё, что произошло, не по её согласию, а по воле этих гадов... Спасибо тебе, Коля. Ты настоящий друг, а точнее, как сказала Валя, брат.

Они молча смотрели друг на друга преданными глазами, а потом подняли правые руки и их кисти соединились в хлопке и рукопожатии.

Бегство от людей

Олег, находясь в одной палате с Леоном, не мог переносить его присутствие. Считая его предателем, он носил в себе нескрываемую ненависть и вражду к нему. Леон же в очередной раз попытался сделать шаг к примирению, но сразу же нарвался на колкость.

– Отвали от меня... Видеть тебя не могу. Попроси врача... пусть переведёт тебя в другую палату, не то я когда-нибудь задушу тебя, – сказал с угрозой Олег.

– Ну чего ты злишься? Неужели не понял, что наш мучитель всё знает... Валька ему всё рассказала. Что мне оставалось делать, чтобы спасти жизнь тебе и себе?.. Только признаться, а точнее, покаяться. Не то он убил бы нас. Ты же видел его решительность.

Олег оставался при своём мнении, его непреклонность и напористость толкали к исполнению вжившегося желания отомстить Леону. В его мозг надолго вселились слова Леона о том, что инициатива, организаторство и непосредственное руководство в сочетании с исполнением всего, что произошло с Валентиной, принадлежит только ему, Олегу, что и побуждало к действиям. Его врагом номер один стал не тот мучитель, действия которого он считал правыми, а Леон, распустивший свой язык.

Будучи не равнодушным к спиртному, Олег частенько вперемешку с медикаментами закладывал за воротник, чем вынуждал лечащего врача дважды объ-

явить ему предупреждение о выписке из больницы. Несдержанность и язвительный тон молодого человека раздражал врача и, наконец, заставил написать докладную главному врачу, который провёл с нерадивым больным воспитательную беседу, в ходе которой строго предупредил о принятии вынужденных мер, связанных с выпиской из больницы за систематическое нарушение режима лечения. Этого хватило на два дня. Лечащий врач обрадовался изменению в поведении Олега, даже дал дельный совет:

– Надо подыскать донора и произвести пересадку полового органа, чем восстановится мужская боеспособность... Как вы? Согласны?

– А это возможно? – живо заинтересовался тот.

– Возможно. Конечно, если бы вы привезли то, что осталось в зубах собак... значительно облегчило бы решение вопроса, а в моём предложении есть одно но... Приживётся ли? Или организм отторгнет? Однако медицинская практика знает много подобных случаев с положительным результатом.

– А где я найду такого донора? Кто на это согласится?

– Погибают мужчины разных возрастов. Они и могут быть донорами. Главное, ваше желание, и для этого нельзя запивать таблетки спиртным.

Олег, превративший свою сумасбродную и развратную жизнь в вакханалию, не замечал, что она бесплодно проходит мимо, а сейчас, когда врач приоткрыл окно надежды, воспрял духом, загорелся достижением предложенной цели. Скрываемая под внешней элегантностью подлость, жестокость и весь остальной негатив как бы утонули в нём, и он, хоть не на долго, увидел себя совер-

шенно в другом качестве: добрым, покладистым и отзывчивым. Ему вдруг захотелось совершить что-то хорошее, за что обычно высказывают тёплые слова благодарности. Однако не прошло и нескольких минут, как всё изменилось. Он стал холодным и отторгающим от себя собеседника. Уголки его губ дрогнули, лицо изменилось искривлённой холодной улыбкой, он глянул на врача недоумевающим взглядом и произнёс:

– И что, я должен сидеть в морге и ожидать, когда привезут упомянутого вами донора? А не лучше ли самому завалить... отрезать необходимую запчасть, а потом принести вам, чтобы вы приштопали?

– Грубо, глупо и отвратительно, моё дело вам разъяснить, а ваше решать. Вы же вместо серьёзного отношения к самому себе несёте вздор и бессмыслицу. Я удивляюсь, как этот пёс не откусил вам и язык! – сказал врач и вышел из палаты.

Олег посмотрел ему вслед и смачно резко сплюнул на пол, а потом перевёл взгляд на сидевшего на своей койке Леона. Тот, движимый любопытством, молча наматывал на ус слова врача. Выражая неукротимую злобу, Олег сквозь зубы процедил:

– Чего вылупился? Беги в морг за запчастью... Ишак бухарский...

– Олег! Может хватит? – резко оборвал его Леон. – У меня может терпение лопнуть и ненароком вышибу тебе зубы. Я долго терпел... Отныне не буду... Попробуй ещё раз оскорбить или унижить меня.

– Ох! Ох! Какие мы сердитые, да сильные! – с ехидством отпарировал ему тот.

Неуёмный индивидуализм Олега, несмотря на его ответ, пошатнулся, и он скользнул взглядом по нака-

чанной фигуре Леона, его крупным бицепсам, широким бульдожьим скулам, – само собой пришло на ум: «А он покрепче меня. Посильнее».

– Я тебя предупредил, а делаю я это всегда один раз. На второй... бью в харю. Хочешь дружить?! Веди себя как человек, а не как узурпатор. Не хочешь? Дело твоё. Тогда не лезь ко мне. Я долго терпел и молчал. Больше не буду. Понял?

– Для того, чтобы умело управлять силой, чувствами и умением, нужен рассудок...

– Не бойся... Я его не потерял. Это ты его лишился. Всё... отвали, – перебил его Леон и отвернулся.

– Чего вы грызётесь? Успокойтесь... – вклинился Вася, больной с третьей койки. – Оба пострадали одинаково, а ведёте себя как враги. Интересно, где это вас так одинаково Бог наказал? – спросил он, глядя на Олега, лежавшего на койке, широко раздвинув ноги и прикрывшись простыней.

Тот бросил на него свирепый взгляд и невнятно со злобой ответил:

– Там же и тогда же.

– Я вижу, ребята, у вас проблемы с законом...

– Закрой своё хайло... и посапывай молча, – оборвал его Олег. – Не твоего ума дело.

– Я-то могу закрыть, но кто ещё вам скажет, что, как мне кажется, живёте вы не по правилам, установленным в обществе, а вопреки им...

В этот момент скрипнула дверь, и Вася замолк. В палату вошла молоденькая, чрезмерно полноватая санитарка с пакетом в руке. Стрельнув быстрым взглядом на всех, спросила:

– Кто из вас Олег Викторович?

Олег с удивлённым видом, недоумевая, произнёс:

– О, как! Кто это так меня величает?

– Вам передача. Вот возьмите, – и, поставив пакет на тумбочку, направилась к выходу.

– Кто передал?! – крикнул ей вслед Олег.

– А я почём знаю? Родственник ваш... усатенький, молодой и привлекательный мужчина, – на ходу ответила она и вышла за дверь.

У Олега бешено заколотилось сердце, он глянул на Леона.

Тот тоже, услышав слово «усатенький», взволнованно приподнявшись на локоть, посмотрел на Олега, как он осторожно взял пакет и заглянул внутрь. Там лежали апельсины и клочок бумаги с наклеенными буквами, вырезанными из газеты. Достав его, не стал читать вслух: «Олег и Леон! Если вздумаете хирургически отрастить то, что сами отрезали, придётся повторить, но уже всё целиком отмахнёте! Поправляйтесь. Я всегда буду рядом». Леон протянул руку и, взяв записку из рук обалдевшего Олега, прочитал, после чего вернул её, схватившись за голову руками. Олег заревел как зверь и со злости разорвал записку в клочья, затем бросил её в пакет и вместе с ним швырнул к входной двери. Вася, подойдя к нему, заглянул внутрь и, увидев апельсины, деловито сказал:

– Съестным разбрасываться нельзя. Если вам не надо, то я возьму себе.

Выложив апельсины на свою тумбочку, пакет с разорванной запиской скомкал и бросил в мусорную корзину. И тут же очистил апельсин и стал поглощать витаминный фрукт.

Олег, подняв трясущуюся руку, привлекая этим внимание Леона, тихо сказал:

– Что делать? Он от нас не отстанет.

– Я уеду сразу же, а ты поступай, как хочешь, – ответил почти шёпотом тот.

В это время распахнулась дверь, и в палату вошли родители Олега. Мать сразу же со слезами кинулась к сыну, а отец сурово окинул его взглядом, ставя стул для жены, и, взяв второй, присел сам.

– Что случилось? Только не ври мне. Я хочу знать правду, – строго начал отец.

Но в это время Зоя Степановна заголосила. Виктор Андреевич цыкнул на неё, и она притихла. Повернув голову к сыну, стал вопросительно смотреть на него, ожидая ответа на свой вопрос.

Олег бросил взгляд на Леона, а потом на ходу выдумал историю:

– Нас с Леоном обидел один парень. Мы решили навестить его и поговорить. Где он живёт, мы узнали от девушек и поехали. Это рядом с Москвой в коттеджном посёлке. Как только вошли во двор... на нас сразу же напали две чёрные огромные собаки... Вот и всё... Да-а... оказалось, мы ошиблись адресом и зашли не в тот двор. Хорошо, что подоспел какой-то мужчина и помог нам.

– Врать ты мастер. Я говорил с лечащим врачом. Он совершенно противоположного мнения. Лучше по-хорошему сознайся, и будем решать, что делать дальше, – наседал отец.

– А ничего делать не надо. Не веришь мне? Вон спроси Леона, а врач может, что угодно, выдумывать, – уверенно и смело заявил Олег.

Отец повернул голову в сторону Леона. Тот, не выдержав взгляда, опустил глаза, но поддержал Олега:

– Он правду сказал. А по-другому и быть не может.

– Ну надо же! – воскликнул Виктор Андреевич. – У обоих одинаковые телесные повреждения и в одинаковых местах... притом, как утверждает врач, не от зубов собак, а от режущего предмета, которым может быть лезвие ножа. В какую историю вы влипли?

– Витя, ну хватит тебе, – вступилась Зоя Степановна. – Дома поговорим с ним, а сейчас его лечить надо.

– Лечить? Есть лекарь... ремень. Счастье его, что здесь больница, а то я его сразу вылечил бы. Ладно. Поговорим дома... Врач сказал, что на любой стадии операция по восстановлению возможна. Поговорим потом. А сейчас лечись. Пойдём, Зоя, – и Виктор Андреевич встал.

– Вот, сынок, я тут тебе кое-что приготовила, покупайте с Леоном, – и она поставила пакет рядом с его тумбочкой. – А мы пойдём. Выздоровливайте, ребятки, да головы своей не теряйте.

Поцеловав в щёку Олега, пошла следом за мужем, а тот возле самой двери повернулся и произнёс:

– Я всё равно всё узнаю. Ну тогда берегись. Сердцем чую, что вы оба врёте, небось с вами расплатились за совершённое вами зло. Мне бы хотелось знать, на что вы способны, и соразмерно ли наказаны. Если подделом, и твои действия вступили в конфликт с законом... лучше прямо из этой палаты и куда-нибудь на край земли, но домой не возвращайся и какой-либо помощи от меня не жди.

– Витя! Ты о чём говоришь? Он же сын твой, – сквозь слёзы произнесла Зоя Степановна, но тот строго глянул на неё, взял за локоть и вывел в коридор, хлопнув за собой дверь.

– Ну и подумаешь! – возмутился Олег. – И уеду.

Он замолк, а в голове стали витать вопросы: «Куда? Где жить буду? На какие средства?»

Закончив школу, он нигде не работал, жил как у Бога за пазухой в тепле, светле и на отцовские средства, изредка посещая вуз, в котором оказался опять же по отцовской воле.

Поразмыслив, он глянул на Леона и тихо промолвил:

– Ляпнул, не подумавши. Что делать? Отец докопается.

Безвыходность положения напугала его. Он себя знал. Отсутствие ума, наличие необыкновенной взвинченности, неумение преодолевать трудности, жадность к богатству и ещё десятка три негативных составляющих – создадут невыносимые условия вне отцовской крыши. Поэтому он с надеждой услышать умный совет смотрел на своего друга, которого только что называл ишаком бухарским.

– Что будешь делать ты... я не знаю... А я уеду сразу же на дальний Восток. Мой друг работает на рыболовецком сейнере, хорошо зарабатывает и меня зовёт. Сегодня же закажу телефонные переговоры с ним... Если он не в плавании.

– Может, и мне с тобой?

– Ты знаешь... я не очень-то этого хочу. Ты свой дурацкий характер не изменишь...

– Ладно... Леончик... Ну извини за мой язык. Клянись, плохого слова от меня не услышишь...

– А ты представляешь эту работу? Шторм, волны, холод, брызги солёной водой, а ты в резиновом костюме копаешься в ворохе поднятой на палубу рыбы, – перебил его Леон.

Олег задумался. В домашних условиях он ни единого разу не вытер после себя раковину или ванную и пол после принятия душа, а тут Леон нарисовал ужащающую для него картину.

– Да-а! Это очень трудно. Не каждый выдержит.

– Вот то-то же. Так что ищи здесь или в другом городе более подходящую для себя работу.

– Знаешь... Я себя не могу представить в какой-либо работе. Я ничего не умею, даже дворником не смогу работать. Как быть?

– Тогда один выход. Стать вором, – шёпотом ответил Леон. – Я вот тоже подумал... ну поеду я к чёрту на кулички, а вдруг что-то не получится... Что делать? Назад возвращаться? А куда?

Оба ещё сильнее задумались. Натянутость отношений и противоположность характеров не могли удовлетворить запросы каждого, но их объединяла тяга к вольной и свободной жизни, в их понимании только за счёт других людей. Если Олег никогда не задумывался о настоящей трудовой деятельности, то Леон высказывал свои мечты и желания, а сам фактически не представлял себя трудоголиком и в конечном итоге отвергал приходящие мысли.

Первым нарушил молчание Олег. Он придвинулся ближе к Леону и зашептал:

– Выйдем в коридор, а то этот Васёк уши настроил... Давай... пошли.

Выйдя из палаты, она уединились в конце коридора, и Олег продолжил:

– У меня возникли кое-какие соображения. Тот факт, что здесь нам пока оставаться нельзя, развивает мысли... Жизни нам не дадут... Тот мучитель будет висеть над душой, да и отец доконает.

– И что ты предлагаешь?

– Вернуться туда, где мы перестали быть мужчинами...

– Ни за какие деньги! – Закричал Леон, перебив Олега.

– Да погоди ты орать. Выслушай сначала. Там глухомань. Людей нет. В одной из изб оборудуем комнату. Утеплим её к зиме. Тачка есть... Затарим продукты и поживём, пока всё здесь устаканится.

– А финансы?

– Кое-что я из дому возьму, а потом добудем... Магазинчик подломаем, кассу грабанём... Не пропадём... Аду уговорим пожить... Она же в одной упряжке с нами! Ей тоже надо когти рвать. Кухарка у нас своя будет. Ну-у, как ты?

– Надо подумать. Не шутейное... чрезвычайно рискованное это дело. Засветиться можем, как пить дать. То, что мы планируем, может привести к совершенно обратному результату.

– Не трись, Леон. Всё будет... о'кэй.

– Смелость и необдуманное безрассудство не одно и то же. Надо хорошо обдумать и всё взвесить. Для действий, о которых ты говоришь, надо ведь иметь другие... кроме головы.

– У меня есть всё. Ну, хорошо... давай подумаем, а потом решим. Только думать надо недолго. Мы отсюда должны слинять через пару дней.

Оба понимали, что их замышляемые тактические действия основываются на преступных вылазках, за что по пятам за ними будут ходить следователи, нащупывая след и их промахи. Тем не менее, спустя два дня решение было принято, и они сбежали из больницы.

Олег, воспользовавшись отсутствием в доме родителей, загрузил свой автомобиль необходимой одеждой, продуктами, спиртными напитками, кое-каким инструментом и другим необходимым, Леон сделал то же самое там, где проживал, и они выехали в забытый людьми хутор.

Облюбовав самую крайнюю от леса избу, у которой левая половина при усилии могла быть пригодной для временного проживания, а правая почти лежала на земле, привели её в порядок. Благодаря Леону были отремонтированы двери, окна, деревянные кровати, сохранившиеся от прежних жильцов, пол и даже печь. Спустя три дня всё было готово. Олег позвонил Аде, рассказал ей о том, что все их коварства по отношению Валентины стали известны ей, Вадиму и правоохранительным органам. Нагнав ей страху, предложил присоединиться к ним, и та согласилась. Преступная ячейка была в сборе. Бегство от людей объединило их в единомыслии. Ада тоже не с пустыми руками явилась, прихватила всё необходимое в хозяйстве.

Днём в избе и вокруг неё соблюдалась тишина, а когда стемнеет, из печной трубы к небу поднимался серый дым. В своих головах все трое вынашивали планы, не согласующиеся с законом.

Смена событий

Вадима врач оставил на стационарном лечении в госпитале ещё на пять дней. Все уговоры Вали не принесли желаемых результатов, и врач остался непреклонным, после чего она ни с чем возвратилась в палату, где уютно расположились и продолжали беседовать Вадим и Коля. Понимая, что теперь Вадиму всё о ней известно, опустив виновато и стыдливо глаза она чувствовала, что её репутация пошатнулась, присела рядом с ними на стул, ожидая, как виновник приговора. На обоих Валя боялась взглянуть.

В палате воцарилась на какое-то время пауза, которую первым нарушил Вадим:

– Валя... То, что случилось с тобой, я тоже болезненно и возмущённо воспринял по отношению этих подонков... Вместе с тем хочу тебе сказать, что ты для меня была, есть и будешь до конца моей жизни самой родной и дорогой. Клянусь тебе, что никогда и ни при каких обстоятельствах не напому тебе об этом и не упрекну. И ты забудь об этом. Не мучай своё сердце. Эти уроды своё получили... благодаря моему другу Коле. После возвращения из госпиталя получают и от меня. Я знаю... они оба сейчас в больнице. А что делать с Адой, ты реши сама. Она поступила подло... Даже маме твоей солгала, сообщив, что всё хорошо с тобой, и что тебе якобы дал телефон по-

звонить её брат, а на самом деле, как оказалось, у неё нет братьев.

Валя продолжала неподвижно сидеть, потупив взор. Вадим говорил и смотрел на неё, такую привлекательную, нежную, любимую... потом протянул к ней руки, и она упала ему на грудь, по щекам покатились крупные слёзы.

– Спасибо тебе за добрые слова, – с теплотой в голосе промолвила она. – И прости меня.

– Не за что тебя прощать, родная... Вины твоей здесь нет. Это ты меня прости за то, что не сумел уберечь тебя от этих гадов.

– Ладно, ребята, – отозвался Коля. – Я вас оставляю. Вы пообщайтесь, а я пойду. Дела есть незаконченные.

Пожав Вадиму руку и тронув за плечо Валу, он ушёл. А они остались.

Валя сообщила Вадиму о беседе с врачом, а потом они ещё долго тихо беседовали. На улице стало темнеть, и Валя, нежно простившись, ушла в меланхолическом настроении, унося в душе глубокое страдание за потерянную девственность и за то, что её любимый всё ещё остаётся в руках медиков. Но всё же после встречи с Вадимом она обрела душевное равновесие, была безмерно рада встрече с ним и наступлению блаженных надежд.

Дальнейшие события стремительно развивались, опережая друг друга.

Коля, решивший ещё раз напомнить о себе, прибыл в больницу, но не застал там Олега и Леона. Медсестра объяснила, что они, самовольно оставив лечение, сбежали.

Родители Олега, возвратившись в свой дом, обнаружили на столе записку следующего содержания: «Папа,

мама, чтобы не быть вам в тягость, я уехал на дальний Восток. Простите, взял немного денег и кое-какие вещи. Всего хорошего вам. Олег». Зоя Степановна заплакала, безмерно расстроившись, а отец строго сказал:

– Пусть попробует самостоятельно пожить. Может, это наставит его на путь истинный.

Но Дальний Восток был придуман для родителей и тех, кто вдруг вздумает его разыскивать. Фактически он и Леон продолжали находиться в том же хуторе, где сгорели в тисках их мужские принадлежности. Пополнившая их сообщество Ада продолжала кухарить, стряпая на изготовленном Леоном противне из найдённого квадратного куска жестянки. Загнул края, и получилось что-то вроде жаровни для жарки овощей и прочего.

Мать Ады, Зинаида Ильинична, со слезами и в недоумении, почему так вдруг, бросив работу, оставив ей записку, дочь уехала, пообещав: «Как устроюсь, напишу», – раз за разом перечитывала написанное и, наконец, пришла к выводу, что скоропалительный её отъезд можно объяснить неудачей в любви. Валя, узнав от неё о бегстве Ады, тоже была в догадках: «Узнав о том, что мне всё стало известным о её подлости, сбежала. Или же уехала со своим очередным кавалером». Во всяком случае, догадки Вали были правильными.

Коля же, узнав о бегстве его подопечных из больницы, а потом и из домов засомневался, что они уехали на Дальний Восток. Сомнения усилились ещё сильнее, когда он получил информацию, что все трое не использовали ни авиаперелёты, ни железнодорожный транспорт. Над этим он и задумался.

Вадим с госпитального лечения перешёл на амбулаторное.

Похищение

Утреннее солнце всё выше взбиралось по небу. В переполненном автобусе было тесно и душно. Подъезжая к остановке, что рядом с районным судом, Валя увидела судью, стоявшую у крыльца и докуривавшую тонкую сигарету, чуть в стороне стояла иномарка с разринованными боками, а рядом на тротуаре стояли спиной к ней, уткнувшись в развёрнутую газету, двое мужчин в замысловатых головных уборах, похожих на спортивные шапочки. Ничего опасного окружающая обстановка не предвещала, и ничто не омрачало начавшееся безоблачное утро.

Валя, с трудом протиснувшись, вышла из автобуса и по тротуару направилась к зданию суда. Проходя мимо мужчин с газетой, обратила внимание не на них, а на судью, махнувшую ей рукой, как вдруг неожиданно мужчины в один миг из своих головных уборов сделали маски и бросились к Вале. Один из них прижал к её рту белую тряпку, смоченную каким-то раствором, и она сразу же обмякла, ноги подкосились, и девушка начала падать. Они её подхватили, затолкнули на заднее сиденье автомобиля и, рванув с места, умчались, не обращая внимание на крик судьи.

Судья кинулась в кабинет и позвонила в милицию. Пока дежурный офицер уточнял необходимые данные, время шло. В коридоре собрались работники суда и тревожно обсуждали случившееся. В этот момент с

улицы вошёл Вадим, решивший повидать любимую до того, как Валя сядет в судебное заседание.

Окинув взглядом собравшихся и почувствовав что-то неладное, поинтересовался, что же всё-таки произошло, у первой, стоявшей рядом девушки.

– Нашу сотрудницу бандиты в масках похитили, – сказала она с присутствующим волнением в голосе.

– А кого именно? – и сердце Вадима, почувствовав беду, тревожно забилось.

– Секретаря... Залегину Валю.

Как молотом по голове ударили его эти слова. Перед глазами сразу же всплыло лицо Олега. Он достал телефон и позвонил Коле. Сообщив ему об этом, услышал: «Я сейчас приеду». Вадим положил телефон в карман и спросил всё ту же девушку:

– А очевидцы есть?

– Её судья, – кивком головы она показала на дверь кабинета. – Полицию вызывает.

Вадим достал телефон и сообщил про эту информацию Коле. Тот пояснил, что уже подъезжает. Не прошло и десяти минут, как он вошёл в здание суда. Встревоженный случившемся, его встретил Вадим. Обменявшись несколькими фразами по поводу возможной причастности Олега и Леона к похищению, они зашли в кабинет судьи, предварительно прочитав на табличке двери фамилию, имя, отчество. Она, ошеломлённая случившимся, сидела за столом, взявшись руками за голову. Увидев, вошедших, спросила:

– Вы из райотдела?

– Нет, Анна Ивановна. Мы из ФСБ... Управление «Вымпел», – ответил Вадим и пояснил: – Валя Залегина моя невеста.

– О, как! Из такого органа и не уберегли?

– Знать бы, где упасть... – ответил Вадим, пытаясь своим ответом пополнить характер реальности, а потом спросил: – Вы были очевидцем происшедшего... Можете описать внешность похитителей? Те, на кого мы думаем... хорошо известны.

– Была. А толку? Они были в масках. Двое мужчин одинакового роста... на иномарке, марку автомобиля сказать не могу... На дверце огромный рисунок... фрагмент реки и прибрежная растительность в виде кустов и елей, – она поднялась из кресла и подошла к окну: – А стояли они там, где сейчас лежит газета. Они оба создавали видимость, что читают. Валя шла от автобусной остановки, а когда приблизилась к ним... они и напали на неё... Да-а и тряпка лежит там же. Они её рот затыкали. Я знаю, кто это сделал.

– И кто же? – схватился за эти слова Вадим.

– Как-то мы рассматривали уголовное дело Свиридова, совершившего похищение свидетеля с последующей его пыткой. Дело расследовал следователь по особо важным делам горпрокуратуры Каневский. Так вот... Валя протоколировала ход судебного заседания, а по окончании адвокат и осуждённый не согласились с текстом протокола, написали возражение, которое я не сочла отвечающим истине, отказала в удовлетворении и вынесла приговор, с которым согласилась вышестоящая судебная инстанция. Адвокат и осуждённый посчитали, что всему причина неизменный протокол, и посыпались угрозы не столько от адвоката, сколько от осуждённого – спеца по похищениям. Вот я и думаю, что Валю похитили друзья, а может, не установленные следствием соучастники Свиридова. А больше некому.

– Эта версия имеет право на существование, но у нас есть ещё двое подозреваемых. Однако здесь фигурирует автомобиль другой, хотя его можно и заметить...

– Я позвоню Борису Фёдоровичу, – сказал Коля, взявшись за телефон и прервав Вадима. – Он мастер прокурорского сыска. Тем более расследовал дело, о котором говорила Анна Ивановна.

Каневский ответил сразу же.

Коля подробно обрисовал происшедшее, не забыв упомянуть и дело Свиридова. Внимательно выслушав, следователь заявил, что сейчас доложит своему руководству и сразу же перезвонит. Только успел он закончить разговор с Каневским, как в кабинет вошли следователь районной прокуратуры Саенко и два оперуполномоченных уголовного розыска райотдела милиции. Судья объяснила им суть происшедшего, а когда заканчивала, позвонил Каневский, сообщив, что выехал и попросил обеспечить охрану места происшествия. Услышав, что едет Каневский, Саенко тут же объявил:

– Тогда нам здесь делать нечего. Он мастер своего дела, и вашу пропажу найдёт. Его мастерство безупречное и не превзойдённое.

– А вы тогда кто? – с улыбкой на лице спросил Коля.

– А я подмастерье, – совершенно искренне ответил, улыбаясь, следователь, собираясь уходить.

– Погодите, – остановил его Коля, – дождитесь Каневского. Вы же не знаете о цели его приезда, и может так случиться, что по территориальности расследовать придётся вам.

– И то правда, – ответил Саенко и присел на стул.

Судья, проявив уважение к собравшимся в её кабинете, предложила чай, но те по скромности вежливо отказались.

Вскоре прибыл Каневский. Поздоровавшись со всеми за руку, а с Колей обнявшись, он попросил как можно подробнее рассказать о происшедшем, и судье, превратившейся в непосредственного свидетеля, пришлось в третий раз отвечать на вопросы.

Каневский попросил Саенко допросить самым подробным образом других свидетелей, а сам приступил к осмотру места происшествия. Вадим и Коля, пристально наблюдавшие за его действиями, видели, как тот со знанием своего дела фиксирует всё обнаруженное, увиденное и услышанное. Изъяв и поместив в отдельные целлофановые контейнеры газету и тряпку с запахом эфирных масел, он протёр ватными тампонами листы, где стояли похитители, и где находился их автомобиль, а потом эти же тампоны поместил в такие же контейнеры. Осмотревшись вокруг, увидел на здании суда и на крыльце расположенного рядом магазина блестящие на солнце стёкла видеокамер, поручил операм просмотреть их записи и при необходимости изъять, а также произвести опрос граждан, окна квартир которых выходили в сторону места действий похитителей.

Ознакомившись с протоколами допросов, переданных следователем Саенко, и допросив судью, он понял, что преступление хорошо спланировано. Что подтвердили и видеозаписи, на которых преступники всячески старались скрыть свои лица, зная наличие видеокамер. Изъятые с места происшествия газету и тряпку он срочно отправил для проведения экспертиз по обнару-

жению и установлению наличия следов пальцев рук и мелких частиц, оставленных одеждой при соприкосновении или нахождении в кармане.

Закончив свою работу, Каневский вышел из помещения суда и подошёл к ожидавшим его Коле и Вадиму.

– Ваше мнение, Борис Фёдорович? – поинтересовался Коля, с вниманием ожидая первые предположения.

– Прежде всего... не люблю, когда ко мне друзья обращаются по имени и отчеству. Это как бы разъединяет... отделяет меня от них или их от меня, чего я, конечно, не хочу... А что касается моего мнения, то скажу прямо... Похитители готовились... и основательно. Думаю начать со Свиридова и его связей. Я вернусь к судье и почитаю дело Свиридова. Думаю, что можно кое-что найти и там. Завтра будут готовы заключения по той газете и тряпке, и я поговорю со Свиридовым, трякну надзирателей, которые за деньги могли дать ему телефон для переговоров. Вас прошу навестить родных Залегиной, хотя я тоже буду с ними говорить. Надо, чтобы при поступлении звонка от похитителей, они как можно дольше говорили с ними. Попытаемся запеленговать. Я сегодня же эту работу поставлю на рельсы. У вас есть какие-либо соображения? – в конце спросил он Вадима и Колю.

– Есть, – тут же ответил Вадим и до мельчайших подробностей рассказал о всех проделках Олега и Леона, а также их соучастницы Ады.

Борис задумался. Вадим и Коля смотрели на него, не мешая. Спустя минуту он спросил:

– И все трое исчезли?

– Примерно неделю назад, – пояснил Коля. – Правда, Олег с Леоном на пару дней раньше, оставив

записку, что уехали на дальний Восток, а Ада позже, но в записке матери не указала, куда именно уехала. Они могут быть вместе, а может, и врозь. Однако проведённые мною проверки не подтвердили их убытие ни авиа, ни железнодорожным транспортом.

– На этом точку ставить нельзя, – задумчиво произнёс Борис. – Могут использовать поддельные или чужие паспорта... Если известны номера их телефонов, то мы узнаем место их нахождения!

– Это я беру на себя, – заявил Вадим.

– Почему это «я»? Мы берём. Так быстрее придём к цели. У тебя Валин есть... сразу черкни Борису, телефон Ады узнаешь у матери Валентины, а я добуду номер Олега, а может, и Леона... если получится.

– Ну что... тогда по коням? Я в суд, а вы за номерами телефонов... Да-а! Хочу спросить... А по этому групповому изнасилованию Валя обращалась с заявлением в правоохранительные органы? – задал Борис вопрос Вадиму.

– Нет, – ответил тот. – Длительное время она избегала меня и ничего не говорила. Я же узнал об этом только вот... на днях. Коля рассказал мне.

Борис перевёл на того удивлённые глаза:

– А тебе как стало известно?

– Дай слово, что меня не посадишь... Расскажу...

– Не юли, давай рассказывай. Потом решим, – перебив его, потребовал Борис.

Пришлось Коле рассказать о том, что произошло в кузнице. Тот выслушал и произнёс:

– Чистейшее самоуправство и самосуд. Я должен тебя арестовать.

– А у тебя нет заявления от потерпевших, – ответил, улыбаясь, Коля. – Это раз, а два... Я тебе ничего не го-

ворил, и Вадим это подтвердит... И три – они меня не узнают.

– Хитёр... Ну и чёрт с ними. Получили, уроды, по заслугам, хотя твои действия противозаконны. Ладно... возможно, вернёмся к этому вопросу чуть позже, – сказал Борис, посмотрел на Колю и, уходя, покачав головой, добавил: – Кто бы мог подумать, что мой друг на такое способен?

Они разъехались в разных направлениях выполнять каждый своё поручение.

Борис, изучив дело Свиридова, сделал нужные, на его взгляд, выписки, позвонил его адвокату и, назначив встречу, поехал в следственный изолятор (СИЗО). Там встретился с начальником оперативной части, который по его просьбе потряс надзирателей и записал их мобильные телефоны для проверки через операторов связи о контакте Свиридова за пределами СИЗО, побеседовал со Свиридовым. По его поведению при ответах на вопросы следователя было понятно, что он вряд ли причастен к похищению Вали. Несмотря на это, Борис закончил день успешной беседой с адвокатом, а на следующий день, получив распечатку по номерам телефонов надзирателей, пришёл к окончательному выводу о непричастности Свиридова и его окружения, остававшегося за пределами СИЗО, к похищению.

Вадим, побывав у плачущей Софии Захаровны, записал номер мобильного телефона Ады и попытался, как мог, успокоить её, заверяя, что Валя будет найдена. Когда та немного успокоилась, он хорошо проинструктировал её на случай поступления звонков от похитителей, записал ей номера мобильных телефонов Каневского, Коли и свой.

Коля же за это время побывал в доме родителей Олега.

Зоя Степановна встретила его со слезами. Виктор Андреевич не скупился в рассказах о негативных выходках сына, а в конце спросил:

– У вас есть информация о том, что он натворил перед исчезновением, а точнее, до того, как оказался со своим дружкой в больнице?

Коля подумал и ответил:

– Могу сказать без подробностей... Они оба совершили групповое изнасилование добропорядочной девушки. Кто-то из её окружения наказал их, не обращаясь в следственные органы об ответственности насильников.

– Ах, вот оно что?! И кто эта девушка? Как её можно найти?

– Как вам сказать... Она похищена и, возможно, вашим сыном. Это одна из версий. Вот мы и ищем... почему я и здесь.

– О-о! Господи! Этого ещё не хватало. Зачем ему это делать? Неужели он окончательно рехнулся?! А может, это ваши домыслы?

– Я сказал... одна из версий и, как вы понимаете, самая главная. А домыслы, как вы изволили выразиться, бывают разные, и все подлежат проверке оперативно-следственным путём. Вот, к примеру... Олег мог похитить эту девушку из-за боязни, что она может обратиться с заявлением в прокуратуру. Объяснимо? – и сам же ответил: – Вполне. Так что прошу вас, назовите номер мобильного телефона Олега и поищите в его записях номер телефона его дружка... Леона.

Виктор Андреевич поднял на него иссиня-серые глаза, посмотрел, потом молча пошёл в комнату. Спу-

стя минуту вышел с толстой записной книжкой Олега, сел за стол и стал изучать её. Зоя Степановна до сих пор тихо плачущая вдруг заголосила:

– Когда дети маленькие, и беда по возрасту, а когда большие, и беда большая. Что ему не хватало? Господи! За какие грехи ты нас наказываешь?

– Цыц! – крикнул на неё муж и потребовал: – Зоя, иди в свою комнату и перестань убиваться. Это его судьба, а изменить её никто не волен. Что должно случиться, то остановить нельзя, – потом глянув на Колю, промолвил уже более спокойным голосом: – Вот скажите... есть в этом наша вина? Мы его воспитывали в духе уважения к закону и к людям, в детстве не был хулиганом... послушный и добрый мальчик, а подрос... как подменили. Систематические беседы, разъяснения, иногда с применением ремня... не помогали. Деньгами я его не баловал. Заставлял работать, дал ему должность, определил в вуз, постоянно в беседах приводил примеры из следственной практики, освещаемой средствами массовой информации... так нет же... работать не хотел, учиться тоже. Его больше привлекало спиртное. Мои беседы с ним уже не приносили положительных результатов. Я всё доступное испробовал... Жесточайшее разочарование в сыне. А ведь кто-то да скажет... что это результат плохого воспитания со стороны родителей. Вот у соседа парень такого же возраста. Вместе с моим в школе учились. Отец частенько за воротник закладывает, частые скандалы на этой почве в семье, а сын его – чудо-парень... осыпан всеми Божьими милостями, свободен от пороков... Пример всем ребятам. Как так бывает?

– Наверное, зависит многое и от того, как и в каком направлении формируется его сознание, – ответил

Коля и вернул хозяина дома к существенной теме: – Ну, что там с телефонами?

– Ага... – вспомнил тот и стал листать дальше записную книжку.

В ней нашёл номер телефона Леона, Ады, Вали и ещё десятка полтора имён других девушек, а потом спросил:

– Запишите?

– А может, я возьму всю записную... с возвратом по надобности?

– Да, ради Бога, – и он положил её перед Колей.

– Если можно... я бы хотел взять и записку, оставленную Олегом, его фотокарточку и фото Леона... если есть?

Тот передал ему записку, полистал альбом, вынул фото Олега и совместное фото с Леоном, положив всё на записную книжку.

– После использования в ходе их розыска я всё, что взял, верну, – пообещал Коля и тут же добавил: – Вы знаете... я думаю, что они никуда не уехали. Где-то здесь находятся. Кроме этого дома... у вас есть ещё жильё где-нибудь? Дача... родственники, к которым они могли бы уехать?

– Есть квартира в Москве. Но ключи на месте... И мне бы сразу позвонили соседи, которые присматривают за ней. Дачи нет и родственников таких, которые приняли бы их, нет... Я хочу вас попросить... Можно?

– Да, слушаю вас.

– Если найдёте их... сообщите мне, – и он положил на записную книжку Олега свою визитку. – Буду очень признателен.

– Хорошо. Всего вам доброго. На официальный допрос вас пригласит следователь, – сказал Коля и ушёл.

Тут же из своей комнаты вышла Зоя Степановна с припухшим от слёз лицом и красными глазами. Посмотрев на мужа, она с дрожью в голосе спросила:

– Что делать-то будем, Витя?

– А что мы можем делать в этой ситуации? Как судно, потерявшее ход и управление, мы будем плыть по волнам судьбы. Тут хоть из штанов выскочи, хоть кричи... да что хочешь делай, ему уже ничем не можешь... Ты слышала, что они натворили? Групповое изнасилование, стряпанье телеграммы, а тут ещё и... если это они... похищение девушки и не известно, что они с ней сделали... Вот лет через десять, если не больше, увидим сына... Подлец, опозорил нас, нашу фамилию, беду принёс в дом. Ой, ой, ой!.. Как людям в глаза смотреть? – сказал он и ушёл в свою комнату.

Зоя Степановна медленно опустилась в кресло, продолжая плакать. Но вдруг вскочила, изо рта вырвался короткий крик из-за резкой пронизывающей тело острой боли, глаза широко раскрылись, рука поднялась и потянулась к кухне, где в шкафчике лежали её сердечные капли, но в бессилии Зоя Степановна медленно осела в кресло, голова склонилась набок... сердце её остановилось.

Услышав крик жены, Виктор Андреевич вышел из комнаты и, увидев её в неподвижности с застывшими глазами, подбежал:

– Зоя! Зоенька! Не надо! Не покидай меня! – закричал он, тряся жену, потом побежал на кухню, накапал в стакан с водой лекарства и, вернувшись к ней, пытался влить в рот, но вода лишь разливалась ей на

грудь. Кинулся к телефону и с панике вызвал «Скорую», а потом, вернувшись к жене, прислонив ухо к её груди и не услышав биения сердца, закричал на весь дом:

– Нет!.. – и поднял голову, обращаясь вверх к высшим силам: – Господи! Что ты делаешь с моей семьёй?! Тогда возьми и меня! – и он зарыдал.

Медработники, заставшие его в таком состоянии, убедившись, что Зоя Степановна мертва, стали выводить из опасного кризиса Виктора Андреевича. С сердечным приступом он был госпитализирован.

О случившемся Коля узнал лишь через два дня, когда Каневский попросил обеспечить явку родителей Олега для допроса в качестве свидетелей.

Каневский, выслушав его сообщение, задумчиво сказал:

– Подлость сына привела его не только за решётку, но и к смерти матери, и к болезни отца, – потом, посмотрев на Колю, спросил: – Номера телефонов взял?

– Они у тебя на столе. Я ещё вчера положил их туда, а тебе, уходя, пальцем показал, когда ты по телефону разговаривал с прокурором. Там не только телефоны... Записная книжка Олега с номерами телефонов, оставленная им записка родителям и фотографии.

Каневский извлёк из-под широкого листа, на котором был начертан план работы по расследуемому делу, записную книжку и сразу же обратил внимание на фотокарточку Олега, с которой тот смотрел на него с полуоборота, будучи одетым в голубую рубашку с подшитым в крапинку подворотником.

– Оп-па! – вскрикнул он и включил компьютер, вставил флешку с записью происходящего возле суда

во время похищения Залегиной и остановил на том моменте, когда оба похитителя, бросив газету, резко повернулись к приблизившейся к ним Валентине. – Вот смотри, Коля... рубашка видна эта же и подворотник в крапинку... как на фото Олега.

– О, как! – удивился тот, глядя на тождество рубашек. – Он, гад.

– Ты больше ничего не заметил?

Коля пристально смотрел то на фото Олега, то на изображение компьютера, а потом с радостью в голосе заявил:

– Попался... Он, Боря, он! На шее поверх воротника и ниже мочки уха маленькая родинка, – и повернувшись к Каневскому, восхитился: – Ну у тебя и глаз... Не зря избрал профессию следака.

– Таким образом, Свиридов и его окружение полностью отпадают... Разговор с его адвокатом оказался в пользу подзащитного... да и всё остальное... я имею ввиду работу с номерами телефонов надзирателей, беседы с его родственниками и друзьями. Теперь будем искать твоих подопечных, господин хирург, – с широкой улыбкой и подколкой сказал Борис Коле.

– Почему это я хирург? Они сами хирурги. Я только тиски закрутил... ну и сарай, служащий кузницей, поджёг, чтобы им потеплее было... ну и чтобы поторопились.

– Понятно. Как мне считать... чистосердечное? Явкой с повинной?

– А я пошутил. В историях болезни даже значится, что их собаки покусали...

– Ага... и выкусили одинаково у обоих?! Ладно... подозреваемый... задержим их и тогда посмотрим, что они скажут, – и Каневский засмеялся.

Подняв лист распечатки телефонных разговоров, он стал всматриваться и вдруг остановился на номере Ады, который принёс Вадим.

– Ада! Есть! Посмотри звонок Олега на телефон Ады на четвёртый день после побега из больницы. В этот же день исчезает Ада. Что это значит?

– Похитили и её?

– Нет. Она в одной упряжке с ними. Значит, сбежала к ним. А теперь я запрошу, откуда абонент звонил. Но после этого ни единого звонка. Пробью остальные номера и потом решим, что делать. Как там Вадим?

– Дежурит сегодня. А я завтра. Что с газетой и той тряпкой? – поинтересовался Коля.

– Есть кое-что. Обнаружены на газете и тряпке молекулярные частицы одежды похитителей, годные для исследования на идентичность. Но на газете нет отпечатков пальцев рук. Похитители действовали в перчатках, о чём свидетельствует и видеозапись. Тряпка была смочена веществом, которое на короткий период выводит человека из нормального состояния... Это что-то вроде эфира или ему подобного. Образцы, взятые из мест стоянки автомобиля похитителей и нахождения их самих на тротуаре, годны к идентификации. Следовательно... остаётся только найти автомобиль и обувь похитителей, предоставив всё это экспертам.

– Ладно, товарищ полковник... до послезавтра?! Пойду я. Надо служебные дела решить, а потом кое-что проверить и по твоему делу.

– Не полковник, а старший советник юстиции. Мы погоны носим, но не звание у нас, а классный чин. Понял?

– Ну и дурацкий ваш классный чин. Погоны, как военные, звёздочки, ну и назывались бы по-военному... полковник юстиции. Советник, по-моему, это тот, который советует и не более...

– Будет тебе критику наводить... – прервал его Борис. – Лучше скажи, что ты проверять-то хочешь? Я должен это знать.

– Его... Олега девок. А вдруг он у кого-либо из них? А может, звонки его обнаружатся...

– Ну, давай, всё равно ближе к цели будем. Хотя, он, если не дурак, то поменяет телефон и будет пользоваться неизвестным нам номером. Вадим-то как там? – снова спросил Каневский.

– Переживает очень. Без усталости носится по городу в поисках следов Олега и Леона... Поднял транспортников, дал им их фотокарточки, сам, помимо тебя, поговорил с друзьями Свидирова... Одним словом, ни минуты покоя вне служебного времени.

Кроме всего этого Вадим поддерживал систематическую связь с Софией Захаровной, надеясь на звонок похитителей с требованием выкупа. Но похитители молчали. Это крайне раздражало и беспокоило Вадима. Он боялся, что преступники имеют другую цель, не связанную с материальной выгодой. За эти тяжелейшие для него и матери Вали дни он недосыпал и недоедал, но надежды на вызволение Вали не терял.

Налёт на банк

Валя, очнувшись, обнаружила себя лежащей на наспех сколоченной из старых неструганных досок кушетке, в какой-то убогой перекошенной избе. Пошевелившись и попытавшись встать, она поняла, что связана по рукам и ногам. Приподняв голову, медленно стала осматривать жилище. Под стеной возле двух кривых окон увидела стоящие вряд три таких же кушетки, на которых лежали тюфяки, набитые соломой, покрытые простынями и байковыми одеялами. Возле входной двери стоял сколоченный ящик, служащий столом, возле которого стояли две длинные дощатые скамейки. На столе лежали две булки хлеба, несколько луковиц, кучка морковки, поллитровая стеклянная банка соли, такая же банка с фасолью, упаковка рафинада, три толстые свечки и старый закопчённый чайник. В углу возле входной двери на гвоздях, вколоченных в бревно сруба, висели две мужских и одна женская куртки, также другая одежда. Облезлый, прогнувшийся потолок висел над ней совсем близко. «Где я?.. Почему я здесь? Что случилось?» – мысленно возникали вопросы и оставались пока без ответа. Силясь вспомнить происшедшее с ней, в её памяти всплыла лишь картинка с судьёй, стоявшей на крыльце и машущей рукой.

Валя попыталась сбросить ноги с кушетки на пол, чтобы сесть, но не тут-то было. Они оказались привя-

занными к доскам кушетки. Она ещё раз в мучительном страхе окинула взглядом это убогое жилище и поняла, что кем-то похищена. «Не Олег ли?» – пронеслось в её голове. В это время за дверью послышались шаги, а затем шорох за стенкой и через минуту стук топора, потом скрипучий голос ножовки и после стук молотка или обуха топора. Кто-то что-то сколачивал. После этого послышались мужские приглушённые голоса, но о чём речь, Валя не могла разобрать.

Спустя полчаса скрипнула дверь, и в комнату вошли Олег и Леон. Встретившись взглядом с возмущёнными глазами Вали, Олег остановился возле неё и со строгостью произнёс:

– Очнулась, голуба! А мы тебе комнатку оборудуем. Вот теперь вся наша семья в сборе.

– Ты конченный, идиот. Совсем рассудок потерял? На что ты надеешься? Вас обоих всё равно поймают, и тогда сидеть вам до самой старости, – возмущённо выпалила девушка.

– Ничего... До старости мы и здесь проживём вчетвером. Ты будешь стряпухой... Аде помогать будешь, а мы с Леоном будем охотиться... пищу добывать.

Валя смотрела на него с отвращением. А он, хоть и говорил спокойно, но бросал на неё злые взгляды с насмешливой улыбкой.

Леон же стоял в стороне и безмятежно спокойно поглядывал на обоих. В это время за дверью послышались шаги и настораживающий звон металла. Олег и Леон повернули на эти звуки головы. Дверь открылась, и в проёме показалась Ада. В её руках были цепь, замок и метровый металлический кол.

– Вот что нашла, – объявила она и, встретившись с глазами Вали, небрежно бросила: – Привет, подруга... – а повернув голову к Олегу, пояснила: – Там возле избы стоит собачья будка, а возле неё вот цепь... Еле вытащила этот кол... цепь к нему приваренная... и вот замок... в дверной петле нашла... с ключом в нём, но не проворачивается. Заржавел. Там же в избе есть две керосинки. Сейчас я их принесу. Если в них хоть капля керосина есть... капнуть в замок, и он заработает. Да... там есть кое-что из посуды.

– Молодец, Ада. Обойди все избы и, что найдёшь, сюда носи. Пригодится. А цепь брось в её комнату. Она послужит Валюхе.

Ада закрыла дверь, и через несколько секунд было слышно звон брошенной на пол цепи и глухой стук металлического кола. Олег, посмотрев на Леона, сказал:

– Ну что... пойдём, закончим Валюхе комнату?

Тот кивнул головой, и они вышли.

Олег пробил в прогнившем полу дыру и обухом топора загнал в землю кол, да так, что он сантиметров на пятнадцать торчал над полом. Леон, тем временем, вместо подушки приколотил наискось кусок доски, и на ложе набросал сухой травы. К этому времени вернулась Ада с добычей. Она принесла два ржавых ведра, две керосинки, в которых оказалось немного керосина, а ещё несколько тарелок и кружек.

Олег при помощи куска ветоши смочил замок, и спустя несколько минут он заработал.

– О-о! Молодец, Ада. Настоящая хозяйка, – с довольным видом произнёс Олег.

Оставив замок на кушетке, он зашёл в комнату, где находилась Валя, разрезал путы на её ногах, помог

ей встать и привёл в приготовленную для неё комнату.

– Сядь сюда, – велел он, показывая на кушетку.

Валя села. Олег взял край цепи и дважды чуть повыше лодыжки обкрутил её ногу, а потом продел в звенья дужку замка, закрыл на ключ и разрезал путы на руках.

– Ну, вот... располагайся, голуба, – сказал он, широко улыбаясь. – Считаю, что ты дома.

– Улыбайся, улыбайся... Скоро плакать будешь... Урод. Тебя ожидают тюремные апартаменты. Там будет твой дом, – со злостью бросила Валя.

Олег на эту резкость ей не ответил, пропустив мимо ушей. Глянув на Леона, спросил:

– Что с её телефоном?

– То, что и с нашими. Как только приехали... я его раскурочил, вынул симку и аккумулятор... вон там, в ведре лежит вместе с нашими.

– Правильно сделал. Ну что, проедем в город?

– В Москву?

– Зачем? В Солнечногорск. Посмотрим кое-что, – сказал Олег и потянул Леона за рукав, а потом кивнул головой в сторону двора.

Они, поняв друг друга, вышли во двор, поросший высоким бурьяном.

Вся территория хутора, не только прилегающий к этой избе участок, находилась в зарослях бурьяна, кустарника. Если кто и проедет по просёлочной дороге, то вряд ли увидит избу, которую облюбовали похитители Вали. Автомобиль, на облицовке которого по возвращению они смыли все нанесённые рисунки, парковали в сарае чуть ближе к лесу, который также утопал в кустах и высоком бурьяне.

Леон рассеянно посмотрел на Олега и поинтересовался:

– Что ты хочешь в Солнечногорске?

В это время мелькнули далёкие сполохи молнии, и послышались далёкие раскаты грома. Небо стало мрачным, грозовым.

– Зайдёшь на почту, в магазины, сбербанк и прочее... Посмотрим... могут ли они откликнуться на поддержку нашей скитальческой жизни.

По интонации голоса и шуточным намёкам Леон понял, что он намеревается сделать налёт на один из перечисленных объектов, поэтому спросил:

– На какой день планируешь?

– Как будем готовы. Подберём объект, подготовимся и бомбанём.

– Поехали.

Олег вернулся и позвал Аду. Та вышла с внимательным лицом. Оно говорило о том, что она готова выполнить всё, что велит Олег.

– Мы на часик-другой отъедем, а ты тут смотри... глаз не спускать с Вальки. Поняла?

– А чего не понять? Поняла. Не беспокойся... всё будет в ажуре.

– Надеюсь... Ну пока. Иди. Да с ней не сиди. Поглядывай периодически, не то уболтает тебя.

– Не бойся. Не уболтает. Я буду в нашей комнате, а изредка навещать её.

Олег кивнул ей головой, взмахнул рукой и пошёл, услышав работу выгнанного из сарая Леоном автомобиля.

Петляя по просёлочным лесным дорогам, они выехали на центральную асфальтированную и влились в

общий поток движущегося автотранспорта. Олег много раз бывал в Солнечногорске и сейчас, сидя за баранкой, мысленно представлял места, где расположены отделения сбербанка и почты.

При подъезде к городу, он увидел патруль ГАИ. Инспектор пристально смотрел на приближающийся автомобиль Олега, как тому показалось, но взмахом жезла гаишник остановил движущийся за ним чёрный «Джип». С облегчением вздохнув, Олег въехал в город и через несколько кварталов увидел небольшое здание отделения сбербанка.

Припарковав машину за несколько десятков метров, они вошли в помещение. Кассир и два оператора сидели за застеклённой стойкой, обслуживая через окошко посетителей, которых в зале было семь человек, а в конце стены возле окошка сидел охранник лет сорока пяти, читая газету. Нижняя его губа постоянно шевелилась, а верхняя, удерживающая на себе широкие светлые усы, неподвижно застыла. Остановившись возле доски объявлений, висевшей при входе, на которой разместились рекламные объявления о разнообразности вкладов, Олег и Леон, сделав вид, что читают, скосив глаза, высматривали места, где были установлены видеокмеры и всякого рода сигнализация.

– Не вижу камер, – прошептал Олег.

– И я тоже, – таким же шёпотом констатировал Леон: – Лишь кабель и незаизолированные провода торчат.

– Наверное, на профилактику сняли... или на ремонт.

Подойдя к стойке, они заглянул через неё внутрь, взяли на стойке бланки и ручки, после чего снова по-

дошли к доске объявлений, для вида почеркали на бланках ручками, оставили их там, где взяли, и ушли.

На улице, пока шли к машине, Олег тихо промолвил:

– Надо узнать, когда в сбербанке будет много денег, и тогда ворваться.

– Думаю, что... когда будут выплачивать пенсии, – предположил Леон.

В это время они увидели идущего им навстречу старика. Когда тот приблизился, Олег, шагнув к нему, спросил:

– Отец, я извиняюсь, не подскажете, когда в сбербанке меньше людей бывает?

Тот, остановившись, почесал за ухом:

– Ну-у... завтра, а послезавтра столпотворение. За пенсиями люди придут, а кто и коммуналку платить будет. А тебе-то зачем?

– Мы тут рядом коттедж строим, а в банк хотим прийти, чтобы долго в очереди не стоять... Хозяин уж слишком строг.

– Ну тоды... завтра пораньше или через неделю, когда выплаты закончатся.

– Спасибо, отец.

В хутор ехали молча. Что один, что другой думали о налёте на отделение сбербанка.

Подъезжая к сараю, где ставили автомобиль, Леон спросил:

– Ну, что ты решил?

– Давай завтра... Прямо в девять утра. Не то придётся следующего раза ожидать месяца. Они же раз в месяц выдают пенсии! – Возьмём Аду, будет как посетительница, а её якобы заставим... взять деньги у кассира.

Мы же будем на контроле... держать всех на мушке. На всё... с момента объявления об ограблении до ухода из помещения... отводится две-три от силы минуты. Хотя этого тоже много. Надо не быть жадными... Быстро взяли бабло и ходу. Тогда избежим встречи с ментами. Принимается?

– Мало времени на подготовку.

– А чего нам готовиться? Маски на голову, пистолеты в карман и вперёд.

– Машину разрисовать, разведать всё получше... понадежнее... Спешка нужна в бане, когда вода кончается или в вокзальном туалете, когда услышал об отправлении поезда...

– Леон, – оборвал его Олег, – для разрисовки тачки тебе хватит часа... ну с подрисовкой номерных госзнаков на полчаса больше, а разведывать что будешь? Что надо, мы узнали.

– А если толпа будет... палец не просунешь?

– Зайдём ровно в девять при открытии. Всех, кто вошёл с нами, уложим на пол... Дверь на ключ. Я объявляю об ограблении, а ты охранника вырубешь. Быстро своё дело сделали и ноги в руки. Вот, что плохо, мы сделали, так это не посмотрели, как безопаснее выехать из города, притом не центральной дорогой, а просёлочными... партизанскими.

– Я видел одну дорогу. Она ближе к выезду из города уходит в лес. Давай так... Сейчас перекусим и проскочим туда. Посмотрим, куда она нас выведет.

– А ты успеешь приготовить машину?

– А чего там... Дребедень какую-нибудь намажу на боках и номера исправлю... канистру с водой надо не забыть, чтобы сразу в лесу смыть рисунки.

Зайдя в избу, они обнаружили Аду, спящую на своей кушетке, а Валя сидела на полу, подогнув ноги. Неумытая с распущенными, не расчёсанными волосами, она всё равно была привлекательна, таинственно прекрасна. Увидев вошедших, смотрела на них отсутствующими глазами, даже с рассеянным взглядом. Лицо её было унылым и мрачным.

– Ты чего, подруга, не весёлая? – язвительно спросил Олег.

Та подняла на него глаза, полные ненависти, и холодно с колкостью ответила:

– Почему не весёлая? Радуюсь твоему возвращению после бандитской вылазки... Ты зачем меня похитил и сюда привёз? Чтобы я как собака на цепи сидела? Горе тебя ожидает, урод.

– Но-но! Говори да не заговаривайся. Не то я быстро укорочу твой язык. О-о! Леон! Надо извлечь из того пожара тиски и сделать с её языком подобие того, что тот с нами...

– У тебя, Олег, дурацкие мысли в голове. Вот она тебе, – поддержал Валю Леон, – это и меня касается, правильно вопрос задала... Действительно... нахрена мы её сюда приволокли? А дальше что? Все наши действия она будет видеть. Давай увезём её в город и отпустим.

– Я её быстрее прикончу, чем отпущу. Она больше никому не достанется, – с угрозой заявил Олег и злобно глянул на Валю.

– Прикончи сейчас. Чего ждать? Что я тебе плохого сделала? Почему ты издеваешься надо мною?

– Ты предала меня... И этим всё сказано, – возмущенно сказал Олег и пошёл в комнату, где находилась Ада.

Она, услышав голос Олега и его разговор с Вале́й, привстала и сидела, поглаживая на дверь. Олег, войдя в комнату, скривился от приторного запаха гниющих от сырости половых досок и, бросив взгляд на Аду, спросил:

– А ты не заскучала?

– Скучновато, Олежка... От безделья не знаешь, куда себя деть. Я уже в который раз обошла эти развалюхи... собрала всё, что нашла, нам необходимое.

– Ничего. Завтра с нами поедешь.

– А куда? Далёко?

– Вот завтра всё и объясню, – Олег пальцем показал на стенку, за которой находилась Валя, и поднёс палец к губам в знак молчания. – Как она вела себя?

– Всё ногой бьёт по той железке, к которой пристёгнута. А так... я с ней не общалась.

«Такая же сволочь, как и Олег», – подумал Леон, молча входя и садясь на кусок бревна, служащего вместо стула.

Олег спросил, приготовила ли Ада что-нибудь съестного. Та поставила на стол чугунок с варёной картошкой и нарезала в алюминиевую миску, которую еле отчистила от грязи, огурцов и помидор.

Покушав, Олег и Леон уехали снова в Солнечногорск, а потом поехали по той дороге, о которой говорил Леон. За городом она была еле видна из-за поросшей травы, но, проехав по ней вглубь леса, оба сразу же обрадованно согласились, что именно по ней надо уходить после налёта на отделение сбербанка. С этим они и вернулись к месту обитания. Олег сразу же занялся осмотром и чисткой оружия, уединившись в кустарнике за избой, а Леон занялся автомобилем. На

двух дверках он нарисовал застывших в прыжке тигров, на крышке капота – тигровую пасть в оскале. Подрисовав госномера с изменением цифр и поставив в багажник канистру с водой, на этом свою работу закончил, направившись в избу.

Олег в это время, после чистки оружия, заканчивал инструктаж Ады.

– Боюсь я, Олежка, – простонала та, сделав умоляющие глаза.

– Чего боюсь? – повысил голос тот. – Я тебе буду говорить, что делать... Буду кричать на тебя, может, даже толкну. После, чтобы не случилось, ты бежишь по правой стороне в направлении заправки, и я тебе покажу, где ты будешь нас ожидать. Поняла?

Ада, с дрожью в теле от страха, кивнула головой.

Ночь прошла для неё в кошмарном ожидании наступления дня.

В семь часов утра Олег поднял всех, как он выразился, «по боевой тревоге». Они быстро попили чай, перед уходом Олег зашёл к Вале и проверил надёжность фиксации цепи. Та стала умолять его, чтобы он отпустил домой, но видя, что её старания бесполезны, сказала:

– Мне же помыться надо... Уже скоро неделя, как я здесь. Ну будь ты человеком, а не зверем!

– Я зверем родился и человеком стать не могу... А насчёт помыться... по возвращении Ада тебе мытьё организует. Сиди пока себе спокойно... Для твоего же блага. Мы скоро вернёмся, – ответил Олег и ушёл.

Валя дотянулась до щёлки, которая была в стене и через неё увидела, как её похитители выезжали на разрисованном автомобиле. Она села на своё ложе и глу-

боко вздохнула, а потом, глянув на железный кол, забитый через пол в землю, стала бить ногой по его верхушке, преследуя цель расшатать, вытянуть и вместе с ним убежать. Однако расшатывание за всё время её пребывания продвинулось на несколько сантиметров. И уже этому она была рада, надеясь на успех.

А в это время Олег со своими соучастниками стремились к цели. Проезжая по Солнечногорску, он показал Аде, где она должна ожидать после выхода из сбербанка, а потом, припарковав автомобиль, глянул на часы. Стрелки показывали без пятнадцати минут девять.

– Ада, ты давай иди. Там, смешавшись с ожидавшими, жди. Откроют, заходи вместе с ними. А дальше я тебе буду говорить, что делать. Всё будет выглядеть так, как будто я взял первую попавшуюся женщину и заставил это делать. Не дрейфь, хотя там можешь плакать, покрикивать. Ступай, – велел Олег, и она, повязав голову платком, прикрыв на половину щёки, лоб и подбородок, ушла. Проводив её длинным взглядом, он перевёл глаза на Леона: – Потопами и мы помаленьку.

Надев на голову шапочки-маски, они вышли из машины и направились к отделению банка, возле которого уже стояли, ожидая открытия, восемь человек вместе с Адой. В основном это были старушки и два старика. Замедлив шаг, Олег и Леон поджидали, когда откроется дверь.

И вот над крыльцом вспыхнула лампочка, скрипнула и открылась железная дверь. Ожидавшие поспешили в помещение. Олег и Леон тоже поторопились... Входя, Олег увидел на внутренней стороне двери задвижку, закрыл на неё за собой дверь. Ещё до входа в операционный зал они увидели, что посетители в ос-

новном стали в очередь к окошку кассы, лишь одна женщина встала к оператору с коммунальными платежками. Опустив маски на лицо и выхватив пистолеты, Олег и Леон заскочили в зал и, Олег, выстрелив в потолок, закричал:

– Ограбление! Всем лечь на пол. Кто не ляжет, застрелю сразу. Операторов и кассира это тоже касается.

Леон в это время ударил рукояткой пистолета охранника, и тот рухнул на пол. Люди загудели, но стали ложиться на пол, а Олег подбежал к стойке и, глянув на операторов, потребовал:

– На метр от стойки и на пол! Ну-у! – и тут же наставил на них пистолет. – А ты, – он указал на кассира: – Сложи деньги в сумку. Быстро!

Бросив кассиру сумку, он посмотрел на лежавших на полу и, увидев Аду, закричал:

– Вставай! Быстро! – а когда та, искривив лицо, изобразив страх, выполнила его требование, продолжил: – Возьми у кассира сумку и отнеси к входной двери.

Она пошла исполнять. В это время старик стал подниматься с пола, но Леон подбежал к нему, ногой нажал на его спину, и тот снова лёг.

– Лежи, отец. Дольше проживешь.

– Всё клади! И если что оставишь, – закричал на кассира Олег, – проверю, застрелю. Быстрее!

В это время подошедшие с улицы посетители начали стучать в дверь.

– Быстрее! – закричал Олег на кассира и направил пистолет.

Та подала наполненную сумку Аде и незаметно нажала красную кнопку «тревоги». Олег вырвал из рук

Ады сумку, побежал к выходу, а за ним и Леон. Открыв дверь, они в масках оказались перед собравшимися, те шарахнулись в стороны, а Олег и Леоном побежали в направлении припаркованного автомобиля.

Ада в это время, воспользовавшись ситуацией, прокричала:

– Убегаем! – и кинулась к выходу, а за ней несколько женщин.

Оказавшись на улице, она, что есть мочи, устремилась к условленному месту, а в это время с воем сирены к отделению сбербанка примчался милицейский автомобиль, из которого выскакивали милиционеры с автоматами. Ада, прибежав к тому месту, которое ей указал Олег, остановилась, и тут из квартала показалась их машина. Она побежала навстречу и, заскочив в салон, с облегчением, запыхавшись, промолвила:

– Слава, тебе Господи! Умереть так можно.

– Всё уже позади, – сказал Олег и быстро повёл автомобиль по просёлочной дороге в лес.

Покушение

Выехав на место происшествия по факту покушения на убийство депутата Государственной Думы Зосимова, Каневский вспомнил строжайший наказ прокурора о принятии всевозможных мер по раскрытию преступления в самые кратчайшие сроки.

Прибыв на место, застал там не столько зевак, сколько начальство из всех родов спецслужб. Милиция чётко помнила свои обязанности по охране места происшествия, сохранению той обстановки, которая была на момент выстрела, подготовила двух понятых, опросила ряд свидетелей, проверила все чердачные помещения, находившиеся напротив окон квартиры депутата, жилых домов и строений.

Начальник территориального РОВД полковник Сазыкин, доложив Каневскому об этом, сообщил фактуру случившегося:

– Депутат Демид Илларионович, находясь в своей комнате, собирался выезжать в Госдуму, складывая в портфель необходимые документы, как вдруг раздался треск оконного стекла, пуля пролетела мимо его лица и с треском врезалась в бок книжного шкафа... депутат упал на пол, отполз в другую комнату и позвонил на «02». Мы и выехали. Из беседы с ним ничего существенного не получено. Как видно из моего доклада проделанная нами работа положительных результатов

тоже не дала. Всё высокое начальство на ушах. Сами видели разношерстность находившегося здесь представителей министерств и ведомств правоохранительных органов, а также СМИ.

– Понятно, – только и ответил старший советник юстиции и преступил к осмотру.

Кроме него, двух понятых, депутата и членов его семьи в квартире никого не было, и дверь была закрыта на замок.

Побеседовав с Зосимовым, он тщательно осмотрел комнату, оконное стекло со сквозным отверстием от пули, книжный шкаф и изъяс пулю, застрявшую в 1-м томе Вячеслава Шишкова «Рассказы и повести», после чего несколько минут смотрел через пулевое отверстие в оконном стекле на находившиеся напротив дома и, повернувшись к жене депутата, попросил катушку ниток.

Когда та принесла, он, наконец, привязал к спичке, просунул её через пулевое отверстие наружу и, натянув нитку, закрепил её по центру пулевого отверстия на книжном шкафу. После этого вынул из папки лист бумаги, скатал его в трубочку, соразмерную диаметру оконного пулевого отверстия, конец её просунул в это отверстие, а второй закрепил на натянутой нитке. Все присутствующие в недоумении смотрели за его действиями.

Присев, Каневский посмотрел через трубочку и увидел окно, выкрашенное в зелёный цвет в доме на противоположной стороне улицы.

– Ага, – произнёс Каневский, поднявшись, и начал считать этажность, запоминая обнаруженное окно, из которого и был произведён выстрел. – Понятые, прошу вас, следуйте за мной.

– Что-то есть? – коротко спросил депутат.

– Рано об этом, – так же кратко ответил Каневский и с понятыми вышел из квартиры.

Увидев на лестничной площадке Сазыкина, он, не глядя на присутствующих, тихо сказал ему:

– Возьмите двух бойцов и пойдём со мной.

– Товарищ Каневский, я из следственного Управления прокуратуры Республики, – послышалось сбоку.

Тот, повернув голову и глянув на представившегося, спокойным тоном ответил:

– Прошу извинить меня. Минут через десять я буду в полном вашем распоряжении.

Кивнув головой Сазыкину и понятым, он вышел, и те последовали за ним.

Возле подъезда Сазыкин взял с собой двух вооружённых автоматами милиционеров, после чего все направились за Каневским. У дома тот остановился, посмотрел на окна верхних этажей и сказал Сазыкину:

– Владимир Александрович, бойцы пусть перекроют выходы из этого дома, а мы с вами поднимемся на восьмой этаж. Понятые тоже пусть останутся пока здесь.

Тот поставил милиционерам задачу, и, оставив их возле выходов, они вошли в подъезд, на лифте поднялись на восьмой этаж.

– Вы можете объяснить, что мы здесь делаем, Борис Фёдорович? – почти шёпотом спросил Сазыкин.

Тот глянул на две двери, находившиеся на площадке, и тихо ответил:

– Из этой квартиры стреляли.

Подняв руку, он нажал на кнопку звонка. За дверью послышались робкие шаги, а потом с дрожью голос женщины:

– Кто там?

– Я следователь прокуратуры, – представился бодрым голосом Каневский. – Открывайте.

Загremели дверные запоры, дверь открылась. В проёме стояла седая женщина лет шестидесяти, её руки дрожали, а серые глаза виновато смотрели на следователя и начальника милиции.

– Я знала, что вы придёте, – сказала она и заплакала, закрыв лицо руками.

– Простите, как вас зовут? – спросил Каневский.

– Зина...ида Про...кофьевна, – из-за плача голос прерывался.

– Вы сказали, что знали... Прошу пояснить. Причину своего визита мы не озвучили. Если вы продолжите честно и добросовестно, то это будет только в ваша пользу. Прошу вас, успокойтесь и продолжайте.

Женщина вытерла руками глаза и мокрое лицо, взглянула вглубь квартиры и с дрожью в голосе промолвила:

– Вон он... виновник... сидит, переживает... Вот, что произошло. Сын с дочерью уехали в отпуск... Они живут на Живописной... А своего сына... внука нашего оставили у нас. Ему пятнадцать и три месяца. Степан... муж мой работает егерем в лесничестве. У него есть разное... своё и служебное оружие, которое он хранит в сейфе. Сегодня с утра муж уехал на совещание к своему начальству. Так этот оболтус... как я думаю... нашёл вторые ключи от сейфа и, открыв его, стал рассматривать оружие. В это время я хлопотала на кухне, а он, заигравшись с карабином, нечаянно выстрелил и попал в окно соседнего дома. Господи... Праведный, помилуй нас...

– Мы можем войти? – перебил её Каневский.

– Да, входите.

Войдя, Каневский обратил внимание на простоту быта её хозяев. Старая мебель и такие же шторы на окнах, лишь богатая библиотека свидетельствовала об их жизненной сознательности. Заглянув в чуть приоткрытую дверь, он остолбенел. Мальчик, надев себе на шею петлю из шпагата, пытался повеситься на верхней дуге спинки кровати.

– Ты что это вздумал! – крикнул Каневский, бросившись к нему.

Отобрав шпагат и уже в присутствии вбежавших Зинаиды Прокофьевны и Сазыкина сняв с шеи петлю, он посадил мальчика на кровать, пристально глядя на него:

– Зачем ты это хотел сделать?

– Я жить не буду... однозначно...

– Тебя как зовут? – перебил его следователь.

– Василий, – ответил он, не глядя на следователя. – Зачем вы мне помешали? Какое вам дело до меня?

– Вася, успокойся. Давай поговорим спокойно. Я вот... старший следователь прокуратуры по особо важным делам, и у меня тоже дома такой же сынок, как ты. Я хочу понять, что тебя толкнуло на самоубийство?

– Я человека убил, а это значит, что я должен заплатить за это своей жизнью. Но поверьте... я это случайно... не умышленно, – на его глазах появились слёзы, смахнув их рукавом, он продолжил: – Честное слово... случайно.

Зинаида Прокофьевна стояла рядом, ломая пальцы рук, плакала, глядя на внука.

– Вася, к счастью всё обошлось без жертв. Пуля пролетела в нескольких сантиметрах от лица человека.

После выстрела повреждено лишь оконное стекло, боковая доска книжного шкафа и одна книга. Если сюда приплюсовать ещё одно событие, то оно объясняется следующим образом... Все семейство в панике и страхе, считая этот выстрел покушением бандитов...

– Это правда? – горячо воскликнул Вася и вскочил с кровати. – Скажите честно... Или вы меня успокаиваете?

– Честное слово, правда.

Из глаз более интенсивно покатились слёзы, скорее, от радости, он стал прыгать по комнате, а когда успокоился, подошёл к Каневскому и твёрдо заявил:

– Арестовывайте меня. Я должен ответить за это... Больше подобного и другого чего-либо, что преследуется законом... не повторю.

Его бабушка продолжала стоять в стороне, не в силах унять слёзы, а Сазыкин, довольный развязкой, улыбался во всё лицо.

– Это похвально, что ты понял и осознал свои негативные действия, но мы сделаем так... Я осмотрю место происшествия, – Сазыкин, услышав это, сразу же кинулся за понятыми, а Каневский продолжал: – А потом мы с тобой спустимся вниз и пойдём к тем людям, которым ты нагнал страху. Карабин мне придётся пока изъять... для проведения баллистического исследования. А дело... уголовное... я, наверное, возбуждать не буду, коль ты всё осознал и действовал неумышленно. Хорошо?

– Спасибо, вам. Простите меня за это дурачество.

– А запасные ключи от сейфа где ты нашёл?

– Я их не нашёл, а из проволоки сделал отмычку, и ею открыл сейф.

– Закрыть его можешь?

– Попробую. Открывая, я долго возился, а закрывать, наверное, легче будет.

При помощи той же самодельной отмычки за пять минут он закрыл сейф.

Каневский произвёл осмотр квартиры, зафиксировав положение сейфа, наличия в нём оружия, и документов на законность его владением и хранение, окна, выходящие в сторону жилого дома, в котором проживает депутат, изъят карабин, находившийся на тот момент в сейфе, и после подписи протокола отпустил понятых. После этого взял объяснение у Василия и его бабушки, а когда закончил, перед выходом сказал:

– Идём, Василёк, – у бабушки лицо побледнело, руки задрожали, считая, что внука забирают в тюрьму, а Каневский продолжил: – Извинишься перед депутатом и вернёшься домой.

– Так он ещё и депутат?! – вскрикнула бабушка. – Я тоже пойду... Упаду в ноги этим людям.

В это время сотрудники и всякое начальство, собравшиеся возле дома депутата, ожидали Каневского и Сазыкина, недоумевая, куда и зачем они ушли. Тут же стояли и Вадим с Колей, узнавшие в прокуратуре о выезде Каневского на место происшествия.

– Собачья у Бориса работа, – тихо сказал Коля Вадиму. – Ежедневно, а бывает и по несколько раз на день выезжать на места разных преступлений... через своё сердце пропускать горе родственников погибших от рук бандитов и ненависть к лицам, совершившим злодеяния... Это тяжело. И ты тоже сунул голову в это пекло.

– Что кому дано, – ответил спокойно Вадим. – Тебя вот к литературной деятельности тянет, а меня к борьбе с криминалом.

В этот момент все увидели переходящих проезжую часть улицы Каневского с карабином в руке, Сазыкина, пожилую женщину и паренька, ростом не больше полутора метров. Каневский и Сазыкин о чём-то перебрасывались словами, а подойдя к собравшимся, Каневский сразу же обратился к депутату, с которым беседовал представитель следственного управления генеральной прокуратуры:

– Демид Илларионович, этот паренёк... хочет что-то сказать вам. Его зовут Василием.

У депутата глаза остановились на карабине в руках следователя, а потом на мальчике. Тот же, сделав умоляющее лицо, опустил перед ним на колени и произнёс:

– Простите меня. Это я выстрелил, но нечаянно... баловался с винтовкой.

Тут же рядом с ним упала на колени и бабушка, со слезами на глазах начала умолять депутата о пощаде.

На первых секундах депутат от неожиданности растерялся, а придя в себя, схватил Василия, приподнял с земли и, прижав к себе, трижды чмокнул в макушку, приговаривая:

– Ах, ты хулиган... А я-то голову ломаю... кому же я так неудачно дорогу перешёл, – потом отпустив из объятий, спросил мальчика: – А где ты винтовку взял? – и тут же стал поднимать с земли женщину.

Вася рассказал подробно о своих действиях, извиняясь после каждой малейшей паузы, а когда закончил, стоял потупившись, ожидая своей участи.

– Мы заменим стекло, отремонтируем другие повреждения... Простите нас, Демид Илларионович, – сквозь слёзы дополнила бабушка.

– Вы со своим внуком сняли с моего сердца огромный камень, – сказал депутат. – Не надо ничего стеклить и ремонтировать. Идите с Богом, а тебе, Василий, пусть будет наука на всю жизнь. С оружием играть нельзя. Один раз в год и вилы стреляют, – повернувшись к следователю, он продолжил: – А вам, Борис Фёдорович... товарищ полковник... низкий поклон и огромное спасибо от всей семьи. Представить страшно... если бы вы не нашли виновника... я бы в ужасном страхе находился все 24-е часа и ежедневно, – он протянул ему руку и крепко пожал, а потом окинул всех взглядом, объявил: – Всем спасибо за участие и простите за беспокойство.

– Ну, что, – подойдя к Каневскому, сказал работник Генеральной прокуратуры. – Мне здесь нечего делать. Принимайте решение сами. Думаю, возбуждать дело нецелесообразно. Всего доброго... – и ушёл к своему автомобилю.

– Борис Фёдорович, – обратился к Каневскому депутат. – Приглашаю на чашку кофе. Не откажите.

– Спасибо, Демид Илларионович, честное слово, я бы с великим удовольствием, но... работа... Если можно в другой раз.

– Ловлю вас на слове. Не откажите вторично. Я позвоню, и мы условимся о времени.

Все стали расходиться и разъезжаться. Остались лишь Каневский, Вадим и Коля.

– Ну, что... поедem ко мне? В спокойной обстановке поговорим, – сказал Каневский, и они уехали, против-

шись с депутатом, с лица которого не сходили радость и приподнятость духа.

По приезду в прокуратуру они долго и детально обсуждали ход расследования дела о похищении Вали. В какой-то момент Каневский развернул на столе карту местности и пальцем показал:

– Последний звонок по телефону был здесь.

– Это же почти там, где я с ними занимался, – сказал Коля, пристально вглядываясь в карту. – Но нет... думаю, что их туда верёвкой не затащишь.

– Могут в пути... к примеру, в сторону Твери или Питера... позвонить и выбросить телефон, но опять же... они ведь Аде звонили.

– Дождались её приезда и уехали, а приехать она могла на попутке, такси или с частником... – произнёс Коля. – Надо поискать такси, остальных бесполезно, разве что по телеку обратиться.

Обговаривая до мельчайших подробностей каждое мероприятие следственных действий, они составили план ежедневной работы по делу, цепко взявшись за это.

Прогулка в Клин

Металлический кол поддавался Валентине медленно, но она продолжала его постукивать ногой в разные стороны. Кроме этого неоднократно пыталась, взявшись за цепь возле самой сварки с колом, тянуть, пытаюсь вытянуть, но безрезультатно. Все порывы как-то расшатать или сдвинуть пути делала, когда Олег и Леон отсутствовали. Боролась не только с убийственно медленно тянувшимся временем, но и с мучительным одиночеством. Когда Олег, Леон и Ада уезжали, она во все горло пела, надеясь привлечь к себе внимание кого-либо из людей, по какой-то причине появившихся в этом глухом краю. Её пение услышали и прибывшие после ограбления отделения сбербанка, когда поставили на стоянку в сарай автомобиль. Олег не на шутку разгневался и, войдя в избу, в гнев предупредил:

– Ты... кудла! Будешь орать... я тебя буду связывать и скотчем заклеивать рот. Попробуй только ещё раз это сделать.

– Я скоро не петь, а выть по-волчьи буду... Отпусти, прошу тебя... У меня от вашей цепи уже нога кровоточит, – с раздражением ответила Валя. – Вам вон этой хватит, – и она кивнула в сторону Ады.

Та уязвлённая что-то просюсюкала себе под нос и ушла в комнату.

Олег из подлобья посмотрел на Валью, кулаком погрозил ей и пошёл следом за Адой. Леон с сумкой в руке молча последовал за ними.

Валя осталась одна. Ей вдруг вспомнилось то омерзительное утро, когда она обнаружила себя нагишом рядом с Леоном, и лицо её скривилось от душевной боли.

– Ада, посчитай добычу, – услышала она за стенкой голос Олега и припала ухом к стене.

Минут десять слышны были шаги по комнате, кто-то кашлянул, раздался звон посуды, затем послышался голос Ады:

– Триста семьдесят пять тысяч.

– Неплохо, – сказал Леон.

– Та мымра, наверное, не всё положила. Утаила, падла. Надо было прикончить её, – возмущённо выдал Олег. – В следующий раз надо быть бдительней.

– Достаточно на первый раз и этого, – высказалась Ада. – По сто двадцать пять тысяч... Разве этого мало?

– Чего? – возмутился Олег. – Ты что, поровну с нами считаешь? Каждому по труду. Ты только постояла бестолку возле этой мымры и всё, а мы самое главное сделали. Поэтому нам с Леоном по 160, а тебе остальное.

Ада, покраснев, глупо смотрела в пол. Ей крайне не понравилось то, что сказал Олег, но, внутренне возмущаясь, она всё-таки не решалась отстоять себя, хотя в её глазах молнией мелькнул алчный огонёк, а спустя немного всё же попыталась:

– Но я ведь...

– Будешь перечить... вообще ничего не получишь, – перебил её Олег. – Завтра мы с Леоном поедem в Клин...

прогуляемcя, а ты подумай и чем-то Вальке ногу обработай, я сейчас цепь перекину на другую ногу.

Валя услышала шаги и села ровно. Олег подошёл к ней молча, как в коровнике к скотине, поднял её ногу, снял замок и намотал цепь на другую ногу, после чего замкнул на ключ. Подняв голову, глянул в лицо Вале, и его кровь забурлила, им овладела похоть, рука скользнула по голени вверх, достигла нижней трети бедра. Валя резко дёрнулась и коленом ударила его в подбородок. Потеряв равновесие, он упал на пол.

– Бешеная, – промолвил Олег, поднялся, отряхнулся и пошёл в комнату.

От его притязаний на душе Вали стало мерзко и гадко: «Быстрее бы Вадим пришёл. Он обязательно придёт... Я уверена. Эти сволочи получают по заслугам».

Олег же, пытаясь залезть рукой под платье Вали, руководствовался больше мужским влечением, чем разумом, вспомнив о своей мужской несостоятельности, сразу же оставил её в покое. Он понимал, что между ним и Валею образовалась бездонная, непреодолимая пропасть. Однако от желания отомстить, как он считал, за поруганную честь, не мог отказаться.

Незаметно подкрались вечерние сумерки. В комнате похитителей загорелись три свечи, а Валя как всегда оставалась в темноте и внутренней тревоге, подобно пойманной птицы, содержащейся в клетке. У неё было достаточно решимости и воли вырваться из этого ада, но не хватало силы и возможности. При всём этом она не оставит попыток к освобождению, мечтая, чтоб возникла, наступила реальная возможность, что даст ей шанс, как той птице в клетке, улететь на свободу.

Наступило утро. Далеко на востоке по небу взбился красный диск – земное светило. Олег и Леон позавтракали тем, что приготовила Ада, а Вале Олег отнёс ломтик зачерствелого хлеба, остаток на дне жестяной банки тушёнки и кружку воды. Она знала, что до следующего утра из еды она ничего больше не получит. Голодная до тошноты и ноющих болей в желудке, Валя терпела, и медленно её организм привыкал к этому жестокому режиму.

Олег, уходя к автомобилю, незаметно для Леона взял свой раскуроченный мобильник. Ему очень хотелось позвонить матери и узнать об обстановке в доме.

Валя слышала, как Олег и Леон суетились, как заработал двигатель, и как они уехали.

Ада за стенкой продолжала греметь посудой.

«Сколько же мне ещё терпеть эти столь суровые удары судьбы? Когда же наступит этому конец?» – с такими мыслями Валя снова принялась расшатывать металлический кол.

– Ада! – громким голосом позвала она.

Скрипнула дверь, и та вошла с недовольным видом, смерила её суровым взглядом:

– Чего тебе?

– Помоги мне. Ну как ты можешь спокойно смотреть, как я мучаюсь. Ада, отпусти меня... А? – умоляюще глядя на неё, попросила Валя.

– Не я тебя сюда привезла... Не я и отпускать буду, – пробурчала та.

– Ты же подругой мне была...

– Была, да сплыла, – перебила её Ада.

– Ну, что тебе стоит... Помоги вытащить этот кол, и я уйду, а ты скажешь, что отлучилась или уснула, а

после обнаружила моё исчезновение. Ада... Ну ты же на них не похожа! Я прощу тебе все гадости, которые ты мне сделала. Помоги.

– Не говори чепухи. Из-за тебя страдать не буду... И слушать этот бред не хочу... А насчёт прощения... Это дело твоё. Можешь прощать, а можешь и не прощать. Мне это до одного места.

– Ну ты точно озверела вместе с этими уродами... Я посмотрю, какими горькими слезами будешь омыwać все эти действия... когда окажешься на скамье подсудимых вместе с ними.

– Доживи ещё. Ещё неизвестно, кто из нас в слезах-то будет. Сиди и не рыпайся, – сурово ответила Ада и вышла, громко стукнув дверью.

Последние слова Вали задела её за живое. Ими та неопровержимо уличила её в противоправных действиях, и в случае развития событий не в её пользу, она не сможет найти отдушину или воспользоваться благосклонностью бывшей подруги. Перемальвая это в мозгах, она уже пожалела, что сурово относилась к ней, и ноги её понесли обратно. Спокойно открыв дверь, но не входя, а лишь просунув голову, Ада как можно поласковой произнесла:

– Валь... ну ты не обижайся... Сама ведь знаешь, какой свирепый Олег... Я его боюсь.

– Давай вместе уйдём, – предложила та. – Ты ведь здесь только из-за того, что побоялась ответственности за надругательство надо мной? Ведь так? Я защищу тебя.

На первых секундах её мозг уже было схватился за слова Вали, но перед глазами поплыли купюры, выделенные Олегом, а следом накатила неотступная мысль

о том, что эта сумма после каждого налёта может увеличиваться, и Ада уклончиво ответила:

– Поздно мне, Валя. Рада бы, да грехи не пускают... Вижу рай, а тянет в ад. Прости меня... но я не могу... А что касается тебя, то я подберу момент и помогу тебе. Уйдешь сама, – сказала, а сама подумала: «Никогда и ни за что».

– И на этом спасибо.

– Давай, я тебе ногу отваром листьев шиповника обработаю и перевяжу!

– Давай мне отвар, а остальное я сама сделаю. Ох... Ада, Ада... как ты в этой жизни заблудилась.

– Я помогу тебе, слышишь? – глаза Ады засветились, но это было лишь на короткое время. Внутренне она тут же себя осекла: «Язык без костей. Смолоть, что хочешь, может, а обещанного годами ждут. Главное вовремя создать вид добрых отношений, а там как будет».

Спустя минут пятнадцать она принесла Вале отвар, и та, обработав раны, перевязывать не стала, надеясь на быстрое заживление на открытом воздухе.

Вскоре Ада ушла в лес собирать травы и лесные ягоды для заварки чая, а Валя, воспользовавшись этим, усердно продолжала расшатывать кол.

Тем временем Олег и Леон побывали в Клинском отделении сбербанка и крайне расстроились. Его оснащение, внутреннее устройство в целях безопасности и охрана свидетельствовали о том, что их намерения напрасны.

Выйдя на улицу, Олег, покрутив пальцами кончик носа, что всегда делал, когда задумывался над чем-то, произнёс:

– Почту? Но там денег... кот заплакал. Давай-ка проскочим в Канаково. Думаю, там нам фортуна улыбнётся... А на обратном пути заедешь в этот же Клин... Универсам будет заканчивать свой рабочий день с большим накоплением бабла. Заберём его и домой. Как смотришь, Леон?

– Поехали, – ответил тот, и они направились к автомобилю.

Добыть как можно больше денег для обоих являлось животрепещущей темой. Оба в тайне друг от друга вынашивали одну и ту же цель: обогатиться... способ их не интересовал... и ехать как можно дальше от Москвы. Олег подумывал и о другом, – поступить по принципу хищника и отобрать добычу из зубов своих собратьев, а точнее, соучастников. Чтобы всё добытое преступным путём досталось только ему. Леона, Аду, а вместе с ними и Валу он намеревался физически устранить, что, как себе представлял, для него особого труда не составит, застрелит всех троих, избу подожжёт, а сам на машине уедет, а потом и от неё избавится. Попутный, особенно грузовой транспорт, как он считал, надёжнее и безопаснее.

Дорога в Канаково оказалась в самом неудовлетворительном состоянии. Постоянные рытвины затрудняли езду, отчего пришлось часто выезжать на встречную полосу движения, которая была не лучше.

– Это плохо... на случай погони. Можно не только амортизаторы, но и колёса потерять, – заметил Олег, пристально глядя на дорогу и лавируя между рытвинами.

Не получив поддержки в сказанном, Олег глянул на Леона, сидевшего с невозмутимым спокойствием, не-

жели он сам, и казалось, что того дорога в рытвинах не обременяла.

– Ты о чём замечтался, Леон?

Тот перевёл на него взгляд, скривил лицо, которое стало благодушно-глуповатое и совершенно спокойно спросил:

– Что? Что ты сказал?

– Нихрена себе! Ты где сейчас был?

– В детстве, Олег. Вспомнил одну девочку, с которой дружил, найти бы её.

– Я говорю об отвратительной дороге, а он о девках думает.

Леон глянул на дорогу и как будто все её недостатки только что увидел, одобрительно посмотрел на Олега и произнёс:

– О, да. Как почтовый тракт царского времени.

– При погоне не убежим.

– Преследователи с такой же скоростью будут сопровождать. Но лучше без них. Надо посмотреть, на всякий случай, лесные дорожки, на которые можно будет свернуть... да хотя бы переждать.

Когда асфальтная дорога стала проходить среди леса, Олег увидел съезд на просёлочную дорогу, уходившую вглубь лесного массива, свернул на неё и проехал несколько километров, возвратился назад. Так до Конакова он повторил ещё дважды и понял, что по просёлочной дороге можно проехать до самого Клина, а также выехать на главную дорогу, ведущую в Тверь, конечно же, при сухой погоде.

Приехав в Конаково и зайдя в отделение сбербанка, Олег с облегчением вздохнул. Вся внутренняя обстановка помещения ему пришлась по нраву. «Вот мы его

и бомбанём», – подумал он, не видя в зале посетителей, даже охраны, не говоря уже о средствах сигнализации, которые его глазу не попались. Олег и Леон одобряюще переглянулись и вышли, а по пути к автомобилю Олег промолвил:

– То, что надо. Теперь вопрос... когда?

– Наверное, перед выдачей пенсий, – ответил Леон и дополнил: – Только надо узнать, в какой день начинают здесь выдавать.

Увидев шедшую по тротуару старушку с палочкой, Олег подошёл к ней:

– Бабуля, скажите, в какой день выдают пенсию?

– А тебе-то... внучек... зачем это?

– Дедушку привезу получать, и вот думаю, не получится ли под мою смену, – убедительным тоном ответил тот.

Старушка назвала число и пошла в своём направлении, а Олег клацнул языком и, нагнув голову к Леону, прошептал:

– На два дня раньше, чем там.

– Стало быть, через четыре дня надо быть здесь, – прошептал тот. – Давай проедем по всем улицам... посмотрим, куда они нас выведут. Не будем же мы сходу брать московское направление... Да, притормози возле продмага... Хлеб и другую еду надо взять.

– Поехали.

Воспользовавшись тем, что Леон ушёл в магазин, Олег быстро собрал телефон и позвонил матери. Сразу же ответили, Олегу вначале показалось, что мать, но это оказалась домработница, которая редко подходила к телефону, когда Зоя Степановна находилась дома.

– Слушаю вас, – ответила она.

– Зою Степановну пригласите, – попросил Олег.

– А кто это говорит? Кто её спрашивает? – настойчиво начала домработница, но тут же добавила: К сожалению, она умерла.

Олег, побоявшись представиться, отключил телефон и, словно не поняв до конца последние слова, незамедлительно полностью разобрал его. «Всегда мама брала трубку. Наверное, болеет», – подумал он.

Увидев идущего обратно Леона, он спрятал телефон в карман.

Исколесив Конаково, побывав возле ТЭЦ, на набережной Волги, возле кладбища, ознакомившись со всеми выездами и оставшись довольными, она выехали в Клин.

По дороге Олег свернул в лес, где Леон подрисовал госномера автомобиля, начертил полосы на крышке капота, после чего выехали на асфальтную дорогу. Примерно через час езды она были в Клину. Начало темнеть. День быстро передавал все свои полномочия вечеру. На столбах загорелось уличное освещение. Припарковавшись вблизи универсама, они вышли из машины и посмотрели вывеску режима работы магазина, а потом вернулись к автомобилю. Надо было час подождать и к закрытию войти в магазин.

Леон сидел, закинув голову на подголовник, а Олег, упершись лбом в рулевое колесо, размышлял. Спустя минут десять он, вдруг подняв голову, произнёс:

– Надо посмотреть, где общая, главная касса, и где можно спрятаться, когда магазин закроется. Идём, Леон. Ты берёшь разведку кассы, а я поищу место, где укроемся.

– И то верно, – ответил тот и открыл дверцу машины.

Они вошли в помещение магазина. Работали на выход три кассы, которые по приближению времени закрытия магазина поочередно будут прекращать работу, и кассиры понесут выручку в главную кассу. За этим, согласно договоренности, и должен проследить Леон. Олег прошёл по всему магазину и обратил внимание на помещение в виде подсобки, куда рабочий складывал пустую разнovidную тару и упаковку товаров.

Выйдя из магазина, они обменялись информацией, детально обсудили свои действия, а потом стали прохаживаться по тротуару рядом с магазином, продолжая беспокоящую их тему.

– А вдруг инкассаторы забирают выручку?! – вдруг произнёс Леон.

– Оп-па! – воскликнул Олег. – А я-то об этом и не подумал. Надо сейчас действовать. Пусть одна из касс не сдаст выручку, зато будем с деньгами, а так инкассаторы заберут.

– Так может, мы у них заберём? Зато всё, что они собрали, – предложил Леон.

– И это вариант. У меня почему-то сегодня мозги плохо работают... Так... Надо хорошо подумать.

– Да думать уже почти некогда. Надо решать... если кассу, то сейчас идти, а если инкассаторов... будем ждать их. Но во втором варианте может так случиться, что придётся применить оружие... Они ведь однозначно схватятся за пистолеты.

– Значит, мы будем первыми. Пока они схватятся, мы будем уже наготове... только на крючок нажимаем. Сколько их обычно в автомобиле?

– Трое. Один всегда остаётся за рулём, а двое идут за баблом и с ним же возвращаются, – сказал Леон так, как будто сам работал инкассатором.

– А если инкассаторы не обслуживают магазин? Пролетим. Магазин закроется... не будем же мы ломиться. Что делать?

– Олег, они приезжают до закрытия магазина, а не после. Минут за десять до конца работы магазина зайдём и мы... и сразу к главной кассе, которую я надыбал в кабинете завмага. В таком случае твой складок не понадобится. От этой кассы мы незаметно можем выйти во двор, а потом на улицу.

Пока она договаривались, как действовать, время шло и приближалось к концу рабочего времени магазина. За пятнадцать минут до этого они подошли к входным дверям. Движение людей больше было на выход. Глянув на часы, Олег сказал Леону:

– Пора, инкассаторов нет. Значит, и не будет.

– Идём, – ответил тот.

Открыв дверь, они сразу же направились в торговый зал, но им навстречу вышла полная женщина в белом халате.

– Молодые люди, мы закрываемся, – сказала она, расставив руки и этим преграждая им путь.

– Голубушка, красавица, – начал Олег. – Мы только курево возьмём и по бутылке лимонада.

Та от таких слов разомлела, заулыбалась, сделала глаза с поволокой и поглядывая на обоих тёплым взглядом, пропела:

– Только по-бы-стре-нько-му.

Олег и Леон, подарив ей улыбку, быстро кинулись вглубь магазина, а она встала у двери, закрыв её на

крючок для входящих и выпуская покупателей по мере их подхода к выходу.

Олег успел заметить, что на выход уже работала всего одна касса. «Значит те сдают бабло», – подумал он.

Леон, шедший впереди, уверенно вёл Олега к кассе, а подойдя к ней, остановился и пальцем показал на дверь. Олег кивнул головой, и тот потянул дверь на себя, но она оказалась закрыта изнутри. Леон легонько постучал. За дверью послышались шаги, потом звонкое падение крючка, и дверь приоткрылась. Леон, опустив маску на лицо, вошёл в кассу первым и увидел спину женщины в белом халате, которая открыла дверь и, не глянув на вошедших, шла к другой, сидевшей лицом к вошедшим, но уткнувшись в подсчёт денег. Олег, опуская на лицо маску, закрыл за собой дверь на крючок, после чего они оба, обнажив пистолеты, подошли к столу, на котором лежал ворох денежных купюр.

– Не мучайтесь, женщины. Мы вам поможем, – грубым голосом сказал Леон.

Те, вздрогнув, вскочили и, увидев мужчин в масках, закричали.

Олег и Леон, как договорились, ударами пистолетов по головам, отправили обоих на пол. Леон схватил пустую картонную коробку, лежавшую в углу, стал быстро сгребать купюры в коробку. Олег тем временем заглянул в приоткрытый сейф и оттуда достал деньги, бросив их в ту же коробку. Закрыв её, Леон быстро перевязал пояском от халата, висевшего на гвоздике в стене, и они направились к выходу.

Как только Олег взялся за крючок, дверь дёрнулась, и сразу же раздался стук. Олег открыл, и дуло пистолета упёрлось в нос молоденькой девушки, стоявшей

перед ним с пачкой денег в руке. Девушка, увидев мужчин в масках и с пистолетами, побледнела, глаза её закатились, и она рухнула на пол. Олег забрал из её рук деньги, и они вышли во двор, а через него на улицу и побежали к автомобилю.

Бросив коробку в багажник, они сели в машину. Олег те деньги, что взял из рук девушки, положил на колени Леона и, запуская двигатель, сказал:

– Посчитай. Интересно, сколько даёт одна касса.

Дав газу, они умчались, стараясь как можно быстрее выехать из Клина. За городом Олег повёл автомобиль по просёлочной дороге мимо домов и новостроящихся дачных домиков.

– Триста семьдесят тысяч, – ответил Леон, когда закончил считать.

– Не плохо, Леон... не плохо. Даже очень не плохо. Лучше, чем в сбербанке, – оценил Олег.

– Но там мы, конечно, не всё взяли, а только то, что на поверхности лежало.

– Согласен. Вот что мы сделаем, Леон... По прибытии разделим всё поровну без участия Ады и спрячем, не занося в избу, а ей не обязательно говорить, где мы были, что делали и с чем возвратились. Поддерживаешь?

– Безусловно.

Как решили, так и поступили. По прибытию деньги они поделили и спрятали, зарыв в сарае, где стоял автомобиль. Ада несколько раз допытывалась, но, не получив желаемого ответа, перестала, заподозрив их в скрытности и недоверии.

По следу «волчьей стаи»

Каневский совместно с Вадимом и Колей за прошедшее время проделали огромную работу по поиску похищенной Вали: отработали причастность освободившихся из мест лишения свободы после отбытия наказания за похищения людей; проверили все состоящие на милицейском учёте злачные места, где преступники могли удерживать похищенных, принудительно приобщая их к занятию подконтрольной им проституцией; осмотрели заброшенные и подготовленные к реконструкции строения; была нацелена на поиск милицейская агентурная сеть; посланы ориентировки с фотокарточками в территориальные органы милиции областей дальнего Востока; поставлены в известность работники Госавтоинспекции и транспортной милиции; а также были выполнены целый ряд других мероприятий, направленных на поиск похищенной. Однако результаты были не утешительны. Как вдруг Каневскому поступила информация о зафиксированном звонке с мобильного телефона Олега на домашний телефон его родителей. Он сразу же позвонил Коле, а тот Вадиму, те сразу приехали, и все вместе безотлагательно тут же выехали по адресу проживания абонента.

Виктор Андреевич находился на работе, а в доме оказалась только домработница. Представившись, Ка-

невский объяснил ей цель их визита и попросил рассказать то, что ей известно.

– А что мне известно? Раздался звонок. Я подняла трубку. Мужской голос спросил хозяйку, назвав её по имени и отчеству. Я и ответила, что она умерла. Звонивший сразу положил трубку, – пояснила домработница.

– Этот человек представился? – спросил Каневский, доставая свою визитку.

– Нет. Но по голосу я узнала. Это звонил Олег, – твёрдо заявила она, – сын хозяев. Когда он жил в этом доме, то часто просил меня по телефону пригласить Зою Степановну... Царство ей небесное.

– Об отце или о чём-либо другом... разговор шёл?

– Нет. Он попросил позвать к телефону мать и всё.

– Спасибо вам. Вот моя визитка... Если вдруг будут ещё звонки... сообщите мне. Буду очень признателен.

Она взяла визитку, пообещав выполнить просьбу, и они ушли.

Из автомобиля Каневский сделал два продолжительных звонка, поговорил с работниками каких-то служб, как поняли Коля и Вадим, эти службы относились одна к ФСБ России, а вторая к МВД. После разговора он повернулся к рядом сидевшему Коле и произнёс:

– Олег звонил из Конаково.

– О-о, как! – воскликнул Вадим с заднего сиденья. – Я поеду туда прямо сейчас.

– Мы поедим, – подкорректировал его Каневский. – Хотя наша поездка может не принести положительного результата.

– Почему? – спросил Коля.

– Если бы телефон находился в постоянном рабочем положении, то мы бы явились прямо к месту его нахождения, а коль он отключен, да ещё с удалением симки и аккумулятора, то, увы... но, надеясь на «а вдруг», надо поехать... Хотя какую-то информацию, а добудешь... – и чуть помолчав, добавил: – Может быть, а может и в пустую. Ну что? Едем?

– Едем, – в один голос ответили Вадим и Коля.

– Тогда вперёд. Поедем по самому короткому маршруту... Пятницкое шоссе... выедем на дорогу Истра – Солнечногорск... В Солнечногорске сразу налево и через Клин, а там уже недалеко. Я там бывал частенько. Друг мой там живёт и работает... Сережка Новиков... крупный бизнесмен, – сказал Каневский, вырубивая в уличное движение.

В пути следования они говорили о разном, а в основном Коля с Борисом о своих семьях, а Вадим всё думал о Вале. За эти дни он заметно исхудал, плохо спал и кушал. Его глаза были постоянно уставшими и красными. Не проходило и дня, чтобы он не связывался с матерью Вали, – их общение успокаивало в какой-то степени обоих. Сейчас, сидя на заднем сиденье и слушая разговор Коли с Борисом, Вадим, незаметно откинувшись на спинку, уснул. Увидев это в зеркало заднего вида, Каневский посмотрел на Колю и кивнул в сторону Вадима.

– Измучился он, – почти шёпотом сказал Коля. – Не могу смотреть, как он страдает.

– Ничего... Найдём Валю. Я почему-то в этом более чем уверен, – ответил Борис. – По прибытию в Конаково мы должны посетить все торговые точки в центре города. Покажем фотографии, а вдруг кто-то да и опо-

знает. Дай-то Бог. А потом можем заглянуть к Новикову... Может, он что-либо дельное подскажет. Он эту местность, как свою ладонь, знает. Одним словом, будем ориентироваться по ходу развития ситуации.

– Борь, ты вот следаком всё работаешь, дослужился до полковника, а на вышестоящую должность тебе не предлагают? – спросил Коля, переводя разговор на другую тему.

– Неоднократно предлагали и предлагают.

– Ну-у... и в чём дело? Что-то тормозит?

– Понимаешь, Коля... я люблю свою работу и выполняю её хорошо, а пойти бумажки по столу раскладывать... не привлекает. Здесь живая работа... Передовая, как на войне... борьбы с преступностью... И я вижу результаты своей деятельности.

– Но разве тебе не хочется быть генералом? А повышение... ступенька к этому. Ты что, до пенсии собрался быть следователем?

– Знаешь, я об этом не думаю. Работаю... Честно исполняю свой долг, а вопросы карьеры... они приходящие и уходящие. Главное совсем в другом, как прожить благодарно со всех сторон... свою жизнь... чтобы не наследить, а оставить свой след чистым и не замаранным, чтобы люди в спину не бросали колючие взгляды и не плевали, чтобы, к примеру, не в моём присутствии говорили обо мне тёплые слова, и тогда буду знать, что жизнь прожил ненапрасно и даже достойно. Этого я буду требовать и от своих детей, да и воспитываю их в этом духе.

– Ты редкость, Борь. Таких мало.

– В нашей системе много. Встречаются подлые и алчные, но от них стараются избавляться. Ого! Вот мы

и в Конаково, – сообщил громко Борис, и Вадим, подняв голову, стал смотреть через стекло дверей по сторонам.

Припарковав автомобиль возле магазина «Анюта», они, распределив направления и объекты, пошли выполнять то, зачем приехали.

Продавцы, посмотрев фотокарточки, качали головами, заявляя, что не видели таких, и так в каждом магазине, на рынке, в киосках и палатках. Полтора часовая работа не принесла положительных результатов. Все трое вернулись к машине.

– Что будем делать дальше? – спросил Коля.

– Отрицательный результат в работе сокращает её объём. С каждым разом становится всё меньше число запланированных мероприятий, – подытожил Борис, глядя на приземистое деревянное здание с вывеской «Хлеб». – А вот сюда не зашли. Покурите, ребята, я скоро... потолкую с продавцами, а заодно и хлеб домой куплю. Здесь очень вкусный пекут.

Войдя в магазин, он увидел там широкий выбор хлебобулочных изделий и молодую продавщицу, полнуюлицую и чернобровую. Купив буханку белого и чёрного хлеба, Борис достал фотокарточки, разложил их на прилавке и спросил:

– Не приходилось ли вам встречать кого-либо из этих? Посмотрите повнимательней.

Продавщица сразу же отложила фотокарточки Леона, Вали и Ады, а оставив Олега, спросила:

– А вы вообще-то кто?

Каневский представился, достав из внутреннего кармана пиджака служебное удостоверение личности и предъявив его, продолжил:

- Вы оставили это фото... Почему?
- Этот заходил, – ответила продавщица и поставила палец на фотографию в области лица.
- Вы твёрдо... категорично это утверждаете?
- Твердее некуда. Я с ним разговаривала... Понравился он мне... Симпатичный, вежливый... Думала, он местный, а он дорогу на Тверь и на Клин спрашивает... притом прямую... просёлочную, а не асфальтную. Купил две булки хлеба и ушёл. Я подошла к окошку, глянула, а он сел за руль и уехал. На переднем сиденье сидел ещё один мужчина, но его я не разглядела... не успела.
- Когда это было?
- Да вот вчера и было... Где-то после пятнадцати. Извините, часов не ношу и на них не гляжу, так жизнь медленнее проходит.
- А номер автомобиля и марку не запомнили?
- Она... машина... боком ко мне стояла, да я не думала, чтобы посмотреть номер... Ни к чему было, а в марках не разбираюсь, но не российская... «Жигули» и «Москвич» я знаю, а эти забугорные, мне кажется, все одной масти.
- А женщины в салоне автомобиля были?
- Если бы были, то я бы сказал. Сзади этих двоих никто не сидел. Это точно. Они... что... бандиты?
- Да... и очень опасные. Если вдруг появятся... позвоните. Буду очень вам благодарен, – сказал Каневский, протягивая ей визитку, которую она сразу взяла. – Вы мне очень помогли. Огромное вам спасибо.
- Спасибо это много... да и не за что, – ответила продавщица, провожая следователя тёплым взглядом.

Из магазина Каневский вышел в приподнятом настроении. Увидев его, Коля заметил это и сказал Вадиму:

- Похоже, что-то есть. Он весь светится.
- Дай-то, Бог, – ответил Вадим, заёрзавши на месте. Сев в салон, Каневский передал Вадиму пакет с хлебом, тот положил его на заднее сиденье.
- Не зря приехали. Правда, информация не очень радостная, но всё-таки подтвердила, что Олег и Леон никуда не уехали и находятся где-то здесь, – сказал он, а потом пересказал весь разговор с продавцом.
- Ориентировка в ГАИ города и области поступала... Почему их не задержат? – возмутился Вадим.
- Вадим, ты внимательно слушал то, что я сейчас сказал... о разговоре с продавцом? – спросил Каневский, запуская двигатель.
- Ну-у.
- Обратил внимание на то, что Олег спрашивал просёлочную дорогу на Клин и Тверь?
- Как-то не придал этому значения.
- А это значит, что они не по центральным дорогам, которые контролирует ГАИ, ездят, а пользуются просёлочными, поэтому до сих пор избежали задержания... Так что мы, ребята, идём по волчьим следам, притом еле заметным на земле. Предлагаю посетить моего друга Серёжку Новикова... коль мы здесь... поговорим, а вдруг он что-либо стоящее подскажет. Согласны?
- Те согласились, и Борис направил автомобиль к зданию фирмы «Агрокомплектация», находившейся на окраине города и в собственности Новикова. Пока ехали, Коля вспомнил об отце Олега и поинтересовался его состоянием здоровья.

– Из больницы он ушёл, не долечившись, – ответил Каневский. – Жалко мужика... Жену похоронил из-за сыночка-волка, да и он тоже... ходячий труп.... Олега ждёт либо долгая тюрьма, либо смерть. Таких преследует только такая участь, а некоторых и то и другое. Как правило, они из тюрьмы не выходят... их из-за длительного пребывания за решёткой вывозят на кладбище и хоронят под номером, а не под именем и крестом. Вот мы и приехали... – закончил Борис, паркуя машину на небольшой площадке. – Только бы Серёжка был на месте... но автомобиля его не вижу.

Поднявшись на второй этаж, они вошли в приёмную, где сидела темноволосая стройная девушка – секретарь, которая объявила, что её шефа нет, что он в это время находится в Зеленограде, а потом поинтересовалась:

– А вы кто? И по какому вопросу?

– Я следователь прокуратуры Каневский, а это мои друзья, – и он указал на Колю и Вадима – А Серёжа Новиков... мой друг. Мы по делам службы были в Конаково и вот решили проведать его... Жаль... очень жаль, что не застали. А может, вы созвонитесь с ним... вдруг он где-то рядом.

Секретарь, с лица которой не сходила располагающая улыбка, стала звонить. Спустя минуты две Новиков ответил. Она, сообщив о посетителях и упомянув о Каневском, выслушала указание, и, положив трубку, заявила:

– Он через максимум двадцать минут будет и очень просил подождать... Подождёте?

– Непременно, – ответил Каневский.

– Чай, кофе? – любезно предложила девушка.

– Не откажемся... Кофе, – Борис глянул на Вадима и Колю, те закивали головами: – Всем кофе.

Секретарь встала из-за стола, простучала по полу каблучками лакированных туфель, обутой на наделённые природой изящные ножки, и включила самовар. Пока она готовила, Борис рассказал отрывок из биографии Новикова, который переехал в Конаково из далёкого северного Казахстана с одной грузовой автомашиной, а сейчас у него целая автобаза, свой совхоз, мясокомбинат, сеть магазинов. Став достаточно богатым человеком, он дал сотенные рабочие места и осуществляет благотворительность церкви и детским учреждениям. У руководства области и республики пользуется не только уважением, но и доверием.

Не успели они допить кофе, как дверь приёмной открылась, и вошёл моложавый, стройный светловолосый мужчина среднего роста. Каневский вскочил, и они обнялись, а потом стали тискать друг друга.

– Это и есть Сергей Новиков, – представил он его Коле и Вадиму.

Тот глянул на недопитый кофе в чашках и настоятельно скомандовал:

– Так, ребята, отставить кофе... все за мной. Нас ожидают дома. Это рядом. Пять минут езды... на берегу Волги.

Как не отговаривал его Каневский, ссылаясь на срочность работы, на её важность и безотлагательность, однако, на Новикова это не подействовало. Заявив, что коли так, то везёт их к себе на полчаса, что шашлык мясной и рыбный уже будет готов к их приезду, и увёз всех в свой дом.

За трапезой он поинтересовался целью их приезда, и что за срочность в этом деле. Каневский вкратце сделал свои пояснения, а потом, разложив фотокарточки на столе, глядя на Новикова, сказал:

– Следы этой «волчьей стаи» обнаружены нами в Конаково. Куда они отсюда поехали... в Клин или Тверь? Неизвестно. Вот эти два волчары, – и он указал на фото Олега и Леона, а потом на Аду, добавив: – И она с ними, похитили эту девушку, – и он указал на фотографию Вали. – Это невеста вот моего друга Вадима. Не приходилось ли видеть их где-нибудь? И могут ли они скрываться в Конаково? Если да, то где?

Тот пристально посмотрел на каждую фотокарточку и ответил:

– Нет. Не видел. В Конаково... вряд ли... разве что где-либо. Здесь моё охотхозяйство, и егеря их бы давно обнаружили... да и я с гостями частенько на кабанчика ходим... Двух волков искали, можно сказать, весь лес прочесали. Нет, нет, здесь им неуютно было бы. Но буду иметь ввиду и егерей проинструктирую.

Поблагодарив за угощение, все тепло простились с Новиковым и, получив от него приглашение приехать на охоту или рыбалку, уехали.

В пути следования Каневский заявил, что взятый им след волчьей стаи в Конаково теперь не отпустит, цепко держать будет, а по нему выйдет на само логово.

Дачная перестрелка

София Захаровна в субботнее утро проснулась рано. Приснившийся сон не давал ей покоя: полноводная река... и Валя в челноке изо всех сил старается работать веслом, чтобы причалить к берегу, где стоит она, но всё это происходит медленно. София Захаровна кричит, что есть мочи, чтобы та гребла, направляя челнок наискось по течению, а не против него, но Валя её не слышит. С этим и проснулась, а потом около часа сидела у окна, пытаясь разгадать сон. «Вода в реке тёмная, но не грязная... Значит, доченька моя не болеет, а болезненно переносит неволю... страдает. Река... это может быть жизнь... то, что мы просыпаемся, суедемся, а потом вновь засыпаем, после пробуждения всё происходит снова. Челнок? Что же может быть? Так её же стремление в отчий дом. А весло, всё то, что помогает ей, или пытается помочь освободиться. Мой же крик, который Валенька не слышала, может трактоваться только неблизким расстоянием, а то, что я её видела... Значит, увижу. Значит, дождусь мою доченьку. Господи! Всемогуший! Помоги ей... домой вернуться... живой и невредимой», – закончив мысленно разгадывать приснившееся обращением к Богу, она почувствовала на себе пристальный взгляд. Повернув голову, увидела дочь и расстроено произнесла:

– Валя?! Доченька!

– Мама! Господь с тобой. Это же я, Алла, – сказала младшая и, подбежав к ней, обняла мать.

Она с каждым днём хорошела. Подрастала и становилась такой же стройной и красивой, как и Валя. Фигура, волосы и походка так были похожи. Даже голос был у них одинаков.

– Она мне приснилась сегодня, – тихо промолвила София Захаровна. – А увидев тебя, подумала, что Валя... Галлюцинация.

– Мамочка, любимая... не терзай себя так. Всё образуется, и Валя вернётся. Вот попомни мои слова.

– Вырастешь... будешь мамой и почувствуешь боль сердца за своё дитя. Я успокоюсь тогда, когда Валя переступит порог моего жилища.

– Вадим её найдёт. Я верю в это. У него хорошие друзья, и вместе они найдут не только Валю, но и тех, кто её похитил. Я слышала, как Вадим по телефону разговаривал с Колей, а потом и с Каневским, которого называл Борисом Фёдоровичем.

– Вадим хороший человек... Божий посланец к нам. Я тоже надеюсь на него и верю в то, что у него всё получится.

Только София Захаровна успела сказать эти слова, как раздался звонок в дверь. Алла открыла и тут же своим радостным криком оповестила, что пришёл Вадим. София Захаровна всегда была рада его визиту, обрадовалась и теперь, встретив его тепло и доброжелательно, надеясь, что он принёс хорошую весточку о дочери. Предложив чай или кофе, получила отрицательный ответ, и тогда спросила:

– Хоть что-нибудь хорошее о Вале известно?

– О Вале пока ничего. Однако хорошее то, что мы напали на след её похитителей. Следователь Каневский

плотно занимается этим вопросом, а мы с Колей ему помогаем. Вчера ездили в Конаково, откуда Олег звонил своей матери, не зная, что она умерла... Нашли свидетеля, опознавшего его по фото. Работа продолжается, София Захаровна. Сердцем чую, что Валю не сегодня, так завтра увижу.

– Дай-то Бог. Наши сердца измучились... сил больше нет. А она там страдает! Её ведь, наверное, связанную всё это время держат, а так бы она убежала?!

– Скорее всего... Уроды. Ну-у... погодите... За всё заплатите сполна, – сказал с угрозой Вадим, и глянув на Софию Захаровну, спросил: – Ну, что... едем?

– Куда? – та удивлённо посмотрела на Вадима.

– Я обещал свозить вас на дачу... Вот с этой целью и приехал. Собирайтесь.

– Ой, сынок, – вырвалось у неё ласково, – дай Бог тебе здоровья. Мы сейчас мигом. Алла! Собирайся... да побыстрее! – крикнула она дочери и засуетилась.

Спустя десять минут они уже ехали в Западном направлении. Дача Залегиных находилась в небольшом дачном кооперативе в окружении густого леса. Из Москвы до неё можно было доехать на автомобиле... или электричкой... а потом три километра по лесу пешком. Расстояние от Москвы, северо-западной части МКАДа, измерялось в сорока пяти километрах, и по меркам дачников дача находилась в привилегированной зоне. Это расстояние Вадим преодолел быстро и, въезжая на территорию кооператива, обратил внимание на маленькие одноэтажные деревянные домики на шести сотках, на которых кроме домиков буйно росли фруктовые деревья и ягодные кустарники. София Захаровна, как штурман судна или летательного аппа-

рата, подсказывала путь движения автомобиля и, подъезжая к ограде домика с зелёной крышей и такого же цвета ставнями, объявила:

– Всё. Мы приехали. Это и есть наш домик.

Вадим затормозил, приняв вправо, и заглушил двигатель. Выйдя из машины, он стал смотреть на старенький дачный домик Залегиных, возле которого росли яблони, груши, сливы, кусты чёрной смородины, а сбоку расположились маленькие грядки огурцов, моркови, помидор, лука и чеснока. Глядя на эту щедрость природы в союзе с тяжёлым, кропотливым человеческим трудом, он поднял руки вверх и потянулся, да так, что из-за его ветровки обнажилась кобура-босоножка с пистолетом «Макарова» в ней.

– Странно, почему-то ставни одного окна открыты, – сказала София Захаровна, и Вадим заметил тревогу в её лице. – Уезжая, мы их закрывали.

Вадим пристально стал вглядываться в стёкла небольшого окна и вдруг ему показалось, что мелькнула тень человека.

– В домике кто-то есть... Вы оставайтесь возле автомобиля, а я пойду, погляжу, – заявил Вадим, доставая пистолет.

– Я с тобой, Вадим, – тут же нашлась Алла.

– Ни в коем случае. Обычно, если домик остаётся долго без человеческого присмотра, его обживают бродяги, пользуясь всем, что в нём и вокруг него есть. Но бывают и более опасные элементы... воры, бандиты, дезертиры... От машины ни шагу, – сказал Вадим и направился к калитке глядя на окно.

Вдруг раздался звонкий треск, оконные стёкла посыпались на отмостку, просунулся ствол охотничьего

ружья и раздался оглушительный выстрел. София Захаровна и Алла легли на землю, укрывшись за автомобилем, а Вадим упал возле ограды из сетки «Рабица». Дробь прошелестела по ограде и кусту сирени, росшем в двух метрах от калитки. Поражающая линия дроби исчислялась в нескольких сантиметрах от Вадима, и это заставило его понять, что стрелок не шутит. Глянув на Софию Захаровну и Аллу, он тихо, но так, чтобы только они слышали, сказал:

– Пригнувшись, бегите назад за несколько участков. Быстрее, – и тут же повернувшись в сторону стрелка, крикнул: – Кто в нашей даче? И почему стреляешь?

– Ты мент? – послышалось из домика.

– Не мент, но вроде того. Отвечай давай, – потребовал Вадим.

София Захаровна и Алла, воспользовавшись начавшимися переговорами, побежали в указанном Вадимом направлении.

– Дай возможность нам уйти... Не будем создавать проблем друг другу, – ответил из домика всё тот же голос, уклоняясь от ответа на вопрос Вадима.

– Почему не отвечаешь на мой вопрос?

– Тебе незачем знать это. Отъеду на десять минут и обойдёмся без проблем. За разбитое стекло и своё нахождение в твоей даче мы бабло оставим на столе.

– Не-е! Так не согласен. При этих условиях я не буду знать, кто незваный гостил в моей даче, да ещё и стрелял в меня, – произнёс Вадим, подползая ближе к калитке.

Из окна тут же раздались два выстрела дуплетом. Дробь кучно впилась в землю в сантиметре от Вадима. Укрывшимся в домике прицельно стрелять мешал про-

долговатый бугорок, за которым лежал Вадим. Не смотря на это, он почувствовал жжение в области правого плеча и как вокруг становится сырой одежда. «Ранен», – пронеслось в его голове. Сделав три выстрела по оконному проёму, Вадим открыл калитку и в два прыжка был у стены домика, контролируя злополучное окно. В этот момент из окна высунулся ствол ружья. Вадим схватил за конец ствола двумя руками и резко двинул его в сторону того, кто держал ружьё, а потом ещё резче рванул к себе, и ружьё оказалось у него в руках. В это же время раздались из помещения два pistolетных выстрела. Вадим развернул ружьё и выстрелил из двух стволов, при этом поворачивая их в разные стороны. Раздались крики и стоны.

– Соппротивление бесполезно. Выбрасывайте оружие через окно и выходите с поднятыми руками, – потребовал Вадим.

В ответ на это прозвучало два pistolетных выстрела. Видя упёртость засевших в домике, Вадим пошёл на хитрость.

– О-о! Борис, Коля... молодцы, что подоспели. Возьмите под контроль заднюю часть домика, а ты, Миша, зайди со стороны сарая и с гранатой ко мне, – командовал Вадим, выдавая желаемое за действительное, хотя фактически кроме него возле домика никого не было.

В домике послышались голоса. Чувствовалось, что там между собой спорили.

– Нет, я сказал, – прикрикнул повелительно кто-то, а потом послышалось с угрозой: – Хоть один шаг делаете... застрелю, как собак.

Спустя несколько секунд послышался глухой выстрел, свидетельствующий, что он был направлен не

наружу, а в помещении, после которого кто-то вскрикнул, и стало тихо.

– Считаю до трёх... и бросаю гранату, – прокричал Вадим, продолжая инсценировать прибытие подмоги и наличие у него гранаты. – Раз...

– Не надо! Мы сдаёмся... – после этих слов через окно вылетели и упали на землю два pistolета.

– Выходите через дверь по одному... с поднятыми руками и сразу на землю лицом вниз и руки за голову, – приказал Вадим и встал с pistolетом наготове.

Дверь осторожно открылась, появилась рыжая голова, а потом и весь стрелок. Он шагнул от порога и лёг на землю, заложив руки за голову. За ним последовал и второй, который поступил также, улёгшись рядом с первым.

– Сколько там осталось ещё? – строго спросил Вадим.

– Никого. Нас было трое, – ответил рыжий и добавил: – Но я его застрелил... Он не позволял нам сдать.

Вадим осторожно приблизился к окну и заглянул. В правом углу под стенкой лежал, широко раскинув руки, с короткой бородой третий. Зелёная клетчатая рубашка в области сердца и правая штанина выше колена были окровавлены. Подойдя к сдавшимся, Вадим снял с их брюк ремни и связал обоим за спиной руки, а потом, заглянув в маленькую прихожую дачного домика и увидев полутораметровый кусок белого кабеля, взял его, после чего скрутил им ноги. Соблюдая осторожность, он вошёл в домик, осмотрел его и, возвратившись к связанным, жестами позвал Софию Захаровну и Аллу.

Пока они шли, позвонил на «02», вызвал оперативно-следственную группу. Подойдя к Вадиму, София

Захаровна с минуту смотрела на связанных, покачивая головой, а потом заглянула в домик.

– София Захаровна, ни к чему не прикасайтесь... Выехали следователи.

Та, возвратившись, подошла к связанным, сидевшим под стенкой.

– Что же вы натворили? Разгром в домике. Наглецы, разбойники. И не стыдно? – начала она их ругать.

– Не сердись, мать. На столе я оставил деньги. Их вполне хватит, чтобы привести домик в порядок, – сказал рыжий.

– Да уж, спасибо! А то у меня другой срочной работы нет... Ой, ой! Такие молодые... – стыдила она, – а дома ведь отцы и матери ждут.

– Кто такие? – спросил рыжего Вадим.

– Мы бежали из колонии, – ответил тот.

– Оружие где взяли?

– Пистолеты у двух ментов. Я и Лёха, – и он кивнул на сидевшего с окровавленным лицом рядом, – их связали, а Гнус... который там, в домике... их пристрелил. А ружьё нашли в соседней даче, и патроны к нему тоже там же. Да и одежду там же взяли.

– И чего там не остались, а припёрлись в мой домик? – подключилась София Захаровна.

– Там по обстановке было видно, что только вчера хозяева уехали, а ваш... самое то... Дорожки бурьяном поросли, и чувствуется, что люди слишком редко навдываются. Ключ нашли под тряпкой возле порога. Мы сегодня вечером планировали уйти и в домике убрать... привести как было до нашего появления.

София Захаровна глянула на Вадима, который только и ждал, чтобы задать ему очередной вопрос, и

вскрикнула, увидев на нём окровавленную рубашку в области плеча:

– Сынок! Так ты ранен?!

– Пустяки. Наверное, царапина, – ответил тот, чувствуя лёгкую боль.

– А ну-ка снимай рубашку, – в приказном порядке потребовала она и побежала в домик, а через минуту вернулась с медицинским спиртом, йодом и пакетиком бинта. – Снимай, я сказала.

Вадим покорно снял рубашку, и женщина ужаснулась. Рана, кругом опухшая, всё ещё кровоточила, и рубашка от самого плеча до низу обильно залита кровью. В это время раздалась сирена милицейского автомобиля, и к домику подкатил не только он, но и машина «скорой помощи». Из милицейского проворно вышел прокурорский следователь с тремя звёздочками на погонах. За ним капитан милиции, эксперт и ещё двое из числа следственной группы.

Выслушав доклад Вадима, следователь, посмотрев его удостоверение личности, сразу распорядился связанных поместить в милицейской автомобиль, но когда тем освободили от пут ноги, увидел у одного из них разбитое лицо, а вокруг носа и рта запекшуюся кровь, спросил:

– У вас жалобы на кого-либо есть?

– Нет. Сам виноват, – ответил задержанный.

– А всё это на лице?

– Я из ружья стрелял через окно, а он, – и кивком головы указал на Вадима, – вырвал дробовик и прикладом двинул меня в нос.

Подошедший медработник остановился, глядя то на задержанного, то на Вадима. Последний, поняв, что он

в раздумии, кому первому оказывать медпомощь, сказал:

– Доктор, со следователем сначала пройдите в домик. Там третий соучастник этих двух. Если ему уже не нужна ваша помощь, то тогда займётесь нами.

Следователь глянул на Вадима, улыбнулся и пошёл с медиком в дом. За ними последовала и женщина – судебно-медицинский эксперт. Спустя минуту они возвратились. Следователь вызвал труповоз и после того, как врач обработал задержанному лицо, поместил обоих в автомобиль милиции и с доставленными капитаном двумя понятыми приступил к осмотру места происшествия.

Врач «скорой», осмотрев плечо Вадима, заявил:

– В плече инородное тело... дробина. Нужно хирургическое вмешательство.

– Ещё чего не хватало. Сами вытащите её и продезинфицируйте рану. Вот и всё, – возмутился Вадим. – Такие операции мы производили сами прямо на поле боя.

– Вы военный? Чечня или...

– И она, и или, – перебил его Вадим.

– Вообще-то я хирург, а в этой бригаде из-за наказания. Вытерпите?

– Сынок... Может всё-таки...

– Не волнуйтесь, София Захаровна, – перебил её Вадим, – всё будет нормально.

Врач обработал рану спиртом, достал инструментальный и стал вытаскивать дробину, поглядывая в лицо Вадима, что сидел спокойно, ни один его мускул не дрогнул. София Захаровна и Алла, все в переживании, стояли рядом, закрыв лицо ладонями. Звон упавшей в

сосуд дробины известил о завершении операции. Сделав ревизию раны, обработав её и наложив повязку, врач, глядя на присутствующих, сказал:

– С таким пациентом приятно работать.

В этот момент из окна выглянул следователь и распорядился:

– Дробину не выбрасывать. Она будет объектом исследования. А вы, доктор, письменно мне обозначьте то, что вы сейчас сделали. А теперь вопрос к хозяевам дачи... Что за деньги на столе?

– Пусть лежат. Это эти беглецы из колонии оставили, как за возмещение вреда имуществу, – опередил Вадим Софию Захаровну, которая тоже пыталась что-то сказать.

Следователь, закончив осмотр в домике, начал осмотр вокруг него. Задokumentировал обнаружение двухствольного охотничьего ружья, пистолетов и всего прочего. К этому времени прибыл труповоз, и санитары забрали труп вместе с постановлением следователя о назначении судебно-медицинской экспертизы. После окончания осмотра он допросил Вадима и Софию Захаровну, и вся оперативно-следственная группа уехала.

– Что теперь делать? – промолвила София Захаровна, глядя через окно во внутрь домика.

– Вы с Аллой наводите порядок внутри, а я пройду по территории садового товарищества... может, найду либо стекло, либо стекольщика, а лучше то и другое, – сказал Вадим и направился вглубь кооператива.

Семь встреченных дачников ничем не смогли помочь в этом вопросе, зато восьмой пожилой мужчина, указал на своего соседа. Долго объяснял тому не при-

шлось. Он взял стекло, стеклорез и пошёл с Вадимом. Спустя полчаса окно было застеклено. Стекольщик даже от денег отказался, сославшись на то, что человек обязан оказывать посильную помощь другому человеку, попавшему в беду. Вадим тем временем, как мог, подправил ограду, и когда всё было закончено, все отправились в обратный путь.

София Захаровна и Алла были восхищены Вадимом.

– Вадим... Ты посланец Бога. Спасибо тебе за всё, – поблагодарила София Захаровна.

– А разве можно было поступить по-другому? – только и ответил он и сразу же перевёл разговор в другое русло.

Вечерело. Пришлось включить фары, которые освещали им дорогу домой.

Кровавый след

Ежедневное расшатывание железного кола приносило постепенно результат, который давал Вале надежду. Отклонение конца кола, к которому была приварена цепь, уже достигало десяти сантиметров в одну и в другую стороны. Эти постоянные изменения, которые могли заметить, она прикрывала соломой, оставляя лишь видимым конец со сваркой для успокоения похитителей. Из-за активной работы ногами, направленной на вытаскивание кола, на нижней трети голени, как и ранее на той ноге, образовались потёртости и ссадины, причиняющие ей боль, но она терпела, боясь, что сменят цепь на ногу, где уже раны заживали, и при этом могут обнаружить расшатанный кол.

В эту ночь, ложась спать, Валя долго ворочалась. От твёрдости ложа нестерпимо болели бока. Лишь далеко за полночь уснула, сдавшись на милость природе. Ближе к утру, хотя кругом ещё было темно, она ощутила на себе какое-то ползание и резко схватила рукой, ощутив что-то маленькое, лохматое... раздался писк. «Мышь», – пронеслось в её голове. Она швырнула её в сторону и закричала так, что спустя пару секунд возле неё оказались Олег, Леон и Ада.

– Чего орёшь, как недорезанная? – грубо спросил Олег, потирая глаза.

– Что-то ползало по мне... похоже на мышь, – ответила со страхом в глазах Валя, сидя на своём ложе.

– О-о! Это зверь страшный. Он может откусить часть тела или заползти туда, куда не желательно, – сказал Олег. – Лежи спокойно... и не ори, как сумасшедшая.

Возвратившись в своё помещение, Олег зажжёт свечу и глянул на часы. Стрелки показывали десять минут шестого.

– Вот теперь у нас и будильник есть, – и он кивнул на перегородку, за которой находилась Валя. – Спать уже не будем. Надо собираться. Пока доедем до Конакова, будет настоящее утро.

– Да, поехали... Лучше там подремлем. Зато дорога будет меньше загружена транспортом, – поддержал его Леон.

– Я тоже еду? – спросила Ада.

– А ты как думала? Если не хочешь получить свою долю... можешь оставаться, – заявил Олег. – Мы и без тебя справимся.

– Я с вами, – решительно выпалила Ада.

Все быстро засобирались. С первых дней нахождения в этой глуши и до настоящего времени Аду мучило то, что ни Олег, ни Леон не пристают ни к ней, ни к Вале. Даже в голову ей не могло прийти, что они перестали быть полноценными мужчинами. Всегда, когда одевались, уходили за специально устроенную ширму из куска найденного здесь же брезента.

Валя через перегородку слышала их разговор и подумала: «Что они забыли в Конаково? С какой целью едут? И о какой доли Ады они говорили?»

Уходя, Олег заглянул к Вале и строго произнёс:

– Сиди спокойно. Мы скоро вернёмся. Будешь орать... получишь.

– Ты сколько собираешься меня здесь держать? Знаешь, что за это есть статья в Уголовном кодексе? – глядя на него с ненавистью, спросила она.

– А сколько потребуется. Может, до старости... А статья это чепуха. Под ней давно ходим... Представляю, как твой Вадим бесится... Это хорошо-о! Это отлично. Я ему тебя никогда не верну... живой.

– Ты совсем голову потерял. Уродом ты был, им и остался. Если бы ты только знал, как я хочу видеть твою противную морду за решёткой... А это будет... Если тебя милиционеры не пристрелят.

– А если пристрелят, будешь рада?

– Безмерно. И Бога об этом прошу.

– Змея ты подколодная. А я-то смерти тебе не желал. Хотел бы, то давно бы грохнул. Надо пересмотреть своё желание, что я и сделаю. Но запомни, живой ты к Вадиму не вернёшься, – с угрозой произнёс Олег и сразу же ушёл.

Валя слышала, как они уехали, и сразу же принялась за работу по расшатыванию кола.

Олег и его группа, рассекая светом фар темноту, мчались в Конаково. Желание совершить налёт на отделение сбербанка жгло неуёмную душу всех троих. Каждый из них тайком вынашивал намерения избавиться от двоих любым способом, а после завладеть всем добытым в ходе преступной деятельности и расствориться среди огромного общества страны. Олег и Леон вынашивали планы использовать для этого пистолеты, а Ада голову ломала, как бы отравить их, но чем – не знала. Она уже готовилась к этому и в отсут-

ствие Олега и Леона осмотрела место стоянки автомобиля и нашла тайники, где те прятали поделённые деньги, часть с её участием, а часть без неё. Однако их не тронула, ожидая особого случая. Ада уже изредка подумывала, а не отпустить ли Валю и, забрав все деньги, уйти с ней, заручившись её поддержкой и защитой перед следственными органами. Но её удерживало то, как к ней отнесутся следователи и примут ли во внимание осуществляемую защиту Вали.

Дорога до Конаково оказалась почти пустой, и они прибыли на место слишком рано, поэтому, припарковав автомобиль внутри квартала возле одного из домов вблизи отделения сбербанка, остались сидеть в машине. Рядом стояли другие машины жителей этого квартала. На этот раз Леон разрисовал автомобиль коричневыми полосами и подрисовал госномера, не похожие на прежние подрисовки.

Жизнь в городе начала закипать. Машины частенько покидали свои парковочные места, по улицам зашевелился человеческий муравейник, открывались продовольственные магазины, Олег с группой терпеливо ожидали открытия отделения сбербанка. Возле его входной двери начали собираться разновозрастные граждане, судача между собой. В это время из-за угла здания вышел небольшого роста седобородый старичок с палочкой, тянувший нестигаемую левую ногу. Подойдя, он что-то спросил у собравшихся, и ему любезно ответили.

– Пора, Ада. Давай иди... Пообтирайся среди этого кодла, – недружелюбно велел Олег.

– А почему кодло? Ты, Олег, стал ненавистным ко всем. Разве так можно? – возмутилась Ада, у которой вдруг проснулась давно забытая доброта.

– Давай, ковыляй побыстрее, – повысил голос тот и свирепо посмотрел на неё. – Не то снова зайдёшь последней и будешь как дикая овца среди стаи волков.

– Ну и сравнение... – сказала Ада, хлопнула дверцей и ушла.

Лесная жизнь совместно с Олегом и Леоном дала Аде понять, что они, а особенно Олег, постоянно её недооценивают, не видят то хорошее, что в ней есть, стараются унижить, оскорбить, поставить в условия рабыни. Эта недооценка с болью отражалась в её душе. Часто хотелось, чтобы кто-то из них поговорил с ней по душам, хотелось ощутить теплоту дружеского общения. Однако с наступлением каждого нового дня она чувствовала, как всё больше и дальше отдаляется от них. Они постоянно требуют от неё жертвовать всем в их интересах и брали от неё больше, чем отдавали. В результате всего этого взаимоотношения становились всё более натянутыми и нетерпимыми. Вот и сейчас, посылая её к сбербанку, Олег не просил её, а приказывал, глядя свирепо и недружелюбно.

Вместо «иди» он употребил оскорбляющее слово «ковыляй», что больно задело и надолго осело в памяти. «Ну, погоди, сволочь. Ты ещё пожалеешь за такое отношение», – пронеслось в её голове, когда подходила к ожидавшим открытия банка. Спустя пять минут дверь его открылась, извещая о свободном входе своим неприятным для слуха скрипом. Все, друг за другом вошли в помещение и встали в один ряд вдоль стойки, за которой сидели операторы и кассир. И тут Ада увидела вышедшего из боковой двери охранника. Вспомнив, что Олег при инструктаже говорил об отсутствии

охраны в банке, она хотела было уже возвратиться и сообщить. Однако не успела. Входная дверь открылась, и в масках с пистолетами в руках в помещение влетели Олег и Леон.

– Это ограбление! – во всё горло закричал Олег и выстрелил в потолок. – Все на пол! На пол я сказал!

Леон подбежал к стойке и, направив пистолет в сторону операторов и кассира, потребовал:

– Вы все на пол, а ты, – он указал пистолетом на кассира, – собери деньги, положи их сюда и перебрось на эту сторону, – он бросил женщине чёрную сумку и закричал: – Быстро! Шевелись. Утаишь хоть одну купюру... застрелю.

Охранник не лёг на пол, а встал на колени и в этот момент выхватил пистолет, но выстрелить не успел. Олег первым нажал на спусковой крючок, раздался выстрел, и тот замертво упал на пол, – пуля угодила в сердце. Женщины в страхе закричали. Из всех присутствующих не лёг на пол только старик с палочкой. Он стоял, сурово глядя на Олега из-под седых бровей старческими глазами.

– Ты, старый, оглох? На пол, я сказал!

– Если я лягу, то не встану. Нога не сгибается. Тут и лечь-то... не просто...

Олег подбежал и ударил его пистолетом выше лопатки. Старик вскрикнул и рухнул на пол, уронив трость.

– Сволочи! Ироды проклятые! Гореть вам в аду! – закричал он, корчась от боли.

– Эй, ты, краснощёкая, – обратился Леон к лежавшей на полу Аде и пнул её ногой в ягодицу. – Ну-ка встань.

Та проворно вскочила и, изображая на лице страх, смотрела на Леона. Тот показал на кассира и потребовал:

– Зайди за стойку и проверь, всё ли кладёт в сумку эта дама, – и он показал на кассира. – Потом принеси сюда. Утаите, обоих застрелю. Быстрее! Ну-у!

Ада открыла боковую дверцу и оказалась за стойкой. Идя к кассиру, она открывала ящики служебной мебели, заглядывая в них, и, увидев деньги, забирала, а когда подошла к кассиру, бросила деньги в сумку и заглянула в сейф, из которого та доставала последние пачки, при этом нажимая на тревожную кнопку.

– Ты что делаешь?! – закричала Ада. – Нас же убьют!

Услышав это, Леон кинулся за стойку и, увидев тревожную кнопку рядом с кассиром, выстрелил в неё... Она свалилась на пол. Схватив сумку, взяв за волосы Аду, грубо сказал:

– Давай иди. Будешь заложницей, на всякий случай, – а выйдя в зал и глянув на Олега, крикнул: – Уходим! Быстрее!

Они кинулись прочь из помещения. Олег на ходу забрал у Леона сумку, а тот, всё удерживая кричавшую Аду за волосы, вёл её следом. Используя кусты сирени, как прикрытие от людского глаза, они бежали к автомобилю, а когда достигли его, сняли маски, сели в машину и быстро уехали. Где-то сбоку на соседней улице слышался звук милицейской сирены.

– Опоздали менты, – сказал Олег, довольно улыбаясь. – Ну и молодцы за это, а потом, глянув на Аду, промолвил с похвалой: – А ты, подруга... артистка. Свою роль сыграла отменно.

– Не только роль, – вставил Леон. – Молодец, что своевременно заметила подачу кассиром сигнала ментам.

Олег промолчал. Он думал о делёжке денег. «Я организовывал, привозил на разведку и сейчас привёз... доставлю всех до места... И чтобы добычу поровну? Да не бывать этому», – крутилось в его голове, пока он выезжал из города окольными путями, минуя центральную улицу.

Когда Конаково осталось позади, Олег выехал на асфальтную дорогу, и тут за поворотом увидел милицкий дорожный патруль.

– Оп-па! – вскрикнул Олег. – Что делать?

– Если развернёмся, они бросятся в погоню. Не уйдём. Езжай прямо. Остановят... денег предложим, а ты, Ада, ляг на сиденье и притворись больной. Стони, – посоветовал Леон. – А мы на всякий случай приготовим стволы.

– Лучше бы они не пригодились... – и Ада глубоко вздохнула, ложась на всё заднее сиденье.

Молодой сержант вышел на дорогу и жезлом подал знак остановиться. В автомобиле сидел ещё один и что-то кушал.

Олег остановил автомобиль возле сержанта, опустив стекло и высунув голову, спокойным голосом сказал:

– Командир, очень торопимся. Жену с кровотечением везём в Тверь.

Тот заглянул вовнутрь салона машины, посмотрел на скривившееся лицо Ады и, остановив взгляд на Олеге, спросил:

– Документы в порядке?

– В полнейшем. Честное слово. Показать? – ответил тот и незаметно сунул в руки сержанта банкноту в тысячу рублей.

– Ладно... Не надо. Поезжайте, – бросил через плечо сержант, уходя к автомобилю, на крышке багажника которого красовались три буквы «ДПС».

Уезжая, Олег и Леон, облегчённо перевели дух, а Ада поднявшись, произнесла:

– Слава тебе, Господи!

– А ты чего... трухнула? Думала, поголовно проверять будет? – спросил Олег, поглядывая на неё в зеркало заднего вида.

– Думала, стрелять начнёте!

– Мы, что... придурки? Вместо пули есть тысчонка. Встретил мента... сразу за кошелёк хватайся, а не за пистолет, – сделав лицо всезнающего, заключил Олег.

– Ну не все же менты мзду берут... Есть и карьеристы, к которым с баблом лучше не подходить, – вставил Леон, и после его слов все замолчали.

Когда закончилась дорога с выбоинами, они выехали на центральную автодорогу Санкт-Петербург – Москва, ехали молча. Олег продолжал размышлять о дележке добытых денег, Ада далеко от него не отстала, – её мучила доля в общей сумме, а Леон начал размышлять над тем, что наступает пора «сматываться», как он любил выражаться, и для этого в мыслях выбирал направление. «Грохнуть этого уroda, Аде пинка под зад, забрать всё бабло и... А куда? На Дальний Восток не поеду. Море не для меня. Уехать в Чечню, куда слинял мой кореш и где-то в отряде боевиков. А может, в Эстонию податься? – размышлял он и вспомнил свою старую знакомую, которая живёт в Выру. – Точно, к ней

подамся. Она бабёнка ничего, привлекательная, и не стыдно с ней на люди выйти. Правда, слишком щедрая до свежих мужчин, но в руки взять можно. Поеду туда», – твёрдо решил Леон. В это время Олег выехал из-за поворота дороги, по бокам которой росли деревья и густой кустарник, как вдруг перед ними оказался дорожный патруль ГАИ. Возле автомобиля, оснащённого проблесковым маяком, стоял лейтенант с жезлом в руке и сержант с автоматом на правом плече. Лейтенант поднял жезл, приказывая остановиться.

– Готовь бабки, Леон. Я рассчитался там, а ты здесь, – сказал Олег, включил поворот и остановил автомобиль возле лейтенанта.

Тот вальяжно подошёл к водительской дверце, в которой уже опускалось стекло, взмахнул рукой к козырьку, представился, как было положено по всем требованиям, и потребовал предъявить водительское удостоверение и документы на автомобиль.

– Командир, очень торопимся. Жену в больницу с кровотечением везём. У нас всё в порядке, – сделал умоляющее лицо, Олег показал на заднее сиденье, где уже лежала и притворно стонала Ада.

– Я вас задержу лишь на минуту. Предъявите названные мною документы и поедете, – спокойно, но твёрдо заявил лейтенант.

– Командир. Каждая минута дорога, – подключился Леон, протягивая лейтенанту две купюры по тысячу рублей, а второй рукой опуская стекло.

Лейтенант в один миг переменялся в лице, сделал шаг назад и, расстегнув кобуру, громко потребовал:

– Выйти из автомобиля! Обоим!

– Успокойся, лейтенант. Возьми документы и проверяй на здоровье, – сказал Олег, потянул руку к «бардачку», а сам шепнул Леону: – Это перехват. Ты автоматчика, а я лейтенанта.

Понятно, что предложенное Олегом было чрезвычайно рискованным, потому что в руках сержанта уже ошетинился автомат, направленный в сторону водителя и пассажира, а рука лейтенанта лежала на рукоятке пистолета, находящегося в кобуре. Олег достал документы и левой рукой протянул лейтенанту, удерживая правой пистолет, скрытый щитком приборов. Лейтенант сделал шаг к автомобилю и уже намеревался взять документы, как почти одновременно раздались два выстрела. Работники ГАИ упали на землю. Олег и Леон выскочили из машины, забрали оружие и, сделав ещё по контрольному выстрелу, сели в автомобиль и умчались, оставив кровавый след, а в это время в машине автомобиля ГАИ звучал настойчивый вызов по рации.

Ада со страхом смотрела на дуло автомата, лежавшего между двумя передними сиденьями, а потом отодвинулась вправо, прижавшись к дверце. В это время навстречу проехал самосвал.

– Сейчас водитель обнаружит гаишников и позвонит в ментовку... Ищи дорогу в обход Клина, – Леон был чрезвычайно встревожен.

– Надо было их затащить в автомобиль и посадить на сиденье. Тогда то, что с ними произошло, обнаружилось бы значительно позже, – ответил Олег.

– Надо было это сказать там, а не здесь.

– Так вот... Не зря говорят, что спешка нужна при ловле блох, а мы почти везде её применяем... Поедем нашей дорогой... где в тот раз ехали.

Не доезжая с километр до Клина, Олег свернул автомобиль на просёлочную дорогу, а потом въехал в город и глухими улицами выехал из него и снова просёлочной дорогой направился в леса Солнечногорска. Петляя по извилистым дорогам, все благополучно прибыли на место в своё обиталище.

Олег заглянул к Вале и увидел её сияющей, хотя та, услышав их приезд, притворилась таковой, потом он прошёл в свою комнату. Следом зашла Ада, а за ней и Леон с сумкой денег.

Олег и Леон сразу приступили к дележу. К ним подсела и Ада. Олег строго посмотрел на неё и выпалил:

– А ты, какого хрена вытарашилась? Иди жратву готовь. Мы тут сами как-нибудь разберёмся, – а когда та, насупившись, ушла, перевёл взгляд на Леона: – Считаю общую сумму, а остальное потом решим.

Леон без единого слова высыпал всё содержимое из сумки и стал считать, а Олег откинулся на стуле и, закрыв глаза, окунулся в размышления.

Всё, что происходило в этой комнате, Валя слышала, и ей было понятно: «Снова кого-то ограбили». Тут вошла Ада, принесла огурец, кусок хлеба и стакан воды. Молча поставила возле неё и тут же вышла. Её хотелось пообщаться с Валею, до конца растопить в ней чувство обиды, но в данной ситуации оставлять наедине Олега и Леона она не могла.

Смерть из прошлого

С раннего утра Каневского вызвал начальник следственного управления. Разговор состоялся не из приятных. Ему было высказано недовольство по поводу отсутствия положительных результатов при расследовании уголовного дела, возбуждённого по факту похищения секретаря суда Залегиной.

– Со всех концов на меня насаждают... Председатель городского суда, из ФСБ России, прокурор города и его зам, курирующий следствие... Спасу нет. Не знаешь, что ответить... Что сделано на сегодняшний день? – вопросом закончил начальник.

Каневский доложил весь ход следственных мероприятий и их результаты, а в конце обозначил:

– Повседневная работа по делу ведётся и не прекращается. Похитители известны. Поисковый круг с каждым днём сужается, и скоро мы их задержим...

– Не скоро, – перебил его начальник, – а три дня тебе, Борис Фёдорович, для этого... и ни часу больше... Жених Залегиной... ФСБешник помогает?

– Вадим Коваленко? О, да! Постоянно, Григорий Максимович... Он и его сослуживец. Большую техническую работу провели и проводят с подключением некоторых спецслужб ФСБ, да и мне непосредственно по делу...

– Ну хорошо, – опять перебил его начальник, схватив трубку зазвонившего телефона.

Спустя несколько секунд он, слушая командный голос в трубке, показал пальцем на трубку и на Каневского, а потом жестом руки дал знать, что тот может уйти. Борис кивнул головой и вышел.

Подойдя к своему кабинету, увидел Вадима и Колю, ожидавших его, сидя на скамейке в коридоре. Поприхватывая друг друга, они вошли в кабинет.

– Ну-у! Братцы... чем порадуете? Есть ли что нового у вас? А потом я озвучу, – спросил Каневский.

– Кое-что есть, – ответил Вадим. – Ада, позвонив Софии Захаровне... матери Вали, коротко сообщила, что Валя жива и здорова, и что она скоро ей поможет оказаться дома, после чего положила трубку. Звонок повторился с того самого места, что и прежде. Мы с Колей пришли к выводу, что похитители находятся в заброшенном хуторе... Это там, где Коля помог им прооперировать самостоятельно хирургическую операцию.

– О, как! Так надо ехать туда! Вызову спецназ и поедем.

– Не надо. Сами справимся, – ответил Коля. – А у тебя, Борис Фёдорович, какие новости?

– Похоже, что эта группа совершает разбойные нападения на отделения сбербанка... я запросил сведения о преступлениях из Московской и Тверской областей, изучил эти сводки... И что вы думаете? Двое мужчин и женщина совершили налёт на магазин в Клину, сбербанка в Солнечногорске и Конаково. Автомобиль используют всё тот же... Олега, но красят его по-разному и изменяют номерные знаки. Я поработал над ними и получил тот же результат, что и у них. Кроме этого, есть подозрение, что они, возвращаясь после налёта на отделение сбербанка в Конаково, где застрелили

охранника и тяжело ранили кассира, были остановлены на автотрассе Санкт-Петербург – Москва работниками ГАИ... Это перед Клином... и те совершили убийство лейтенанта и сержанта, завладев автоматом и пистолетом. Если это так, то эта группа озверела.

– Оказавшись в глуши, они решили таким жестоким способом добывать себе средства для существования, – сказал Вадим. – Но оказывается не только для этого, но и для обогащения.

– Да-а! Я думаю, что они, добыв финансы, намереваются скрыться из Подмосковья. Надо торопиться. К тому же мне шеф сегодня дал всего три дня для поимки всей группы.

– Эти налёты точно они совершили? – поинтересовался Коля.

– Я сказал, есть подозрение. Мы разыскиваем двух мужчин и женщину или девушку, и там замечен такой же состав. Мужчины действовали в масках, но один свидетель увидел у налётчика родинку ниже мочки уха... и у нашего похитителя Вали Залегиной такая же примета. К тому же её подтвердил отец Олега и домработница. Это всё пока... Маловато, но всё же, я считаю, мы на правильном пути... И ещё... фоторобот девушки... Правда, он разный, но всё же смахивает на Аду. Так что надо ехать к Николаевой операционной, – сказал Каневский, глянул на Колю и засмеялся.

Вадим опустил в задумчивости голову. Ему хотелось это сделать немедленно, не откладывая, он готов был на любые авантюрные действия, самой опасной сложности.

– Мы можем прямо сейчас поехать, – вдруг произнёс Коля. – А чего откладывать.

От этого предложения глаза Вадима загорелись согласием и решимостью. Он даже привстал со стула, давая этим понять, что готов к действию.

– Поедем завтра, – возразил Каневский. – А сегодня мы нанесём визит к маме Ады, отцу Олега и будущей теще Вадима. Надо ещё раз поговорить с ними путём разведывательного опроса, выясняя, когда приходили последние звонки от похитителей.

– Ну, нам же известны эти даты...

– Вадим, – перебил его Каневский. – Известно, я не спорю, но сегодня тоже день проходит. Могли они позвонить?.. Конечно, могли. О чём шла речь, если это было? Если же нет, то завтра сразу утром едем. Я доложу своему руководству насчёт этого мероприятия и насчёт того, что надо взять оружие. Вы это сделайте у себя на службе, чтобы всё было законно и поддержано руководством. Согласны?

Те закивали головами в знак согласия.

– Тогда, – продолжал Каневский, – я еду к отцу Олега, Коля к матери Ады, а Вадим к своей будущей теще.

Визит Вадима к Софии Захаровне был безрезультатным. Кроме слёз и умоляющей просьбы найти Валю он ничего не увидел и не услышал. Как мог, утешил её, обещая принять решительные меры... И с этим ушёл. Позже позвонил Каневскому и доложил.

Каневского Виктор Андреевич встретил хмуро и безрадостно. Хотя и радоваться-то не было причин.

– Нет, не звонил и не писал... После того, как позвонил домработнице. Если честно... то в моей душе перегорело всё, и я не жду от него вестей. Был у меня любимый сын до того, как не встал на тропу бандитизма, а потом при похоронах супруги... похоронил и его... в

своей памяти. Боюсь, что он не остановился на том, что совершил. Если не звонит и не просит денег, что всегда это делал, значит, нашёл способ и добывает сам, – с грустью и болью пояснил он Каневскому, а перед его уходом добавил: – Если бы я располагал какой-либо информацией о нём и его дружке, то, не раздумывая, поделился бы с вами. Хочу, чтобы его как можно быстрее поймали.

– Почему так? – спросил следователь.

– А чтобы больше ничего позорного не совершил. Одна просьба к вам, Борис Фёдорович... Можно?

– Если в моих силах... и её выполнение не противоречит требованиям закона... я слушаю.

– Обычно по таким делам средства массовой информации взахлёб вещают всей общественности... Можно сделать так, чтобы этого не было? Не выдержит моё сердце позора.

Каневский подумал и ответил:

– Что касается меня, то могу из уважения к вам это гарантировать. Но как другие? Как журналисты? А они на судебном процессе могут присутствовать. Тут я уже гарантий не могу дать. Одним словом, давайте дождёмся их задержания, и если они за время бегства ничего преступного не совершили, то это будет проще. Тогда я смогу сразу гарантировать исполнение вашей просьбы в полном объёме потому, как и мои друзья в этом же заинтересованы.

– Спасибо вам за человечность, – сказал Виктор Андреевич и с теплотой в глазах посмотрел на Каневского.

Простившись, тот ушёл. Выйдя к месту парковки автомобиля, он вспомнил, что Коля задерживается с со-

общением информации, полученной от матери Ады... и тут раздался звонок.

– О, Коля... А я только что о тебе подумал. Ну, давай докладывай, – обрадовался Борис. – Есть что?

– Есть, Борис Фёдорович. Ада звонила ей сегодня. Сказала, что на днях будет дома. Попросила приготовить любимые ею пирожки с капустой и печенью.

– И всё?

– Зинаида Ильинична только и успела спросить... где она сейчас, как та положила трубку.

– Странно. Обычно женщины тяжеловато расстаются с телефонной трубкой. А тут...

– Думаю, что её кто-то спугнул. Может, тот, который запрещал звонить? А может, зарядка кончилась. Там же зарядить аккумулятор негде. Так что с нашими службами созвонись. Откуда звонок поступил? С того самого места или другого.

– Непременно. Ладно, Коля, до завтра. Жду вас обоих часикам к восьми. Поедем пораньше.

Только успел Каневский закончить разговор с Колей, как позвонил начальник следственного управления, приказавший срочно явиться к нему. «Что-то случилось», – подумал он, выезжая. Начальник по классному чину был на звёздочку ниже Каневского – советник юстиции. В сравнении с воинским званием – подполковник, а Каневский являлся старшим советником юстиции – полковником, но по занимаемой должности ниже. Должность начальника ему пророчили давно, и прокурор города дважды предлагал Каневскому быть начальником следственного управления. Однако тот категорически отказался.

Возвратившись в прокуратуру, он сразу же явился к начальнику. Тот сидел в кресле с красным лицом и расстроенным видом.

– Где вас всех носит? – начал с возмущением Григорий Максимович. – Когда срочно надо, никого не найдёшь.

– Вы знаете, где я находился и что делал. Какие ко мне претензии? – ответил Каневский.

– Присаживайся, – и начальник кивком головы указал на стул за приставным столиком, откинувшись на спинку кресла, смерил Каневского глазами и продолжил: – Руководство село на шею и ноги свесило. Требуется немедленного выезда на место происшествия, а я вас никого не найду... Хотя самому ехать... Дело в том, что в сквере неизвестный с капюшоном на голове и маской на лице напал на студентку МГУ Краснову Наталью... Ничего не взял, но пытался задушить, да появившаяся группа ребят помешала, и он убежал. Они и вызвали «скорую» и милицию. Девушка сейчас в больнице. Вот адрес, – и он протянул листок с настольного календаря. – Поезжай, Борис Фёдорович, поговори с ней. Если есть возможность, допроси её, а потом сам решишь, что делать. Она дочь крупного госчиновника... Сам понимаешь... главенствует скорость раскрытия. Следовательно межрайонной прокуратуры осматривает место происшествия и допросит свидетелей. Дело уже возбуждено. Кто будет расследовать, решим завтра утром. Вопросы есть?

– Вопросов нет. Всё понятно. Я поехал.

– С Богом, Борис Фёдорович... и дай-то Бог, чтобы всё получилось.

– Даст, Григорий Максимович. Он на нашей стороне и тоже хочет покарать злодея, – лицо Каневского осветила улыбка, и он, поднявшись, вышел.

Возле кабинета у окна его ожидал Вадим. Он задумчиво смотрел на пронесившиеся по улице машины, а сам думал о Вале.

– О-о! Вадим. А ты чего здесь? – удивился Борис.

– Колин результат я знаю, а твой нет. Может, помощь какая нужна... Я и приехал.

– У меня, как у тебя. Виктора Андреевича горе совсем подкосило. Нового ничего. Завтра к восьми утра приходи... Поедем.

– А ты, куда так заторопился?

– В больницу. Надо побеседовать с потерпевшей, которую неизвестный хотел задушить.

– Не Олег ли?

– Отбрасывать, как версию... нельзя.

– Я с тобой... Можно?

– Не возражаю, Вадим. Поехали.

Прибыв в больницу, Каневский в приёмном покое узнал, в какой палате находится Краснова, и кто лечащий врач, направился вместе с Вадимом к нему в ординаторскую. Выслушав представившегося Каневского, он возразил:

– Посещения не желательны. Ей тяжело разговаривать. Да и отец её там.

– Ничего... я задам в присутствии отца щадящие несколько вопросов и уйду. Можете и вы поприсутствовать, – настоял следователь.

– А это с вами кто?

– Оперативный сотрудник ФСБ России.

Лицо врача сразу стало серьёзным. Он встал и, кивнув головой обоим, направился к двери. Борис и Вадим последовали за ним. Войдя в палату, где на стуле возле койки Красновой сидел отец, врач сразу же представил

вошедших и попросил согласия отца побеседовать с его дочерью. Отец дал согласие и уступил стул следователю. Тот поблагодарил, сел и сразу же стал задавать вопрос за вопросом. Девушка спокойно и тихим хриплым голосом отвечала. С того момента, как он сел на стул, назойливо в нос лез неприятный запах от Красновой. Каневский присмотрелся к синюшным следам пальцев рук преступника, оставшихся на её шее, затем склонился к ним и потянул носом. Зловонье сразу сильно ударило в нос. Он повернулся к врачу и спросил:

– Доктор... Подойдите поближе, – а когда тот встал рядом, продолжил: – Это ваше лекарство так приторно пахнет?

– Нет, – сразу же ответил он. – С этим запахом её доставили. А, что?

– Вы можете взять образцы с шеи потерпевшей на чуть влажный тампон и поместить в герметичный сосуд?

– Без проблем, – ответил врач и быстро вышел.

Каневский посмотрел в лицо девушки, а потом спросил:

– Наташа, где ваша верхняя одежда?

– У папы в пакете, – ответила та и закашлялась.

Не ожидая вопроса следователя, тот достал её платье, понюхал, скривился от запаха и протянул Каневскому.

– Я изыму платье. Не возражаете?

– Да, пожалуйста, – ответил отец девушки, и по его виду было заметно, что он проникся к действиям следователя и готов был оказать любую помощь.

Каневский пригласил двух понятых, изъяс протоколом платье, герметично упаковав его, а потом стал до-

прашивать девушку, но пришлось отложить допрос из-за того, что возвратился врач и стал в присутствии понятых брать смывы и соскобы с шеи потерпевшей.

Когда всё было закончено, Каневский спросил Краснову:

– Кто из ваших знакомых, врагов и недоброжелателей мог напасть на вас, и есть ли у кого-либо причина для этого?

– Не знаю. Ни врагов, ни других... нет у меня. Кто это мог быть... не могу представить.

– Хорошо. Давайте так сделаем... Вы по одному называйте своих знакомых парней, а я буду о них спрашивать.

– Ну, Вася Кузнецов, мой сокурсник.

– Какие отношения у вас с ним?

– Как у брата и сестры.

– Ссорились когда-либо?

– Никогда.

– В состоянии он совершить такое?

– Нет, конечно.

Таким образом, Каневский перебрал десятка два её знакомых и приятелей, выясняя кто, где работает или учится, а когда Краснова заявила, что назвала всех, он спросил:

– Из тех, кто остался... как говорится, несолоно хлебавши, в далёком прошлом? Есть такие?

Наташа задумалась, а потом, вспомнив, произнесла:

– Есть один, но это было около двух лет тому... Амосов Глеб.

– Вы с ним встречались?

– Примерно полгода.

– И почему расстались?

– Изо рта у него пахнет, как из унитаза. Я ему неоднократно говорила, чтобы занялся своими зубами. Даже денег дала для этой цели, но он их прокутил, а к стоматологу так и не пошёл. Амосов добивался встреч, но я категорически отказалась.

– Когда вас напавший душил, не почувствовали этот зловонный запах?

– Не помню. Но я обратила внимание, а точнее, почувствовала, что на руках бандита были перчатки.

– Адрес, телефон его сохранился?

– Нет, но он живёт напротив церкви, что возле станции метро «Сокол»... На первой стороне, как ехать в Петербург. В этом доме магазин радиотоваров на первом этаже.

– Он учится или работает?

– Заочно учится в химинституте и работает лаборантом в лаборатории, которая располагается возле финансовой академии.

Услышав это, Каневский посмотрел на Вадима, а тот, поняв его взгляд, кивнул головой, мол, есть подозреваемый. Закончив допрос, Каневский, уходя, попрощался с потерпевшей и её отцом, а тот задержал его руку и промолвил:

– Борис Фёдорович, у вашего руководства я просил выделить следователя именно вас.

– Почему? Со мной работают грамотные толковые следователи. Можно любого...

– Нет, – перебил его отец потерпевшей. – Вы лучший. Даже сейчас я в этом убедился. Ведь никто, даже врачи, на этот запах никакого внимания не обратили. Вот моя визитка, и если так получится в жизни, что требуется моя помощь... звоните в любое время.

– Спасибо, но я не люблю пользоваться чужим именем в собственных целях... Думаю, что нападение на вашу дочь имеет корни из прошлого. Но это предварительное мнение.

– Ничего. Возьмите. Жизнь разносторонняя и не предсказуемая... А вдруг... А ваше мнение поддерживаю.

Каневский взял визитку, поблагодарил и вместе с Вадимом вышел из больницы. Мысленно он уже строил планы дальнейших действий по поимке человека, совершившего тяжкое преступление.

– Сейчас к лаборанту? – спросил Вадим.

– По пути завезём всё изъятое в больнице на экспертизу и сразу же в лабораторию, – ответил Каневский.

Эксперт приняла постановление о назначении экспертизы и образцы исследования, а потом с полчаса возилась с образцами и дала предварительное заключение, что на платье, соскобах и смывах выявлены реактивы, используемые, как правило, в химлабораториях. Поблагодарив её и попросив прислать окончательное заключение в прокуратуру, Каневский вышел к автомобилю, где его ожидал Вадим.

Ленинградский проспект был полностью забит автотранспортом, и ему пришлось съезжать на второстепенную, проходившую параллельно через квартал, дорогу. Возле станции метро «Аэропорт» они остановились и пошли пешком к зданию, в котором располагалась лаборатория.

– Ты останься при входе, а я поднимусь, – сказал Каневский Вадиму.

Тот подошёл к перилам и облокотился на них, а Каневский поднялся на второй этаж.

При входе в лабораторию сидел охранник. Посмотрев служебное удостоверение, он пропустил следователя, который спросил:

– Амосов Глеб сейчас на работе?

– Да, на работе. По коридору направо и третья дверь слева, – пояснил охранник.

Каневский прошёл по коридору и остановился перед дверью. Нестерпимо пахло тем же запахом, что и от платья, и шеи потерпевшей. Открыв дверь, он увидел мужчину лет двадцати семи в респираторной маске и выпуклых очках. Тот вопросительно посмотрел на него и спросил:

– Вы кто? И что вам нужно?

– Следователь по особо важным делам прокуратуры. Мне нужен Амосов Глеб.

На миг лаборант замешкался, а потом ответил:

– Пройдите вон в ту дверь, – она вела из его кабинета в другую комнату. – Он там.

Каневский поблагодарил и пошёл в указанном направлении. Как только вошёл в другой кабинет, его сразу встретил мужчина лет сорока пяти. «Ну, это вовсе не он», – подумал следователь.

– Мне нужен Амосов Глеб, – обратился он к нему.

Тот поднялся из-за стола, подошёл к Каневскому и, прищурив глаза, спросил:

– А вы как сюда вошли?

– Через дверь, конечно, – ответит тот и представился.

– В том кабинете, – и мужчина указал на кабинет, из которого он только что вошёл: – Вы видели молодого человека?

– Да, я у него даже спросил, а он показал на ваш кабинет.

– Так это он и был.

Каневский кинулся назад. Однако в кабинете уже никого не было. Он стремглав побежал к выходу и когда выбежал на крыльцо, то увидел лежавшего Амосова, а Вадим в это время доставал наручники, которые застегнул на его руках, а потом приподнял и поставил молодого человека на ноги.

– Какой же ты умница, Вадим, – похвалил Каневский. – А как ты догадался, что это именно он?

– Так он летел так, как-будто боялся на поезд опоздать... ну-у... я и подставил ему ногу.

Начали вокруг собираться зеваки. Одни интересовались, за что его держат в наручниках, другие со злостью называли бандитской рожей, а иные возмущались, как показалось им, противоправными действиями задержавших Амосова.

Каневский, во избежание увеличения числа собравшихся, отвёл задержанного к своему автомобилю и посадил в салон. На первой минуте Амосов отрицал своё участие в покушении на жизнь Красновой. Однако умело приведённые в доказательство доводы Каневского заставили его признаться. Оставив Вадима с Амосовым, он возвратился в лабораторию, изъяс там образцы зловонно пахнувших реактивов, а потом вызвал по телефону следователя прокуратуры, у которого в производстве находилось уголовное дело, и передал Амосова ему. Тот обалдевшими глазами посмотрел на Каневского и тихо сказал Вадиму:

– А он действительно настоящий мастер прокурорского сыска. Не зря сотрудники прокураторы так его называют.

Возмездие

Случайные жители заброшенного хутора продолжали обитать в этой покосившейся избе, так и не найдя общего единения между собой. Каждый из них жил, создавая видимость общности, а в тайне планируя свои личные алчные интересы. Олег замышлял застрелить Леона и Аду, а потом и Валу, а после этого забрав все награбленные финансовые средства, уехать в Калининградскую область, где жил и работал его одноклассник. Леон тоже далеко не ушёл от Олега, вынашивая план убийства Олега и Ады с целью завладеть их долями. В отношении неё раньше он по-другому намеревался поступить, но в последнее время, особенно после того, как она угостила их чаем из собственного травяного сбора, от чего их пронесло, и несколько суток они из кустов не вылезали, тогда и закралось к нему подозрение, что Ада замышляет расправу в отношении его и Олега. В отношении Вали Леон не помышлял лишать девушку жизни, даже планировал её освободить.

После неудачной попытки с чаем, Ада голову ломала, как расправиться с Олегом и Леоном. Она заметила, что они стали осторожнее, кушали и пили чай только после того, как начинала она. В одном они были едины, – в течение двух дней реализовать то, что задумали. Так каждый в тайне от других решил. Если Олег и Леон в выборе способов были спокойны, у каждого

для этих целей был пистолет, то Ада приняла решение забрать всю сумму и убежать, хотя и сомневалась, и боялась преследований со стороны Олега и Леона, но всё же вынашивала надежду, что их быстро поймают, и она окажется свободной как птица. С этими мыслями она зашла к Вале, лежавшей на дощатом настиле, и присела рядом.

– Ну, что подружка... – оглядываясь, почти шёпотом начала Ада. – Готовься. На днях уходим. И поможет нам Бог. Как у тебя с замком? Не нашла подход? А то этот, урод, ключ теперь носит с собой. Не доверяет... или спрятал где-то.

– А какой подход я могу найти? – вопросом на вопрос ответила Валя.

– И то правда. Но ничего. В крайнем случае, мне одной придётся уйти, а к тебе послать подмогу.

– А как тебе это удастся?

– Да проще всего. Я же свободна в передвижении. Воспользуюсь ротозейством этих двух... и ноги в руки. Интересно, до автомобильной дороги далеко?

– Я вообще понятия не имею, где мы находимся. Ты же с ними разъезжала... Что, не видела?

– По дороге я знаю. Убегать придётся через лес. Обнаружат, что меня нет, – кинутся в поиски... на машине... по дорогам...

В это время дверь скрипнула и приоткрылась, после чего появилась лохматая голова Олега. Окинув обеих взглядом, он с подозрительной ноткой в голосе спросил:

– О чём это вы шепчетесь?

– Боялись вас разбудить, – ответила Ада.

– Так о чём конкретно?

– Валька помыться просит, а я...

– Обойдётся, – оборвал её Олег и закрыл дверь.

Ада встала и сразу же ушла, боясь вызвать подозрение.

Валя соскочила и продолжила расшатывать металлический кол. Он к этому времени уже еле держался, с каждой минутой усиливая надежду Вали.

Олег, не поднимая глаз на вошедшую Аду, сердито бросил:

– Ищешь пути к примирению? Ну-ну!

– Олег, ты всегда со своими дурацкими домыслами. Тебе никогда не казалось, что ты всем надоел этим?

– Особенно тебе.

– А мне-то как! Ты себе представить не можешь. Ты, наверное, родился в оболочке зануды. А уж потом...

– Ты... чмо московское, – оборвал он Аду. – Если не прекратишь лязгать своими корявыми зубами и не закроешь свою хлебрезку... то я сам закрою, – Олег посмотрел на Леона, у которого был отрешённый вид, а потом, смерив с ног до головы суровым взглядом Аду, закончил: – ... и навечно.

По спине у Ады пробежал бодрящий холодок, что заставил её замолчать, но это только подстегнуло её: «Уйду сегодня ночью. Больше такое выносить не могу».

Олег тоже после сказанного им стал размышлять: «Надо заканчивать эту толкушку. Пока менты нас не надыбали», – а сам, посмотрев на Леона, спросил:

– Леон? Тебе не опостылела наша жизнь?

– Я, как искушённый ценитель искусства, скажу вам прямо... дорогие мои коллеги, – начал он с пафосом. – Надоело... И я хочу, чтобы этот день нахождения в этом сарае был последним...

– Тогда вот что, – оборвал его Олег, – идём за своими долями... Подведём итог, упакуем и покумекаем, что делать дальше каждому.

Олег поднялся и направился к выходу. За ним медленно, даже нехотя, встал Леон и вышел следом.

Солнце по пастушьим меркам было в орбите и размер тени человека соответствовал одному метру, что условно обозначало час дня.

Олег и Леон отрыли свои спрятанные «сбережения», а точнее, поделённые финансовые банкноты, украденные у государства вероломным путём, и молча возвратились в избу. Ада уже сидела со своей кубышкой за столом. Каждый, подойдя к своему лежаку, выкопал купюры и приготовился к подсчёту. У Олега куча денег оказалась по высоте чуть больше, чем у Леона. Ада, увидев это богатство, задохнулась, подкатил комок к горлу, глаза стали огромными и круглыми.

– Ни-фи-га себе, – простонала она, глядя на кучи банкнот, да так, что изо рта слюна побежала. – И это всё вам одним?

Олег, перестав подсчитывать, поднял голову и свирепо окинул её взглядом, а потом с подковыркой ответил:

– Вале половину отдам... частью бомжей награжу.

Сказал и сразу продолжил считать. Услышав это, Ада восприняла слова за сухую правду, и губы её гневно скривились, накатило чувство обиды, что недовольством покрыло всё её лицо.

– А ей-то за что? За то, что провалялась на своём ложе всё это время? – на повышенном тоне выпалила она, глядя на Олега.

Олег, не обращая на неё внимание, шевеля губами, отсчитывал банкноты.

– Старые чувства возобновились? Да... Олежка? – сунув глаза, продолжала Ада.

– Вот идиотка... Придётся по новой считать, – сказал Олег и со злостью бросил в кучу державшие в руках банкноты. Повернувшись в полоборота к Аде и вытянув руку в её сторону, закричал: – Ты закроешь свой поганый рот? Или тебе помочь?! – видя, что та опустила глаза, принял это за испуг и добавил: – Я это быстро смогу... У меня не заржавеет.

Выждав минут пять, глядя то на неё, то на Леона, спокойно считавшего и увязывавшего купюры в отдельные пачки, он вновь принялся за свою работу.

А у Ады в груди продолжало распирать от обиды, она отрешённо смотрела на свою совсем незначительную кучку денег, а думала о другом: «Надо было обухом по башке... Отравить не удалось. А жаль. А что? Сегодня уснут оба... и на веки...» – и от наплыва эмоций, как она считала, несправедливости к ней, вдруг выкрикнула:

– Вот так! Горбатишься сутками на вас, уродов... и спросить бы... за что? За просто так? Я что вам должна была?

Олег окончательно закипел. Снова нервно бросив купюры в общую кучу, выпучив глаза на Аду, закричал:

– Да ты уймёшься наконец?! Истеричка!

– Сам истерик... Иди вон... Неси своё бабло Вальке... И моё можешь отдать ей. Я жила без него и прожи...

Ада не договорила. Олег схватил пистолет, лежавший с ним рядом, и выстрелил. Пуля ударила в левую часть её груди и сразу же окаймила входное отверстие красным цветом. Несколько секунд Ада сидела с открытым ртом и широко открытыми глазами, потом

голова упала на грудь, и она медленно склонилась набок.

– Задолбала... сука, – процедил Олег сквозь зубы, а потом встал, подошёл к ней и ткнул два пальца к шее. – Готова.

Леон смотрел на Олега, а сам думал: «Ну что скажешь? Бешенный. Застрелить его сейчас? А чего ожидать? Как раз момент», – и протянул руку к пистолету, лежавшему на подоконнике, но взять не успел. Олег извернулся, сделал рывок в сторону, направил на него пистолет, и прогремел выстрел. Леон носом уткнулся в кучу денег и замер.

– Ва-у! – закричал Олег переполненный радости. – Ребята, извините, но такая ваша судьба, и выбрал её вам я.

Валя, слышавшая через стенку обо всём происходящем в комнате, в тревоге усердно продолжала расшатывать кол. Он стал всё сильнее поддаваться, а когда она потянула его вверх, на её радость он сразу же вышел из глубины и глухо упал у её ног. Отрадное чувство охватило её, даже вылилось через край, на глазах появились слёзы, она медленно опустилась рядом на солому и, глубоко вздохнув, смотрела на это железное чудовище, с которым она в одиночку боролась столько дней и ночей. «Ключ бы?! Но где он?» – вертелось в её голове, а сама маскировала зияющую дыру в земле, одновременно соломой замаскировала и кол, чтобы не был виден на поверхности, а в голове витали мысли: «Только бы он ушёл куда-нибудь... или дождаться сумерек, а потом куда глаза глядят... и бегом, бегом, бегом».

Олег тем временем сгрёб в свой вещевой мешок доли денежной массы Леона и Ады, туда же добавил и

свою, завязал и бросил на ложе, а потом, вытянув руки в стороны, довольно улыбаясь, потянулся. Своими действиями он был удовлетворён более чем. Его мечта, переросшая в план действий, сбылась, его соучастники мертвы, вся награбленная разбоем сумма принадлежит только ему, и теперь он свободен в выборе, куда податься: «Доберусь до железной дороги, на товарняке уеду за пределы области, а там в любой город, остановлюсь в гостинице на денёк-другой, приведу себя в порядок... и в путь... подальше... А с этими что делать? Закопать здесь за избой?! Не хватало возиться... Обложу избу сухой соломой, травой и «петуха»... Заодно сгорят все следы... Классно», – и обуреваемый нахлынувшими мыслями, что посчитал единственно правильными, он вышел из избы, громко хлопнув дверью, потом стал носить солому, рвать сухую высокую траву, обкладывая кругом ветхого сруба избы.

Валю, видевшую, чем занялся Олег, это крайне волновало. Она понимала, что тот готовится поджечь избу. Догадалась она и о том, что ни Леона, ни Ады уже в живых нет, и уверена была, что и её он не оставит и не отпустит. «Что делать? Как быть? Незаметно уйти не смогу... либо догонит, либо застрелит», – как молоточком стучали эти слова в висках. Вся в напряжённых мыслях, она в какой-то момент подняла глаза и обомлела от неожиданности. У открытой двери стоял Олег и криво ухмылялся.

– Ну что... Валюха? Тут-то мы с тобой и попрощаемся... и навсегда. Я подамся к чёрту на кулички, а ты, голуба, останешься здесь, – произнёс он властно.

– Убьёшь меня? Как Аду и Леона...

– Ну не оставлять же тебя Вадиму! Ты ведь мне принадлежала, – перебил её Олег, – а потом предала меня и перемахнула к Вадиму... У тебя передо мной большая вина... и ты должна ответить, как и полагается. Буду судить тебя я... и исполнителем тоже буду я. Это недолго. Вот сейчас из избы вынесу свои вещи... и начнём.

– А Бога не боишься? Ты уже столько злодеяний совершил, что он тебя и в преисподнюю не пустит... Ответишь страшными муками.

– Бог я сам, и я принимаю решения, кому жить, а кому умереть, – бросил через плечо Олег и вошёл в свою комнату.

Валя достала кол и положила на своё ложе, замаскировав соломой, сама же села рядом, чтобы в случае чего можно было применить его для самозащиты.

Олег долго копался в личных вещах Леона и Ады, перебирая их неоднократно, а потом махнул рукой, взял свои личные вещи, вещевой мешок и вышел. Бросив всё подальше от избы, он обошёл избу и направился к Вале.

– Надо кончать... с ней, а чего тянуть? – под нос сам себе буркнул и тут же достал пистолет, подойдя к открытой двери, глянул в бледное лицо девушки и произнёс: – Будем прощаться? Закончились наши деньки, Валюха... Не поминай лихом...

– До чего ты докатился, Олег? Стал жестоким убийцей, и дороги тебе в жизни нет и не будет. Ты в тупике, – голос Вали звучал твёрдо, но с нотками обеспокоенности. – Ты вот пришёл, чтобы убить и меня, как Леона и Аду... Скажи... тебе от этого на душе легче станет? – и она незаметно левой рукой подтянула к себе кол.

– Отвечаю... Ты знаешь... Значительно легче. Уж слишком вы с Вадимом насолили мне... наплевали в душу, а потом то, что произошло со мной и Леоном здесь... ранее... Это работа Вадима... Я в этом более чем уверен.

– А что произошло-то?

– Не важно... И это пусть тебя не касается.

– Скажи, чего таить... тем более ты собираешься меня убить... Я и так рассказать никому не смогу...

– Сделал меня и Леона не мужчинами... Вот что! – закричал со злостью он. – Сволочь твой Вадим и ты такая же...

Глаза его стали бешеными, как у зверя, лапа которого оказалась в капкане, а к нему приближается охотник.

– Поэтому, – продолжал Олег, – я тебя и похитил... в отместку... а надо было и его сюда притащить!

– Ты поплатился за надругательство надо мною. Это сделал кто-то другой, но не Вадим.

– Выгораживаешь? – процедил сквозь зубы Олег и, сузив глаза, пронзительно посмотрел на Валу, удерживая в правой руке пистолет. – Бесплезно... Проси у меня прощения... Сука... Ну-у! – и он шагнул ближе, направив на неё пистолет.

Вся в тревоге и беспокойстве, она осознавала, что это конец, побледнела, тело задрожало, смотрела в его глаза и понимала твёрдость его намерений, с содроганием в голосе попросила:

– Позволь мне в свою защиту сказать тебе... как бы в предсмертном слове...

– Ну-у! Говори... Полминуты тебе для этого и не более... Через полминуты я нажимаю на спусковой крючок пистолета. Мой последний выстрел будет служить печатью на законченных наших отношениях.

– Олег... Я хрупкая, измученная тобой, бессильная девушка, но со своей непоколебимой гордостью. Если мне суждено умереть от твоей руки... я умру, но прежде буду защищаться, чем Бог послал, – и в этот момент в её руках мелькнул кол.

Валя резким движением рывком вперёд сделала выпад и концом кола, что было сил, ударила Олега в живот. Тот, вскрикнув от дикой боли, согнулся, не выпуская пистолет из рук. Воспользовавшись этим, она колом нанесла удар по голове, и Олег, уронив пистолет, рухнул лицом на пол. Валя перешагнула через него, взяла кол подмышку и, зайдя в комнату похитителей, увидела убитых Леона и Аду, там срезала верёвку, на которой Ада сушила постиранное бельё, после чего, вернувшись, крепко связала Олегу руки за спиной и ноги тоже.

Выйдя на крыльцо, почувствовала сильную слабость в теле, чего раньше никогда не ощущала. Села на ступеньку и в обессиленности, закрыв глаза, сидела в задумчивости. Она понимала, что свободна, что может уходить из этого проклятого места, но не хватало сил... В памяти пронеслось всё, что здесь происходило за время пребывания в заточении. Вдруг её слух уловил еле слышный шорох листвы под ногами идущего человека, и медленно открыв глаза, подняла голову. Перед ней стоял Вадим. Губы его дрожали, он смотрел на грязную, худую, со слипшимися, давно не видевшими воды и ухода волосами девушку с цепью на ноге и прикрепленным к ней колом.

– Валя... родная моя... любимая... цветочек мой, – простонал он, не скрывая слёз, шагнул к ней, поднял и прижал к своей груди.

Она беспомощно повисла на его крепких руках, а в это время от автомобиля, стоявшего через участок, бежали Каневский и Коля. Они все трое, прибыв в хутор, распределились, и каждый осматривал свой участок. Увидев, что Вадим первым обнаружил Валю, они и поторопились к ним.

Когда Каневский и Коля прибежали, Олег пришёл себя и открыл глаза. Первое, что увидел, – это Валю в объятиях Вадима, и попытался от злости закричать, но острая головная боль от удара заставила его замолчать. Каневский оглядел его, а после Валю, прикованную к колу, покачал головой и промолвил:

– Как же ты вытерпела, голубушка наша... это издевательство!

Вынув фотоаппарат, он заснял все интересующие детали на плёнку. За это время Коля метнулся к автомобилю, принёс инструмент, и они с Вадимом расковыряли Валю. Место ноги, которого касалась цепь, оказалось до крови стёрто.

Заглянув в избу и обнаружив убитых Леона и Аду, Каневский вызвал оперативно-следственную группу и труповоз.

– Где его автомобиль? – спросил Борис у Вали.

– Вон в том сарае, – тихим голосом ответила она и дополнила: – А всё награбленное... вон в том вещевом мешке.

– Валя, как ты сумела? Истощённая, обессиленная... как получилось-то?

– Этот кол Олег забил в землю весь. Все дни и ночи я его расшатывала и сегодня под утро смогла вытянуть. Олег с Леоном и Адой всё не могли никак поделить награбленное... началась ссора между ними... Олег застрелил обоих, обложил соломой избу, чтобы поджечь и

пришёл убивать меня... Я и «отоварила» его колом, а потом связала... Да-а... я слышала разговор между ними. Они кого-то застрелили в банке Конаково и двух милиционеров на дороге.

– На пожизненное потянул... подлец.

– Пристрелить бы его здесь, чтобы не мучить ни следователей, ни судей, ни надзирателей, – сказал Коля, сверля Олега сердитым взглядом, – а потом добавил: – Знал бы тот... товарищ, что ты ещё столько горя людям принесёшь, столько бед... Оставил бы навсегда в горящем сарае... Ну, что ж... Ты получил то, что заслужил, и ещё получишь. Возмездие неминуемое.

К этому времени прибыла вереница милицейских, прокурорских и медицинских автомобилей. Работа закипела. Каждый выполнял то, что должен был. Начальник УВД области, седоволосый генерал-майор, долго смотрел на связанного Олега, а потом спросил Каневского:

– Борис Фёдорович, так кто же отличился при задержании этого волка?

Тот, с теплотой глянув на прижавшуюся к Вадиму Валю, ответил:

– А вот она... героиня... Секретарь суда Валентина Залегина... Геройски выдержала весь период заточения, перенесла голод и издевательства, не потеряв способ и механизм выживания, ну и самозащиты тоже... будучи прикованной к этому металлическому кому, – и он указал на него, лежавшего рядом. – При попытке этим идиотом расстрелять её сумела выбить оружие и безвредить бандита.

Генерал подошёл к Вале, протянул руку и крепко пожал, а потом произнёс:

– Не оскудела наша Святая Русь народными героями... Спасибо тебе, дочка... От всего сердца спасибо. К этому вопросу мы вернёмся чуть позже... Будешь достойно отмечена. Это я тебе обещаю.

Подоспевшие медики детально обследовали Валю, произвели обработку раны ноги и постоянно удивлялись, как при таком истощении организма она могла задержать такого верзилу – своего мучителя. А Каневский глядя на неё и Вадима, предложил:

– Вадим, бери мою тачку и вези Валю домой. Там мама её заждалась. Поезжай... вот ключи, документы, а я с ребятами доберусь, Колю заодно захвати.

Вадим посмотрел на Валю, и та закивала головой, соглашаясь с Каневским.

Взяв ключи, Вадим, Валя и Коля уехали.

Каневский обеспечил высокую степень качества документирования места происшествия и вещественных доказательств. Завершая работу, засобиравшись возвращаться в Москву.

Сидевший под охраной двух вооружённых милиционеров Олег, тупо глядевший на всё происходящее, пересмысливал плоды своей преступной деятельности и перед доставкой его в автозак попросил Каневского:

– Отцу моему сообщите... Я хочу его видеть.

– Но он тебя не хочет видеть... Так и заявил... мол, был у меня любимый сын и умер. Вот так-то. Дожил ты... Пришёл в никуда, – ответил тот и дал команду конвою поместить его в автозак для доставки в СИЗО.

– Дело-то, Борис Фёдорович, вы расследовать будете? – спросил генерал, садясь в свою «Волгу».

– Наверное, нет. По городу за ним значатся менее тяжкие, а вот по области... дело другое. Два убийства

только здесь и покушение, а на автодороге?! В Конаково?! Так что истребуйте наше для объединения.

– Понятно... Ну удачи вам всем, – сказал генерал и укатил с хутора.

Возвращаясь в Москву, Каневский по телефону доложил о результатах работы и задержании преступника начальнику следственного управления, а тот недовольным тоном сообщил, что Каневского забирают на работу в Генеральную прокуратуру, на что тот всякий раз категорически отказывался. Но на этот раз его вызывал сам Генеральный прокурор, а с ним разговор короткий: Есть! И под козырёк.

Новое назначение

Валя отказалась лечь в больницу на реабилитацию и тщательное медицинское обследование и это делала в поликлинике, при постоянном сопровождении матери. Та её ни на шаг от себя не отпускала. С каждым днём Вале становилось всё лучше и лучше, только раздражительность никак от неё не отступала, – сказывались условия её содержания в хуторской избе и жестокое к ней отношение. Но за неделю с небольшим она посвежела, немного прибавила в весе, появилось изящество движений, унылое настроение стало постепенно уходить. Однако всё ещё никак она не могла избавиться от тягостных воспоминаний заточения и от того страшного зрелища последних событий, кукловодом которых был Олег. То была изнанка жизни, возврата к которой больше не предвиделось.

После освобождения Вали и доставки её домой, спустя два дня, группа «Вымпел» была поднята по тревоге и отправлена в Дагестан с особым заданием. Всё происходившее там и результаты этой поездки – не вышли за пределы непробиваемого «Совершенно секретно».

Через две недели Вадим возвратился к Вале в прекрасном расположении духа и сразу же, с тремя огромными букетами для Вали, Софии Захаровны и Аллы, явился в квартиру Залегиных и попросил руки Вали.

Тройственное решение было озвучено согласием, радостью и вопросом: «Когда свадьба?»

Вадим, поразмыслив, молча обошёл кругом Вали с пристальным взглядом, а потом ответил:

– Ровно через месяц. Завтра мы идём в ЗАГС и подаём заявление о регистрации брака, послезавтра едем в Белую Церковь к моему брату Юрию и его жене Настеньке. За две недели я отпаиваю свежим молочком моё солнышко, возвращаемся домой и готовимся к свадьбе. Вопросы, возражения, пожелания есть?

Залегины переглянулись и поочерёдно отрицательно ответили.

Так и произошло. После подачи заявления на следующий день Вадим уехал с Валей на Украину, а София Захаровна, не дожидаясь их возвращения, начала усердно готовиться к свадьбе.

Каневский, передав уголовное дело в Московскую область, сидел в просторном кабинете на приёме у Генерального прокурора России, куда был срочно вызван. Напротив, за приставным столиком сидел начальник управления кадров с личным делом Каневского и докладывал. Перед Генеральным лежал «бегунок» с визами о согласии руководящих работников Генеральной прокуратуры, у которых тот прошёл собеседование.

Выслушав доклад, Генеральный прокурор поднял глаза на Каневского и спокойным тоном спросил:

– Ну и почему вы всё время противитесь? Понимаете... можно предложить раз... ну два, а потом забыть об этом работнике... Лично для меня ваш отказ не понятен. Поясните.

– Я привык работать на земле... как говорится. А у меня такое представление, что в самом главном учреж-

дении занимают должности государственные чиновники, к чему я не готов, – несмело ответил Каневский.

– Вам предлагали должность руководителя городского следственного управления, но вы тоже отказались. Почему?

– Руководитель и работать не одно и то же, а я привык, закатав рукава, работать, товарищ Генеральный прокурор. Поэтому и отказался.

– Но я вам предлагаю рабочую должность... Не руководящую... Генеральскую... Старшим следователем по особо важным делам. Будете расследовать уголовные дела намного сложные, намного эпизодные, намного ответственные. Ваше слово?

– А можно мне посоветоваться с моим замечательным наставником?

– И кто же он? Хотелось бы знать.

– Бывший исполняющий обязанности Генерального прокурора России... Олег Иванович Гайданов.

– Вот как? Сколько же у него наставников? Кузница кадров, – и Генеральный прокурор откинулся в кресле.

– Ну, что же... посоветуйтесь... Олег Иванович видный юрист сегодня, руководит крупной юридической фирмой... Значимый и уважаемый человек. Думаю, он плохого вам не посоветует. Тогда решим так... Вы завтра утром звоните начальнику управления, – и он кивнул головой на сидящего напротив, – сообщаете результат вашей встречи, и при положительном раскладе готовится приказ. Договорились?

– Так точно! Товарищ генеральный прокурор! – отчеканил Каневский, вскочив с места. – Разрешите идти?

– Идите.

Выйдя из Генпрокуратуры, Каневский направил свой автомобиль на Мясницкую, 46, где на четвёртом этаже располагался главный офис юридической компании Гайданова.

Припарковавшись со стороны Большого Козловского переулка, он поднялся в кабинет Олега Ивановича. Тот встретил его весёлой располагающей шуткой, усадил напротив и, почесав поседевшую бородку, спросил:

– Ты, Борис Фёдорович, чувствую, не просто так прибыл? Ведь так?

– Так, Олег Иванович, – ответил тот и объяснил суть визита.

Гайданов внимательно выслушал и сразу же расставил все точки над «і». Прочитал ему целое наставление, а в конце заключил:

– Отказываться от такого предложения просто невежественно. Не каждому следователю предложат такую должность. Важняки Генеральной прокуратуры – это золотой фонд и надежда страны, – говоря эти слова, Гайданов сделал многозначительный и внушающий вид. – Немедленно надо соглашаться. Но, работая, надо приложить все силы и старания, применить все свои профессиональные знания, быть настойчивым, требовательным прежде всего лично к себе, и не забывать, что подозреваемые у вас будут не какие-то там бомжи, а очень высокого ранга, знающие и жизнь, и законы, и конечно же, дыры в них. Потребуется неотступная принципиальность в отстаивании личной позиции. Доказательства должны быть неоспоримы... и всегда следует помнить, что за действиями следователя и их результатами наблюдают «акулы» всех родов и видов. В случае отрицательных результатов в работе...

глубина карьерного падения будет равна глубиной пропасти. Но хорошо зная тебя, твой характер, подготовленность, знание закона... тебе это не грозит, – сказал Гайданов и поставил перед ним телефон: – Звони!

– Кому, Олег Иванович?

– Кому Генеральный сказал. Звони и сообщи, что ты согласен. По-другому быть не может.

Каневский вздрогнул, покачал головой, но взял трубку и позвонил.

Спустя два дня он уже сдавал свои дела, готовясь к приёму новых более важных и значительно сложных.

Вадим отпоил молоком Валю, к ней вернулось спокойствие, что дало освободиться от страхов, тревоги и придало силы, и они возвратились к счастливой Софии Захаровне. А когда наступила названная ЗАГСом дата, в торжественной обстановке был зарегистрирован брак, сыграна удивительная, благоухающая свадьба, на которой присутствовала вся группа «Вымпел» с её руководством и, конечно же, старший следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам Борис Каневский со своей женой Дашей.

Любовь победила и будет побеждать, это чувство глубокого уважения и уверенности друг в друге, когда мы каждой клеточкой своей души стараемся сделать любимых людей самыми счастливыми.

Всем было весело. Горевали заслуженно лишь те, кто находился в конфликте с существующим законом и сполна расплатившиеся за своих детей их родители и близкие.

Москва, Испания – Санта-Понса

Содержание

Лесная встреча	3
Встреча с мечтой	23
Взятка за «неуд»	43
Заговор троих	62
Подлог	82
Попытка суицида	98
Опасный замысел	106
Особое задание	115
Исповедь	156
Возмездие	172
Бегство от людей	199
Смена событий	210
Похищение	213
Налёт на банк	229
Покушение	243
Прогулка в Клин	253
По следу «волчьей стаи»	267
Дачная перестрелка	277
Кровавый след	289
Смерть из прошлого	301
Возмездие	315
Новое назначение	329

Александр Дмитриевич Шепель

МАСТЕР ПРОКУРОРСКОГО СЫСКА

Роман

Книга третья

ВОЗМЕЗДИЕ

Редактор-корректор: Л.А. Крамаренко
Компьютерный набор: Л.Г. Харитонова
Дизайн обложки – А.А. Аверьянов
Компьютерная верстка – Л.Н. Демина

Подписано в печать _____

Формат 84x108/32

Бумага офсетная

Тираж _____ экз. Заказ № _____

Отпечатано в типографии ООО «Литера М»,
390035, г. Рязань, ул. Гоголя, д.16, оф. 204